

Tom Clary
A ne spovny meda

Компания молодых, направляясь на планету-курорт, сбивается с курса и попадает на планету-каторгу. Чтобы спастись, им нужно добраться до автоматической дежурной базы. В это же время рядом совершает побег группа каторжных. Им также, чтобы покинуть планету, нужно добраться до этой базы. Чтобы локализовать бежавших, на планету высаживается группа военных, у одного из которых «старые счеты» с главарем бежавших. У всех впереди — триста километров по джунглям, горам и болотам — накануне кислотного сезона, который должен начаться через несколько дней.

— Приехали, — Сагео снял с контроллеров руки, откинулся на спинку кресла, уставился в потолок. — Борт дальше не следует.

Никто не отвечал. Мету, вцепившись в колени пальцами, смотрела в левый экран. Небол сидел, закинув голову и закрыв глаза. Корде, держа Небола за руку, смотрела в правый. Леро уставилась в длинные листья, распластанные по лобовому.

— Ну, и что будем делать? — сказала наконец Мету и обернулась к Сагео. — Надо ведь что-то делать.

— Не знаю, — ответил Сагео через минуту. — Я пока просто рад, что живы остались.

— Я тоже, — сказал Небол. — Только смысл? Мы покойники. Просто умрем чуть позже.

— Ты кого-то винишь? — Сагео отозвался устало и безразлично. — Кто-нибудь виноват?

— Ты, разумеется. Кто еще? Ты пилот. Железка твоя. Вот ты и крайний. Когда есть виновный, умирать легче.

— Хватит! — Леро стукнула ладонью в переднюю спинку. — Я умирать не собираюсь. Поэтому мне виновный не нужен. Тем более — кого на самом деле винить? При чем здесь Саг? Сами всё знали. А что делать — известно. Давайте передохнем и посмотрим, что делать с капсулой.

— Про капсулу можно забыть, — отозвался Сагео в потолок. — У нас выход только один. Триста километров по этим джунглям до станции. Даже если там придется ждать год — неважно. На станции мы не погибнем. Как здесь.

— Совсем забыть? — спросила Корде, отвернувшись от экрана. — Все-таки?

— Боюсь, совсем, Ко. Я пилот, как сказал Небол, а не техник. Могу управлять шлюпом, сервис-капсулой, если придется. Управлять, а не ремонтировать. У меня обычная лицензия, в конце концов.

Сагео протянул руку и обесточил аппараты капсулы. Мониторы погасли, отключилась индикация на контроллерах, только диски аварийного освещения под потолком проливали безжизненный свет на мертвую панель контроля. Снаружи по экранам капсулы скреблись длинные ржаво-зеленые листья.

— Ну, что тут такого? — воскликнула Мету, отвернувшись от мрачного леса. — Неужели трудно сообразить, как переключить этот ваш аварийный сектор? Для этого не нужна лицензия.

— Мету, я уже говорил, триста раз. Это обычная стандартная капсула. Это тебе не конструктор какой-то, в конце концов.

— Мету, — Небол взял ее за руку, — на самом деле. Это как смывной бачок. Только одна кнопка. Она собрана из стандартных модулей и предназначена для определенной цели. И все это хозяйство закрыто и запечатано, чтобы не лезли болваны.

— Как мы.

— Аварийный сектор заряда он и есть аварийный. От него питается передатчик и выживалка. Он рассчитан на две недели. Считается, что за две недели нас как бы найдут.

— Вообще, вся навигация предполагает крайний срок четырнадцать суток, — добавил Сагео. — Все системы поиска заточены под этот срок. Вот только...

— Вот только, — хмыкнула Корде, — мы сейчас совсем не в гражданском секторе. И когда нас найдут? И вообще, я так поняла, по вашим дурацким намекам, нас здесь искать не будут?

— Я тоже так поняла, — Леро вздохнула. — После твоих, Саг, страшилок. Что на наше «Спасите!» никто не ответит. Можно про него забыть.

— Вот и забудем, — отозвался Сагео без выражения.

— Значит, — сказала Мету со злостью, — будем сидеть в этой коробке пока не умрем с голоду? Или перегрызём друг друга?

— Мету, хватит болтать. Повторяю, будем добираться до станции.

— До станции, — Небол усмехнулся. — Триста километров по этим джунглям. Считай, нагишом, — он дернул Корде за край короткого платья.

— Здесь не холодно, — отозвался Сагео. — Двадцать — двадцать четыре градуса днем. Восемь — двенадцать ночью. Оружие у нас есть.

— Один разрядник? — Корде еще раз хмыкнула. — С одним элементом?

Сагео не ответил.

— Триста километров и так идти неделю. А здесь? — Мету посмотрела в угрюмый лес за экраном.

— Будем идти две недели, — сказал, помолчав, Сагео. — Пайка хватит. Воду найдем или приготовим — в комплекте все есть... И две недели здесь есть. Будет несладко, понятно.

— Боюсь, мы даже не представляем, как будет несладко, — сказал Небол. — Что мы знаем про эту точку? Ничего. Во всяком случае, ничего хорошего.

— Каторга, — кивнул Сагео. — Геоклимат, конечно, не такой, как на некоторых. Вы просто не знаете... Здесь еще курорт, можно сказать. Но все равно, здесь, как бы сказать, неуютно.

— Здесь, как бы сказать, очень неуютно. Особенно если учесть кислотный сезон. В который мы, к слову, почти попадаем. Смерть через десять минут. Так что если идем, Саг, то идем сейчас же. И как можно быстрее.

— Мамочка, — засмеялась Корде сквозь слезы. — Это еще и кислотная точка! Еще этого не хватало...

— Мы успеем. До сих пор справочные данные нас не подводили. У нас две недели как минимум, повторяю. Главное — успеть дойти до тех скал, которые мы определили сверху — которые вдоль реки... Там укрытие мы найдем. Пайка хватит, — Сагео помолчал. — Но мы успеем дойти и до станции. Я в джунглях бывал, а здесь не такие, в общем, и джунгли. Одно название. Здесь они вообще так называются только потому, что это экваториальный пояс... Настоящие джунгли гораздо хуже. На кислотных точках флора и фауна обычно слабая. А здесь и наклон такой, что полярная зона в треть полушария — вообще ничего не растет. На всей точке два класса животных, пять классов растений, в каждом отрядов и что там дальше — по пальцам пересчитать. Повторяю, настоящие джунгли — это когда без разрядника не пройти. Здесь так не будет. Не хнычь! — он обернулся, улыбнулся, хлопнул Корде по колену. — Страшно, неуютно, но не так, чтобы ложиться и умирать.

— Но мы ведь сначала попробуем переключить этот дурацкий сектор? — сказала Корде сквозь слезы. — У нас ведь есть инструменты?.. Ты же, Саг, говорил, что если переключить его на реактор, то километров на триста хватит? На орбиту не выйти, но тут... Как раз долетели бы!

Сагео отвернулся, оглядел грязную зелень листьев, распластанных по лобовому экрану.

— Сделаем так, — отозвался он через минуту. — Как обычно делают в таких случаях большие мальчики. Даем себе шесть часов. Попробуем все-таки вскрыть этот ящик, определить перемычки и переключить аварийку. Если через шесть часов, ровно через шесть, мы ничего не сделаем... Тогда ничего другого не остается — пешком к станции. Все. А сейчас берем железки и идем ломать модуль.

Сагео открыл люк. В салон вкатилась тяжелая сырость. Липкий гнилостный запах забрался внутрь и расплзся по всем углам. Небол вдохнул и скривился. Корде закрыла лицо руками.

— Мамочка...

— Неб, на выход, — Сагео выпрыгнул из капсулы в месиво листьев. — Смотри, как нам повезло! Какая полянка.

— Прямо хоть пикник разводи, — Небол вытолкнул Корде, выпрыгнул сам, оглядел поляну с двумя деревьями посередине. — Ты, Сагео, конечно, красавец, — он хмыкнул и покачал головой. — Воткнуть эту железку в такую дырку.

— Да ладно. Говорю — повезло просто.

Небол посмотрел в желтоватые тучи, осторожно вдохнул вязкий тяжелый воздух.

— Саг, открывай заслонку. Будем сообщать.

* * *

— Ну, что там у вас? — Мету заглянула Сагео через плечо. — Уже два часа копаетесь. За два часа можно было что-нибудь придумать?

— Мету, заткнись, — сказал Сагео сквозь зубы, не поворачиваясь. — Без тебя тошно.

— Связалась я с вами, придурками, честное слово! Сидела бы сейчас...

— Тебя никто за это самое не тянул, — сказал Небол с такой же злобой. — Я не понимаю претензий, вообще-то. Что значит «связалась»? Перестань психовать, сейчас же.

— Что значит «связалась»? Очень мило. «Связалась», значит? Ты, индюк...

— Мету, на самом деле заткнись, — Небол выпрямился. — Заткнись, или я сейчас проткну тебя тестером, честное слово.

— Протыкай.

— Мету...

— Хватит вам, дураки! — Леро подбежала, дернула Мету за руку, толкнула Небола в спину. — Замолчите! Мету, балда, сиди в капсуле и не суйся. Что за дура такая. Как девчонка маленькая, честное слово. Вы двое тоже!

— А где Ко? — Небол оглядел поляну. — В капсуле?

— Нет... — оглянулась в темноту Мету. — Вроде как погулять пошла?

— Я же сказал, — прошипел Сагео, — быть у всех на виду! Никуда не ходить! Даже в сортир! Вы что, бестолковые дети? Это вам не парк в соседнем квадрате! Где Корде?

— Корде! — закричали Мету и Леро. — Корде!

Небол отбежал на середину поляны и закричал оттуда.

— Может, правда в туалет пошла? — Леро пожалла плечами. — Корде! Ко!

— Я здесь! Что вы орете так? — Корде выбежала из-за капсулы. — Что случилось? Сделали?

Небол примчался обратно, схватил ее за руки, дернул.

— Я тебя сейчас свяжу, глупая дура! Всем было сказано — от люка ни шагу!

— Ну что значит «ни шагу»? Нельзя уже пройтись просто? Я замучилась сидеть в этой жестянке, четыре часа! У меня задница ноет!

— Заберите ее у меня! — Небол отвернулся, подбежал к борту, схватил тестер. — Заберите, а то я ее ударю, честное слово.

Леро подскочила к Корде, тоже дернула за руки, затолкала в распахнутый люк.

— Сиди здесь и не суйся, балда. Ты что, первый раз замужем? Ты что, не понимаешь, что это чужая планета? Она даже не исследована как следует.

— Корде, на самом деле, — Сагео подошел к люку, нагнулся, положил Корде на плечо грязную руку. — Успокойся и никуда не суйся. Дальше чем на пять метров от капсулы не отходить. Понятно?

— Понятно, — сказала Корде наполовину испуганно, наполовину обиженно. — Только не ори на меня так.

— Я не ору.

— Орешь.

— Вот сейчас я точно заору, — прошипел Сагео и дернул ее за плечо. — Молчи! Неб! — он выпрямился. — Скажи своей этой, пусть она замолчит и сидит, никуда не лезет. Еще не хватало нам здесь играть в прятки! Короче, — сказал он, вернувшись к открытой заслонке энергосектора. — Если кто-нибудь еще захочет пойти прогуляться — скатертью дорога. Я искать не пойду, — он отвернулся и уставился в перемычки.

— Зачем мы только вообще поехали, — не выдержала Мету через пять минут. — Да что же такое! — она вытерла слезы. — Ну почему обязательно это с нами должно было случиться? Ну что...

— Мету, — прорычал Сагео. — Если ты сейчас не заткнешься, истеричная дура, я тебя стукну.

— Ну и бей... От тебя ничего другого и не дождешься.

— Мету...

— Нет, ну что это такое! — Леро дернула Мету за руку. — Вы взрослые люди или...

— А ты вообще заткнись! — Мету оттолкнула Леро так, что та не удержалась и упала в сырое месиво листьев. — Ты-то зачем увязалась, соплячка? Сидела сейчас бы дома, как...

— Ну, вы там сделали, или как? — Корде выскочила из капсулы. — Сколько можно, уже два часа возитесь! Зачем я с вами поехала, дура!

— Ко, ты дура, я теперь это ясно вижу, — отозвался Небол. — И я тоже дурак — за столько времени этого так и не понял. Заткнись и сиди. Или иди отсюда к черту, чтобы я тебя больше не видел.

— Конечно, — засмеялась Корде сквозь слезы. — Конечно я дура — за столько времени не поняла, что ты такой гад. Тебе только одно и нужно. А чуть что другое — только и будешь всем верещать, какая я у тебя тупая. А вот сейчас и уйду, посмотрим...

— Ко! — Леро, не поднимаясь из вонючих листьев, схватилась за голову. — Небол! Вы что?! Три часа не прошло, а вы уже с ума сходите? А что еще будет? Правда — зачем я увязалась, соплячка? Небол, Саг! Ну, они дуры, ладно, но вы-то? Вы, может быть, и гады, но не дураки ведь! Детский сад какой-то, честное слово, — Леро вскочила. — Просто какой-то кошмар! Я вас не узнаю!

— Да ладно, — отозвался Сагео. — На самом деле, что толку себя обманывать. Мало того, что Сектор... Еще бросило-то сюда. Как по заказу. Но нас никто, как сказал Неб, за это самое не тянул. Все — большие мальчики и большие девочки. Ты, Леро, тоже. Так что заткнуться. Тем более, знали, что у шлюпа стабилитрон левый.

— Я, кстати, об этом узнала только три часа назад. Так что возмущаться больше всех

должна я. А вы даже ничего не сказали, — Леро улыбнулась. — Жулики. Я бы тогда сто процентов не полетела.

— Полетела бы, — усмехнулась Корде и вернулась в салон.

— Ну да, — снова улыбнулась Леро. — Дура.

— Вот-вот.

— Ладно, Ле, ладно. Нервы, на самом деле, — Небол постучал пальцами по откинутой заслонке. — Как-то меня здесь угнетает по-странному. Тучи эти желтые, вонь эта тухлая. Я даже есть не хочу.

— А я бы что-нибудь съела. Давайте откроем паек и по шоколадке?

— Вы там угощайтесь, только не особо, — сказал Сагео. — Не забывайте, нам еще две недели идти.

— А зачем ты тогда эти шесть часов назначил, если так уверен? — снова вскинулась Мету.

— Потому что больше не назначают. Ясно? А вы — тупые истерички.

— Саг, — Небол отложил тестер, выпрямился, повернулся к Сагео. — На самом деле. Затея бесполезная совершенно. Не будем себя обманывать. Давай перекусим и двинем. Не будем тратить здесь нервы.

— Ну, а почему все-таки с пульта нельзя попробовать? — Корде снова выскочила из салона. — Я не верю, что с пульта чего-то нельзя сделать! Вы просто не знаете!

— Корде, ты просто умница, — процедил Сагео, не оборачиваясь. — Мы на самом деле не знаем. Ты понимаешь это, или нет, идиотка? Это во-первых. Во-вторых, мы все-таки знаем, что с пульта ничего не сделаешь. Понимаешь? Эта функция пилоту туркапсулы недоступна. Понимаешь? Это аварийный резерв, и ими с пультов не управляют, ты понимаешь, дура? — Сагео почти кричал. — Это не туда-сюда-обратно тебе-и-мне-приятно, понимаешь? Это аварийный сектор заряда! Чтобы здесь найти перемычки, нужно или иметь полную схему, или прокопаться на стенде! Хрен знает сколько! А не с этой вот хренью! — он отшвырнул тестер. — Ты видишь, сколько их здесь, дура?!

— Ну, а что, нельзя поискать на пульте?

— Зачем?

— А вдруг?

Сагео упал в листья и обхватил руками голову. Небол устало присел рядом.

— Саг, давай что-нибудь пережужим и двинем.

Леро протянула им шоколад.

— Спасибо... — Сагео развернул плитку, стал вяло жевать. — Эй, ты сама-то не кусай столько... Шоколад пайковый... Плиткой можно накормить полкогорты.

— Саг... Если ты на самом деле уверен... Может быть, правда пойдём? Мне здесь уже надоело ужасно. Этот лес вокруг, он какой-то такой жуткий. Вонь эта ужасная. Меня тошнит уже.

— Ле, — Сагео перестал жевать и посмотрел на Леро. — Ты не представляешь, во-первых, что значит идти по такому лесу. Вон, у тебя уже кровь на ногах! Уже сейчас. Сиди на месте и никуда не ходи... Во-вторых, на такой точке. Если тебя здесь, на этой милой полянке, тошнит, Ле, — поверь... Мы через трое суток свихнемся. Если по-другому останемся живы. Мы здесь ничего не знаем, вообще! Только одно — здесь каторжные рудники. Нам еще повезло, что мы упали не под самую дверь. Поэтому поступим по экспедиционному правилу. Не мы первые, Ле... Люди не первый год терпят крушения. Есть

правила. Отработаем минимальный лимит. Если за шесть... Уже за четыре часа мы не определим схему переключения — пойдем. Четыре часа погоды не сделают. Если идти.

— А ты уверен? Что оно заработает, если определим?

— Леро, прости, но ты тоже дура.

— Да я уже поняла, — Леро вздохнула, ушла в салон.

* * *

— Давайте костер разведем, что ли. А то я сейчас тут свихнусь.

Мету в который раз вылезла из салона, подошла к Сагео и Неболу. Она стала у них за спиной и стала молча смотреть, как они с остервенелым терпением тестируют цепь перемычек.

— Саг, — сказал Небол, покосившись на Мету. — Может, попробуем все-таки раздолбать кабельный? Ведь это все без толку.

— Там еще больше без толку. Даже если мы вскроем крышку, до конца сами не снимем. Она заточена — как обратно? Придется все отъединять, а потом как? Нужен хотя бы стенд, говорю! Ты же знаешь, как делаются такие вещи.

— Тупо они делаются.

— Неб, перестань. Такие вещи, — Сагео стукнул в борт туплей, — делаются не для идиотов, которые падают в закрытую Зону, а для обычных идиотов, которые падают на какую-нибудь турточку и там загорают, пока их не подберет патруль. Я тебя сейчас стукну.

— Я тебя тоже. Мне надо отдохнуть, — он опустил в листья, откинулся к борту, достал шоколад.

— Давайте костер разведем! — прицепилась Мету. — Уже темнеет, страшно, и холодно.

— Грейся в салоне.

— Меня уже рвет от твоего салона. Там еще хуже. Коробка — как гроб! Здесь хоть ноги есть куда протянуть.

— Мету! — Сагео поперхнулся. — Ты думай, что говоришь. Я ноги протягивать не собираюсь.

— Ой... Ну, ты понял. Ну что?

— Саг, на самом деле, — отозвался Небол, жуя. — У нас там вроде как есть брикеты. Подсушим пару бревен. Не все же здесь такое! — он со злостью подбросил ногой ворох гниющей массы.

— Фу! Не поднимай эту вонь! — Мету отскочила в сторону, завязла ногой в перегное и чуть не упала, уцепившись за открытую створку люка. — Саг, мы идем разводить костер.

— Делайте что хотите, — махнул рукой Сагео. — Только рядом. Вот здесь.

Он еще раз махнул рукой, указывая на открытое место у капсулы. Небол вытащил из салона разрядник, направился в противоположный конец поляны.

— Неб! — Корде побежала за ним. — Ты куда? За дровами? А дай я стрельну!

— Я тебе сейчас стрельну, — огрызнулся Небол. — Иди назад.

— Я не понимаю — мне что, уже сходить с тобой куда-то нельзя?

— Здесь — нет, — отрезал Небол. — Иди назад.

— Не пойду.

— Ну, и дура.

— Кретин.

Небол, не отвечая, дошел до кромки леса, примерился к невысокому дереву чуть

поодаль от зарослей. Он огляделся, прикидывая, куда его можно свалить, и двумя разрядами отжег кусок ствола над землей. Потом уперся подошвой в колючий ствол, и дерево с протяжным скрипом повалилось вниз. Ствол падал долго, цепляясь за ветви окружающих зарослей; наконец обрушился в пласты острых колючих листьев, которых по краю поляны было больше всего. Вокруг разошлась тяжелая гнилая вонь. Потрявоженный лес шелестел зловеще и долго. Небол поднял разрядник и стал сечь ветки. Влажное жесткое дерево поддавалось с трудом; Небол истратил немалый заряд, прежде чем ему удалось нажечь ворох, достаточный для костра.

— Отойдите, — бросил он, — сейчас будет жарко.

Он отошел дальше, сместил фокус разряда и ударил в кучу нарезанных веток. Костер занялся, зашипел, затрещал, разбрызгивая тусклые искры.

— И где твое жарко? — Корде поворошила веткой дрова. — Не греет вообще. Лучше бы брикеты зажег.

— Брикеты не греют, — сказал Небол, — а эта гниль не высохнет. Будет дымить и вонять. И так дышать нечем.

— Зато светят, — сказала Мету. — Хоть какой-то огонь. Интересно, здесь звезды вообще бывают?

Она посмотрела в небо, которое почти уже слилось с лесом. Прозрачный огонь выхватывал из темноты борт капсулы, стволы передних деревьев; дальше был неопределенный мрак. Было тихо, шипел тусклый костер, ветер шелестел листьями во тьме наверху. Иногда из леса доносились непонятные звуки.

— Здесь как будто не живет никто? — Леро огляделась во мрак, поежилась. Она сидела у огня на корточках, сжавшись в комок, на подстилке из упаковки от аварийного комплекта. — В лесу — и так тихо.

— А почему в лесу должно быть громко? — отозвался Сагео. Он сидел на плоскости капсулы, свесив ноги и подперев подбородок рукой. Рядом в такой же унылой позе устроился Небол. — В лесу и должно быть тихо. На то он и лес. Хватит болтать.

— На самом деле, — сказала Корде, оглядываясь во мрак. — Может, тут правда никто не живет, а мы боимся, как дураки? Как здесь вообще можно жить, если каждый год кислотный сезон? Смотри вон, какие листья — как железные! Хорошо хоть — не всё...

— Ты все-таки дура, — сказал Небол без выражения. — Если тут каждый год кислотный сезон...

— Неб, ты один умный, — перебил Сагео. — Кислотные дожди идут не круглый год. Все живое перекочевало в умеренный пояс. Там таких дождей нет. Тут должны быть какие-то черепахи, метра по три в поперечнике, которым кислотный дождь нипочем. Еще какие-то летающие ящерицы, какие-то пресмыкающиеся муравьеды, с зубами... Еще, там, за хребтом, — он указал на восток, — водятся какие-то адские твари, которые бьют током и стреляют огнем. Где-то за рекой, дальше, где станция... И активный период у всех этих тварей как раз перед кислотным сезоном — когда вся мелочь мигрирует, и ее самое время ловить.

— Бьют током... — усмехнулся Небол угрюмо. — Типа кислотные батареи с лапками?

— Типа. И кислота с небес как раз вовремя и по делу. Еще здесь бывают двухголовые змеи. Если верить атласу, конечно... До сих пор не понятно — то ли странный отряд, то ли класс... Еще здесь есть болота, которые не пересыхают даже в самое жаркое время. Там живут какие-то тоже кислотные крокодилы, у которых шкура как оболочка реактора. Остальные на лето отваливают, говорю, в умеренный пояс, там и пожрать заодно как раз

можно как следует... Это все, что я знаю. А что я не знаю?

Небол спрыгнул в листья и зашуршал, направляясь к деревьям. Отломав большой длинный лист, он вернулся, опустил его к огню и стал рассматривать узкий лоскут, черный в бесплотном огне.

— Какой жесткий и острый, — Леро осторожно потрогала зубчатый край листа. — Как пила.

— Интересная штука, вообще-то, — Сагео, заинтересовавшись, тоже спрыгнул со своего насеста и подошел к костру. — Фу! Как воняет — разгорелось... Как вы тут сидите... Ну-ка, дай посмотреть.

Он взял лист, повертел в руках и перегнул его. Лист изогнулся и лопнул, как кусок тонкой гартованной стали. Сагео от неожиданности даже вздрогнул и чуть не выронил половинки.

— Он сухой как... — Небол осторожно потрогал острый разлом. — А вокруг все влажное, липкое, мерзкое.

— Он покрыт пленкой, смотри, — Сагео окунул половинку листа во влажную массу перегноя. — И влага на ней собирается — вообще... Как супергидрофоб на костюмах... Нам бы сейчас, кстати, такие.

— Смотри, Саг, — Леро нашла в полусгнившей массе похожий почти еще свежий лист. — Когда они опадают, с них эта пленка сходит.

— Там в лесу, — Сагео махнул рукой во мрак зарослей, — они, я понимаю, так быстро не разлагаются. В общем, весело нам придется, — он посмотрел на голые ноги Леро, на голени и лодыжки, уже покрытые кровотокающими царапинами. — Кислотный сезон здесь — главный санитар. После него остаются только здоровые растения, которым такой дождь нипочем. И чистая земля. Очень разумно.

— Очень страшно, — Корде поежилась. — Дурацкий костер. Не греет и даже не светит как следует. А эти ветки не высохнут никогда, — она встала, добрела до открытого люка, забралась в кресло, свернулась в клубок. — Саг! Включи обогрев.

— Я не буду включать обогрев, когда на дворе восемнадцать градусов.

— Когда на дворе восемнадцать градусов, а влажность триста процентов, а на тебе одно платье...

— А вот надо было куртку взять, хотя бы.

— Какую куртку? Куда мы летели? Куртку.

— Саг, правда, — вступилась Мету. Она присела рядом с Леро на подстилку, обхватила голые плечи руками. — Зябко ужасно. Давай включим обогрев.

— Саг, на самом деле, — угрюмо отозвался Небол. — Ты сам как мальчишка. Какой смысл экономить? С рассветом все равно пойдем.

— Хотя бы упали после таких дождей, — засмеялась Леро. — Легче идти хотя бы.

— Ле, хватит болтать, — усмехнулся Сагео. — Тебе сколько лет — шестнадцать или шесть? Девчонка глупая. Жалко ей. Смотри — почти высохло. Сейчас разгорится.

— Ничего не разгорится, — Леро потыкала веткой в затхлую массу. — Неб напрасно старался только. А брикеты скоро закончатся, — Леро вздохнула, встала, потянулась, снова присела. — Ой, я что-то опять есть хочу.

— Обжора, — усмехнулся Сагео. — На тебя даже пайка не хватит.

— Саг, ну включи обогрев! — снова позвала Корде.

— Отстань.

— Болван. Я сама включу.

— Пожалуйста. Ключ у меня.

— Дай сюда.

— Сейчас.

— Идиот.

— Заткнись.

— Тихо! — вскочил вдруг Небол. — Тихо! Слышали?.. Саг, слышал?..

— Сам тихо! — прошипел Сагео и медленно выпрямился. — Слышал!

— А что это? — вскочила Леро. — И где?

— Кажется, там! — Мету замерла, вслушиваясь в глухой стылый мрак. — Кажется, там!

— повторила она шепотом, вытянув руку. — А что это?

— Интересно, откуда я знаю? — отозвался Сагео с раздражением. — Всем в капсулу, быстро! Быстро, я сказал, — он стукнул в спину Леро и Мету и затолкал их в салон. — Неб!

— Огонь?

— Да теперь-то что...

Они забрались в капсулу, прикрыли люк, замерли. Было по-прежнему тихо. Ветер наверху шелестел листьями; доносились глухие странные звуки чужого леса. Шипели подсыхающие дрова; красновато-медные зайчики прыгали по экрану.

— Может быть, нам показалось? — прошептала Мету, вглядываясь во мрак за костром.

— Всем вместе? — усмехнулся Сагео.

— Да нет, я имею в виду — почему мы все испугались-то?

— Потому что звук был похож на голос, — сказала Леро шепотом.

— На какой голос? — обернулся Небол. — Странные у тебя галлюцинации.

— Неб, — отозвался Сагео. — Звук был отчетливый, хотя далеко. Ясно, что это не речь, людей здесь быть не может... Как минимум, не должно. Но я кое-где был и слышал, как переговариваются кое-какие твари. Когда нападают, ночью, в джунглях.

— Но мы ведь их перестреляем? — Корде вцепилась в колено Неболу. — Если они на нас нападут? Не будем же мы тут сидеть две недели?

— Но не будут же они высиживать нас две недели?

— Мету, — Сагео обернулся, — они будут высиживать сколько им надо.

— Но ведь они не разобьют капсулу?

— А какая разница? Мы-то все равно в ней сдохнем.

— Но мы ведь их перестреляем?!

— Перестреляем, Ко, перестреляем. На одном элементе, обычным разрядником, еще как. Штук восемь убьем. А знаешь, сколько их может быть?

— А что за твари, Саг? — прошептала в ужасе Леро. — Обезьяны какие-то? А где ты их видел?

Сагео не отвечал. Он наклонился к незакрытому люку и прислушался.

— Может быть, просто какой-нибудь хищник? Одиночка. Решил посмотреть, что тут горит. Он же не знает, что такое разрядник? Думает, что можно чем-нибудь поживиться? Вернее, кем-нибудь.

— Леро, не беси меня. Глупая девчонка. Хотя надеюсь, что так. Ясно одно — там кто-то есть. Или что-то. И оно может быть очень опасным. До рассвета сидим здесь и никуда не суемся. Вообще, я кретин, что разрешил вам зажигать костер, — он закрыл люк, откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

— Тогда включи обогрев, — разозлилась Корде и стукнула ладонью в спинку. — Какая разница, правда?

— Включу. Только отстань.

Какое-то время все молчали, потом Мету расплакалась.

— Ну почему это с нами должно было случиться! Ну что за напасть такая! Саг, ну мы ведь включили сигнал! Неужели здесь правда никого нет, чтобы нас кто-нибудь спас?

— Саг, правда... Как же так, чтобы никто не прилетел на сигнал? Это же аварийный сигнал, это же не просто так!

— Корде. Говорю тебе в последний раз. На таких точках на аварийный сигнал не приходят. В Галактике, Ко, много таких мест, где, как бы сказать, живут по своим правилам. Здесь рядом, сто километров в другую сторону, рудник. Если охранный персонал рудника задетектит аварийный сигнал, он по инструкции, Ко, — по инструкции! — обязан на него не реагировать. Он обязан только сообщить куда надо — в патруль, например. И вовсе не факт, что этот патруль ломанется спасать четырех идиотов на туристической капсуле. Это не гражданский сектор. Сколько раз повторять! Дура ты все-таки.

— И что же нам теперь делать, умный? — Корде заплакала, дрожащими пальцами вытерла слезы.

— Что делать — решили. А тебе еще не реветь и заткнуться.

* * *

— Два мальчика и три девочки. Девочки — высший класс... Особенно третья. Похоже, самая молодая, — Гуммо повернулся, гоготнул.

— Ногастая... — Камбетэ навел стереомат. — И вообще посмотреть есть на что... И пощупать особенно... Хи-хи-хи.

— Какие волосы! Схватить за такие, загнуть...

— Я первый.

— Я первый.

— Ну-ка, — Хайдег забрал у Камбетэ стереомат, вернул на шлем, всмотрелся. — Первый я. Да, кто бы подумал. Такой товар в такой преисподней. Что им здесь надо? Было? Ладно, дырки не убегут. Что с машиной?

— Обычная туркапула, — Камбетэ взял у Гуммо стереомат, навел на вскрытый борт. — Они, я понял, хотели переключить аварийку. Вскрыт аварийный блок. Только напрасно. Эти железки рассчитаны на дураков. Упал — «автосос», сидишь, загораешь, ждешь пока заберут. А так... Нужна либо полная схема, либо стенд. Ни того, ни другого у них нет.

— У нас тоже, — Хайдег снова всмотрелся. — Поэтому здесь, скорее всего, ловить нечего.

— А девочки? — Камбетэ хихикнул.

— А не хватит тебе девочек, Кам?

— Тебе про девочек тоже бы помолчать, Хайде...

— Ладно, хорош вам, — перебил Гуммо. — Здесь ловить нечего, это так. И правда, как их сюда занесло? Сектор не для коротких юбочек.

— Это платья, кретин.

— Какая разница? — Гуммо на предельном увеличении разглядывал бедра третьей девушки. — Задрал-содрал, и поехали.

— Только спросить не забудь, как их сюда занесло.

— А что спрашивать? Сам вылупком не был? Сам сюда как попал? В жизни все неприятности от того, что не слушаешь мамочку. Родители говорят, детки не слушают... Нет, только посмотри какая! — Гуммо почмокал и покачал головой. — Сейчас мы возьмем эти ноги... И покажем глупым детишкам, что значит не слушать мамочку.

— У них, похоже, один разрядник, и все.

— И то хорошо, — Хайдег оглядел лес вокруг одинокой точки костра на поляне. — С третьим стволом будет легче, даже с таким. Они уже близко. А что это за ребята — вы хорошо знаете. Вперед.

Они продолжили путь, осторожно пробираясь сквозь длинные колкие листья. Тусклое пятно костра неясно мерцало в тухлом холодном мраке; рядом можно было различить капсулу — отблик костра виднелся в полировке бокового экрана. Лес отражал пламя костра, которое рассыпалось по блестящим листьям тускло-бурыми точками.

Земля пошла под уклон; через пару минут Хайдег, Камбетэ и Гуммо спустились к подножью пригорка и снова остановились. Отсюда все было видно детально уже без оптики. Большая поляна, огонь, едкий дымок — вонь ощущается уже здесь. У костра вскрытый аварийный комплект — флуоресцент упаковки отражает слабый свет догорающего костра. Невдалеке капсула — все аппараты отключены, борт вскрыт, люки задрены.

— Спрятались, маленькие засранцы...

— Не напрягайся, Кам, — Хайдег поднял ствол вверх. — Это туркапула, говорят тебе.

Они пробрались к самому краю поляны, притаились между стволами. Здесь внизу слой палых листьев стал таким толстым, что было трудно идти; листья цеплялись колючими кромками за брючины, собирались в гроздья, которые приходилось волочить за собой как гири. Хайдег махнул — Гуммо, высоко поднимая ноги, двинулся в обход направо. Камбетэ, переступая также осторожно и высоко, направился в противоположную сторону.

— На месте, — сообщил Гуммо через пару минут. — Сюда им все равно не свалить. Какой-то овраг, я сам чуть не рухнул.

— На месте, — сообщил Камбетэ еще через пару минут. — Здесь тоже не убегут, хи-хи-хи. Засранцы, не засранцы, но кто у них там пилот? Воткнуть такое ведро на такой пятачок... Я бы не смог.

— Верно, так ты втыкать не умеешь, — гоготнул Гуммо. — Да, барахло еще то. Где они ее раскопали? На какой свалке?

— Угнали, сто процентов. Скатнуться на какой-нибудь нулевой курорт.

— Я на таком ведре к Зоне даже подходить бы не стал, — сказал Хайдег. — На что они надеялись?

— А на что все надеются, на таких ведрах? — отозвался Камбетэ. — Пилот у них не безрукий, но голову на плечах тоже иметь надо. Или неопытный вундеркинд, или просто дурак.

— Ничего, сейчас станет поопытней, — гоготнул Гуммо. — Я готов.

— Я готов.

— Маленькие идиоты, — Хайдег прицелился. — Получайте что заслужили.

Хайдег выстрелил. Разряд вскрыл блокиратор люка; раздался звонкий удар, сразу увязший в толстой подушке листьев; крышка отъединилась от плоскости борта. Хайдег ударил еще, в зону крепления, — рассыпались белые искры, крышка вздрогнула и бесшумно упала в листья. Треск растворился в тиши; дым перегретой обшивки, мерцая в свете костра, стал расползаться по сторонам.

В капсуле закричали. Через пять секунд с другой стороны выстрелил Гуммо — треск, зарево искр на листьях, звон блокиратора, крик, прозрачный дымок обшивки. Еще через три секунды вышел разряд из капсулы — характерный звонкий щелчок, приглушенный завесой леса, сполох огня по ветвям — россыпь белеющих искр.

— Ах ты, сука! — заорал Гуммо. — Сука!

Он выстрелил снова. Треск разряда угас, уступив крику боли.

— Ты там осторожней, кретин! — не удержался Камбетэ. — Убивать рано, кретин!

— Заткнись! Сученьш меня чуть не поджарил!

— Сученьш ладно, а вот...

— Молчать! — крикнул Хайдег. — Жестянку вскрыли. Гуммо, бьешь в элемент, с твоей стороны. Нам он все равно без толку. И ждем пока полезут.

Гуммо выпустил четыре разряда. Последовал глухой взрыв; завеса ветвей и листьев озарилась белым огнем. Капсулу обволок густой сизый дым.

— Не замерзли, маленькие? — хихикнул Камбетэ. — Тут ведь так холодно, малыши. Ничего, к вам пришли добрые дяди. Сейчас погреемся, детки.

Капсула раскалилась быстро — через три минуты листва под черным металлом стала парить; пар пополз по поляне, мешаясь с горячим дымом и мерцая в свете тлеющего костра.

Из вскрытого люка со стороны Хайдега выпрыгнул юноша в майке и легких брюках, за ним девушка в светлом коротком платье. Юноша схватил девушку за руку; они замерли, оглядываясь в растерянном страхе. В своей нелепой здесь светлой одежде они были похожи на два привидения.

Хайдег, предупреждая, что бежать некуда, воткнул разряд метрах в полтора перед ними. Из пылающей жаром капсулы показалась третья девушка — она вытащила второго парня, который упал в листву как мешок. В свете костра можно было разглядеть, что юноша сильно ранен — плечо и грудь искалечены, кровь черным пятном расплывается по светлой рубашке. Бросив второго, девушка кинулась обратно в капсулу и выволокла вторую туристку, в темном, — та сразу повалилась в листья. Затем третья снова сунулась в капсулу, выскочила с разрядником, замерла, оглядываясь и беспомощно опустив ствол.

— Бросай железку! — закричал Гуммо. Он вышел из леса и стоял теперь в двадцати метрах у нее за спиной. — Будь умницей.

Девушка вздрогнула и обернулась. Гуммо выстрелил в листья у нее под ногами.

— Ну! Можешь бежать, если хочешь. Большая девочка. Гуляешь уже сама... Без мамочки.

Девушка отшвырнула разрядник. Железка беззвучно упала в листья; девушка замерла.

— Умница, — сказал Гуммо, приблизившись. — Когда большие дяденьки говорят, маленькие шалунишки слушаются.

— Кто вы такие? — вскинулся парень, который выскочил первым. — Что вам надо? Что вы здесь делаете?

— Ты слышал? — подошел Камбетэ. — Мальчик спрашивает, что мы здесь делаем.

— Мальчик не понимает, — Гуммо подошел сзади, — что мы делаем здесь, на этой вот точке. На этой точке, — Гуммо заломил юноше руки за спину, начал вязать, — мы топчем каторгу. Вернее, топтали. Видишь ли, мой хороший, — Гуммо ударил юношу в спину — тот упал на колени, воткнулся головой в листья, вскрикнул, — мы беглые каторжники.

— Поймали ваш сигнальчик, наивные ребятишки. Хи-хи-хи.

Хайдег схватил за плечи первую девушку, Камбетэ вторую, Гуммо третью. Те закричали, задержались, но бесполезно — через десять секунд все трое лежали в вонючей листве, связанные по рукам и ногам.

— И пришли посмотреть, кто же тут у нас терпит крушенице.

— Вы хотите нас взять в заложники! — воскликнула вторая девушка.

— Нет, моя хорошая, — ухмыльнулся Камбетэ. Он задрал на ней платье, оглядел бедра, пощупал. Девушка дернулась, Камбетэ перевернул ее, хлопнул по ягодицам, выпрямился, ударил ботинком в спину. — Сейчас, детка, сейчас... Я вижу, как тебе хочется. Я уже здесь... С заложниками столько возни — ты, маленькая, даже не представляешь. Не ситуация, как бы сказать, для заложников, — он подошел к третьей.

— Вы... Нас убьете?

Девушка пронзила его взглядом. Камбетэ опустил руки.

— Конечно. Только не сразу. Сначала... Ну, ты уже взросленькая, понимаешь. Хи-хи-хи.

— Этот? — Хайдег ткнул стволом в раненого.

— Отходит, — Гуммо наклонился, пощупал на горле пульс. — Скоро будет на небесах, — он отошел к первому.

Тучи тем временем разошлись; яркие звезды и сверкающие туманности освещали поляну холодным светом, все было хорошо видно. Гуммо схватил первого, поволок к

ближнему дереву в центре, привалил к стволу, похлопал юношу по щекам.

— Удобно? Не колет? Что не так — говори.

Камбетэ помялся, затем вцепился в длинноногую, потащил ее к соседнему дереву, привалил к острой коре.

— Дурак! — вскрикнула девушка. — Больно! Я тебе что, мешок?

— Листики? — хихикнул Камбетэ. — Ну да, колюченькие. Так, теперь...

Он вернулся к костру и принес упаковку от аварийного комплекта. Оторвав сегмент, он скомкал его, схватил девушку за длинные волосы так, что она не могла вздрогнуть, затолкал яркий кляп в рот.

— Заткнись.

Затем содрал шнур активации и обмотал его девушке вокруг головы — так, чтобы кляп сидел намертво. Хайдег и Гуммо приволокли и бросили рядом двух других.

— У нас ноль времени, — Хайдег посмотрел на дисплей пеленгатора. — Они уже рядом. Шарим в капсуле и отваливаем.

— Успеем, — хихикнул Камбетэ. Он прошел к капсуле, поднял из листьев разрядник, нацепил на свое пустующее кольцо. — Сейчас по девочке... По каждой... И тогда отваливаем.

Гуммо подошел сзади и посмотрел на статус-табло разрядника.

— Тоже в ноль. Опять экономить.

— Через две недели как раз кислота, — Хайдег направился к капсуле, — вот сэкономишь. Мы ведь их не будем развязывать, — он остановился у открытого люка, заглянул внутрь, во влажный горячий дым. — Не остыло, но жить можно, — он помахал рукой, разгоняя едкие клубы и всматриваясь в панель контроля. — Посмотрим, что тут у них... — он занял кресло пилота, включил аппараты, активировал навигатор. — Шли из Ноль-восемь-четыре.

— И куда? — отозвался Гуммо.

Он набрал ворох веток, отнес к ближнему дереву, сложил неаккуратный костер, отошел, дал разряд. Огонь вспыхнул, затрещал, задымил.

— Гуммо! — обернулся Камбетэ.

— Что «Гуммо»? Чем прикажешь зажечь, слякоть эту? Хреном твоим? Он у тебя постоянно дымится.

— Сдался тебе этот костер, вообще? В темноте не можешь? Боишься промазать?

— Не боюсь. Просто хочу, чтобы все было видно, по-человечески. Надоело шкуру над унитазом гонять.

— Ладно, не парься... Ведь просто праздник какой-то.

— Просто подарок, ну да. Хайде?

— Вы пока начинайте, — отозвался Хайдег, не отвлекаясь от навигатора, — я скоро. Только эту не трогать. Эта моя. Она, вижу, девочка... Потом делайте что хотите. Здесь ничего интересного, — он отвлекся на табло статусов экипажа. — Еще три комплекта, как надо... Только у нас свои, не такой детский сад... В этих даже аптечка — минус один, таблетки от поноса и солнечного удара... А общей нет... Кто их так выпустил, интересно... Так, что здесь со связью? — он снова просмотрел навигатор. — Связь очень не помешает. Надо знать, что происходит в Секторе... Попробую повозиться. А так — ничего, даже аптечки нет.

— Я же говорю — на свалке, — гоготнул Гуммо.

* * *

— Начнем в порядке появления.

Камбетэ подошел к первой девушке. Она лежала в зловонных листьях, на боку, подтянув ноги; платье задралось до груди, обнажив бедра, ягодицы, живот. Камбетэ вцепился в тело, девушка застонала, дернулась.

— Девчонок связывать так и не научился, кретин, — Камбетэ ударил ее по затылку. — Держи тогда, крепче...

Гуммо придавил голову к корню.

— Осторожней, кретин! Я что, некрофил?

— Она дерганая, как...

— Держи, говорю, а не дави... Вот, чтобы повыше... — Камбетэ сорвал трусики, отшвырнул в темноту, сорвал нижний клапан костюма, начал насиловать. — Не может быть... Просто праздник какой-то... Не может быть...

Девушка застонала. От соседнего дерева донесся невнятный звук. Юноша в майке, пытаюсь подняться на ноги, дернулся, подскочил, упал лицом в вонючее месиво.

— Задохнется, — гоготнул Гуммо.

— Держи... Крепче, кретин...

— Сейчас, — Гуммо навел на юношу ствол и вдавил спуск. — Все равно задохнется. Листья вонючие — просто ужас.

— Ну, и зачем тратил заряд тогда?..

— Я немножко.

Камбетэ мучил девушку недолго. Через пару минут он кончил, выпустил тело, постоял отдуваясь, отошел.

— Хайде! — крикнул он в сторону капсулы. — Тебе ничего не останется!

— Ты, Кам, пару раз за глупые шутки уже висел на палке, — донесся насмешливый голос, — и, видно, без толку. Мне надо снять связь. Ты умеешь снимать связь? Тогда заткнись. Развлекайся. Если еще не забыл, как суют в девочек.

— Развлекайся, Гуммо, — хихикнул Камбетэ. — Твоя очередь. Нет, это просто праздник какой-то... Если, конечно, еще не забыл, как суют в девочек.

Он перехватил тело, придавил к корню, отгреб листья от лица, отбросил мокрые волосы, подоткнул кляп.

— Ты, Гуммо, убогий и криворукий, каких я не видел. Служил в Безопасности, а кляп втыкать как следует не научился? Ну-ка, покажи хрен! Он у тебя такой же кривой?

— Заткнись.

Гуммо опустил штаны. Девушка застонала снова, тихо, затем замолчала, отвернулась, спрятав лицо в гниющих листьях.

— Хочешь задохнуться? — Камбетэ вывернул голову. — Не получится... Гуммо, полегче... Мне ведь держать как-то надо.

Гуммо, пыхтя, отдуваясь, кончил так же быстро. Отступив на пару шагов и радостно оглядев облепленное листьями тело, он осмотрелся.

— Нет, просто подарок, — он подошел, хлопнул девушку по ягодицам. — Не сдохла еще? Как бревно.

Камбетэ оглядел остальных. Вторая лежала в трех шагах, так же молча, так же закрыв глаза. Третья сидела с другой стороны, спиной к стволу дерева. Она смотрела на скрюченное тело первой, на грязное задранное платье — в глазах сверкал ужас, по щекам текли слезы.

— Скучаешь? — хихикнул Камбетэ. — Ничего, потерпи немножко, минуток десять.

Сейчас дядя Хайдег выдернет связь...

Он подошел к девушке, подергал-проверил, как связаны ноги, наклонил, откинул волосы, посмотрел, как связаны за спиной руки.

— И придет... Ай, тварь! Кора колючая, режет просто...

— Хрен не суй — все будет нормально.

— Заткнись, умник, — Камбетэ вернулся к телу. — Давай вторую.

— погоди, давай передохнем пару минут.

— Натрудился? Хи-хи-хи.

— Натрудился. За три года первая дырка. Своя специфика, как понимаешь.

— Еще бы... Вспоминать теперь будешь долго. Ну! — Камбетэ подошел ко второй девушке, схватил за локти, подволок к первой. — Здесь светлее и веселее, — он кивнул на третью. — Девочка наша тоже скучать не будет.

— Что он там возится... Не дергайся, дура, — Гуммо ударил вторую, разодрал платье, отшвырнул в темноту. — Или думаешь убежать? Гы-гы-гы.

Он привалил ее к корню рядом с первой, согнул. Камбетэ второй раз сорвал трусики, ухватился за талию, навалился всем телом, вцепился ладонями в груди, стал мять и дергать. Девушка застонала.

— Насчет специфика это ты прав...

Он начал, грубо и глубоко. Девушка застонала громче. Гуммо держал недолго; Камбетэ кончил почти так же быстро и, отдуваясь, выпустил тело.

— Ты поосторожнее со своим хреном, мутант. Она сейчас трос разорвет. Нам-то оставь хоть кусок.

— У вас еще две, — Камбетэ перехватил дрожащие плечи, придавил к дереву. — Нет, ты прав — просто подарок. Какое мясо!

Гуммо начал еще грубее. Девушка стонала не переставая. Головой она билась о корень, с разодранного виска по лицу размазалась кровь.

— Заткнись! — Камбетэ остервенело ударил ее по затылку. — Что так воешь? Насилуют, что ли?

Гуммо наконец кончил, подтянул штаны, отошел, посмотрел. Вернулся, повернул окровавленную голову ботинком, обернулся к первой — та лежала не двигаясь.

— Ты, Кам, следующий раз все-таки осторожней, — Гуммо гоготнул, ударив в бедро, по которому текла кровь. — Мне больше живые нравятся.

— Успеешь, — Камбетэ поднялся с колен, толкнул тело ногой.

Затем обернулся к третьей девушке. Она по-прежнему сидела молча, не двигаясь. Слезы на щеках высохли; она не отрываясь смотрела на происходящее, в глазах горел злой ужас.

— Что он там возится?

Камбетэ подошел к девушке, присел на корточки, вцепился ладонями в грудь, через платье, стал лапать. Девушка вздрогнула, выпрямилась, посмотрела ему в глаза.

— Девочку ему захотелось... — Камбетэ отвел взгляд, убрал руки. — Девочки сейчас нарасхват. Можно и не дожидаться. Нет, Гуммо, какое мясо!.. — он решительно задрал платье, стал лапать связанные бедра. — Эх ты, какая... Посмотри только, Гуммо. Я таких только на картинках и видел. И девочка. Хайде! — он вскочил, застегнул клапан, шагнул к капсуле. — Ты что там?

— Я сказал — десять минут, — донесся ответ.

— Десять минут уже прошло. Шевелись, а то ничего не останется. Гуммо уже на

пределе — шляпа дымится, дым чувствуешь? — он вдохнул смрад от тлеющего костра.

Камбетэ, взрывая листья, направился к капсуле. Гуммо, застегнувшись тоже, пошел за ним.

— Ну как? — усмехнулся Хайдег, не оборачиваясь. — Не забыли еще? Куда у них там совать надо?

— Не ошиблись, не парься, — хихикнул Камбетэ. — Твоя по тебе исстрадалась. Все глазки проплакала. Иди скорее смотри, еще мокренькие.

— Нам крупно повезло, что они здесь упали, — Хайдег наконец обернулся и тронул рукой пульт связи. — С этой штукой мы будем в полном курсе. Кто, сколько, где, куда.

— Обычная туристическая ерунда?

— Это без разницы, Кам. Они все на стандартной схеме, и я знаю, как ее подкрутить.

— Ты у нас ловкий. Пять лет на Флоте прокис.

— Поэтому ты сейчас здесь, — отозвался Хайдег с усмешкой. — Суешь в живую девчонку, не гоняешь шкуру над унитазом, и так далее.

— Чего и так далее? Хи-хи-хи?

— Тебе это неизвестно? Насколько я знаю, известно, и вполне хорошо. Скажи спасибо, вообще, что здесь. На Флоте за такие дела... Больше не любят только когда дергаешь у своих.

— Ну, и что ты уже накопал? Со своей этой штукой?

— То, Камбетэ, что ящик с Особыми уже упал. Мятеж на каторге, Камбетэ, — это мятеж на каторге. Только про базу никто, кроме меня, не знает. Поэтому мы здесь, где нас искать будут в последнюю очередь. И вообще, трое — не восемнадцать, и это мой главный расчет.

— Только до твоей базы еще триста километров, — Камбетэ оглядел угрюмую стену леса. — А кислота на носу.

— У тебя есть свой маршрут, Кам? Что же ты раньше молчал? Можешь остаться здесь, — Хайдег отвернулся к пульту, вытащил блок связи, — и ждать кислоту в этой жестянке. Со скуки не сдохнешь. Если это ведро не растает, конечно... Вон у тебя целый гарем. Мы их тебе оставим. Только кормить чем будешь?

— Как чем, — осклабился Гуммо. — Всех пятерых!

— Заткнись, — оборвал Хайдег. — Они уже рядом — надо шевелить яйцами.

— Главное — жратву не забыть.

— Кам, как можно забыть жратву? Жратва для тебя, я понял, даже важнее дырки, куда можно присунуть.

— Такое невозможно!

— Заткнись, кретин. Ты, Хайде, тоже... Сам.

— Что сам? — Хайдег посмотрел на Камбетэ без выражения. — Ты про что?

— Я ничего.

Хайдег отвернулся, разблокировал замок панели, щелкнул фиксатором, подхватил блок связи, спрятал в ранец.

— Готово. Где моя ненаглядная? Где моя девочка?

Они вернулись к дереву.

— Не понял, — Хайдег остановился, оглядел корни, три тела, чадающий костер. — Что за дурацкие шутки? Где моя красивая? Где моя длинноногая?

— То есть как... — Камбетэ подошел к дереву, попинал ботинком толстый корень, у которого сидела третья девушка, взворошил листья. — Что за ерунда? Гуммо! — он

обернулся. — Только что здесь была! Ты, кретин, связывал? Как ты связывал, кретин?

— Как я связывал? — Гуммо подскочил, ударил ногой в дерево. — Как обычно я связывал! Как...

— Заткнитесь вы, оба, — Хайдег подошел, присел, всмотрелся в острые складки коры. — Видишь?

— Ну-ка... — Гуммо присел рядом. — Перетерла, сволочь? Волокна, смотри.

— Да, еще и порезалась. Вот кровь, смотри.

— Я, честно, даже и не подумал... — Гуммо в растерянности поднялся, ударил чешуйчатый ствол ботинком.

— Что делать? — Камбетэ оглядел поляну, посмотрел в небо. — Далеко она за три минуты не убежит, — он, взрывая тяжелые листья, подбежал к кромке леса, обернулся. — Хайде, не парься, догоним!

— В три счета... — Гуммо бросился за Камбетэ.

— Стоять! — окрикнул Хайдег. — Вот ведь два идиота. Во-первых, у нас есть еще две. Во-вторых — на первом курсе у вылупков мозгов больше! Сейчас все бросим — и за какой-то дыркой? Когда на точке борт с Особыми? Вам сколько лет? Что за ясли? Я бы вас давно пристрелил. Только одному здесь не выжить.

— Хайде прав, как всегда, — гоготнул Гуммо, направляясь назад. — Кам, лучше бы у тебя вместо хрена мозги так выросли. Хотя бы на одну десятую... Мутант.

— Заткнись, кретин.

— Заткнитесь оба. Еще пару раз, каждую, и вперед... Эге, — взгляделся Хайдег. — Кто-то из вас, похоже, перестарался, — он наклонился к девушке, которая была в светлом платье, приложил пальцы к горлу.

— Кто, кто, — гоготнул Гуммо, тронув ботинком окровавленное бедро. — Камбетэ, я так понимаю.

— Ну да, — тот наклонился, посмотрел, выпрямился, отвернулся, сплюнул. — Камбетэ, конечно, во всем виноват.

— У тебя хрен как бревно. Вот ты и виноват.

— Гуммо утопил третий ствол — Камбетэ крайний. Хайдег не дорезал того кретина — Камбетэ крайний. Дырка сбежала теперь — Камбетэ тоже крайний. А вязал кто, криво? У вас что, в Безопасности...

— У нас в Безопасности, вообще-то, были наручники.

— А если наручников вдруг нет? Отобрали бандиты?

— Молчать, — Хайдег закрыл девушке глаза, поднялся.

— У вас во Флоте так делают? — гоготнул Гуммо.

— У нас во Флоте так делают.

— Даже дыркам?

— Гуммо, — Хайдег выпрямился, обернулся, проколол Гуммо взглядом. — Повторяю тебе в седьмой, или даже в восьмой раз.

— Ладно, ладно. Мне-то что. Просто... Что там у вас на Флоте не нравится — это не Флоте. Как бы. А здесь... За такие дела...

— Что-то я, Гуммо, не понял, — Хайдег перешагнул через мертвую, подошел к Гуммо, ткнул в грудь стволом. — За какие такие дела? Вот за эти, да? — он указал большим пальцем за спину. — Ты это имеешь в виду? Или что-то, я понял, другое?

— Ладно, хорош, — Камбетэ подошел и опустил рукой ствол. — Мы уже не «здесь».

— Гуммо, в этом мире я не люблю одного. Когда болтают не по делу. За что здесь ты — не выживают на Флоте. Поэтому все твои реплики для меня не по делу. По умолчанию. Как понял?

— Понял вас норма.

Гуммо отвернулся, подошел ко второй девушке, потыкал ботинком в живот. Девушка лежала на боку, в глине и листьях, связанные руки за спиной, мокрые от крови волосы прилипли к плечам. Она смотрела на свое изгаженное разодранное платье, которое валялось рядом, часто дышала.

— Да и вообще, Хайде.

Гуммо навел ствол, надавил спуск. Накопитель заряда вспыхнул рубином. Бледное лицо девушки осветилось алым огнем. Она повернула голову, посмотрела на горячий огонь, заморгала.

— Мы-то уже не «здесь».

Он дождал спуск. Сухой треск увяз в мокрых листьях.

— Поэтому бояться нам некого. Как пахнет! — он втянул носом запах. — Ромштекс. Даже есть захотелось. Кам, дай-ка мне шоколадку. Там у них в комплекте паек — с шоколадом, прикинь... У нас даже патруль не балуют... Не помню, когда последний раз ел шоколад.

— Ты дегенерат, Гуммо, — Хайдег отошел к костру, подхватил свой ранец. — Кам, мешок на спину. Ноги в руки.

— Нет, вот все-таки тварь, — Камбетэ взял свой ранец, тоскливо огляделся. — Как же она, тварь, сбежала? Такого мяса я еще не пробовал. Хайде, я не шучу, ты бы ее пощу...

— Ай, сука!!!

Гуммо заорал как резаный и рухнул в листья. Хайдег швырнул ранец через костер, перелетел сам и врылся в вонючее месиво. Камбетэ как подкошенный плюхнулся где стоял. Лес по краю поляны прожгла белая молния. Огонь растворился в ночи; по листьям рассыпалась тишина; пополз едкий дым.

— Сука! Откуда!

— Гуммо! Лежать!

— Жарит из-под актива. Лежать, Гуммо. Лежать! Спокойно.

— Что делать?

— Тебе, Кам, заткнуться. Хватаешь лямку, ползешь ко мне. Гуммо, ты к лесу.

— Там эти!..

— Что эти?

— Девчонки...

— И что?

— Они...

— Они мертвые, Гуммо. Ты же сам одну застрелил? Не кусаются. Или что? Ах, там еще мальчики. Большие мальчики, Гуммо. Не боишься больших мальчиков? Да еще мертвеньких? Не ходи гулять без мамочки.

— Я ползу?

— Да, Кам, да, родной. Ты ползешь.

— А где... Где он?

— Ты еще и слепой. Юго-запад. Ну!

— Листья эти проклятые... Задыхаюсь...

Камбетэ помешкал, пополз, одной рукой волоча ранец, другой разрядник. Он дополз до костра, который почти догорел и теперь шипел, трещал и дымил, когда новый разряд пронзил землю. Костер взорвался вонючим облаком; Камбетэ подскочил, как бревно от земли, заорал, съежился.

— Нам повезло, что он пока не в активе, — отозвался спокойно Хайдег. — Иначе трупов здесь было бы семь. Уже.

— Что делаем, Хайде?..

— Гуммо, я повторять не привык. Ты в курсе? Ты отползаешь за дерево. За то. Мы с Камбетэ за это. Он далеко, повторяю, ударить нормально ему проблема. Пошел.

— Нет, как же она, тварь, сбежала...

— Кам, еще раз выставишь задницу — и мы с Гуммо уходим вдвоем. Как понял?

— Да понял, понял... Ранец, тварь такая, тяжелый... И листья эти... Колючие, твари... Я порезался!

— Ай-ай-ай. Пошел.

— Хайде, он слышит? Он мне чуть голову, сука...

— Гуммо, он нас не слышит. Пошел.

Хайдег нашарил ранец, перехватил лямку, пополз к лесу. Камбетэ, громко дыша и кряхтя, пополз за ним вслед. Хайдег добрался до крайнего дерева, заполз за рукав корня.

— Я здесь! — Камбетэ, задыхаясь, высунулся рядом.

— Гуммо?

— Я на месте!

— Не испугался трупиков?

— Кам, я тебя пристрелю!

— Я сейчас пристрелю вас обоих, — Хайдег утер мокрый лоб. — Все равно не дойдете.

— Хайде, втроем-то мы его замочим?

— Гуммо, втроем-то мы его замочим. Хотя мы собственно не втроем... Поэтому он здесь не появится. Он будет держать приоритет и поджаривать нас из-под зоны. Пока нам везет — у него, я понял, сейчас левый ландшафт. Поэтому тестит из неактива, по нашим трассам. И надеюсь, пока ближе не подойдет. Иначе мы с тобой бы уже сыграли в плазму.

— Поэтому валим? — Камбетэ вцепился в корень как будто тонул в болоте, судорожно перевел дух.

— Поэтому валим. Гуммо, ландшафт?

— Хреново. Лес плохой. Все видно.

— Здесь не лучше. Что, ты говорил, за капсулой?

— Овраг...

— Нам снова везет.

— Он мне чуть голову, сука, не отстрелил.

— Гуммо, сюда.

— Ползу.

Наступила тишина. Ветер по-прежнему шелестел листьями; из леса доносились непонятные звуки — отдаленное глухое шуршание, которое, растворяясь в общей тиши, усыпляло и цепенило. Вдруг новый удар разбил гнетущую тишину. Белый клинок огня пронзил дерево, лес на миг осветился миллионом холодных искр. Дерево закрипело, начало падать, но удержалось завесой листвы и веток. Рдеющее пятно остывало во мраке, шипя и потрескивая.

— Сука!

— Гуммо, к тебе это тоже относится.

— Он мне чуть...

— Он вышел в активную зону, Гуммо. Поэтому любая задница будет не «чуть», а в пепел. Ну!

Через три минуты Гуммо, наконец, возник из листьев, весь в мелких царапинах, белый и мокрый — от страха и сырости. Он также вцепился в корень, также судорожно перевел дух.

— Где ранец? — спросил Хайдег, оглядев Гуммо.

— Ранец? — Гуммо облизнул губы. — А хрен его знает.

— Ползешь обратно и ищешь ранец.

— В смысле?

— В прямом. Ползешь обратно, находишь ранец.

— Какой на хрен ранец? — закричал Гуммо. — Ты спятил, дурак?

— Не орать. Где ты его отцепил? У девочек?

— Откуда я знаю?! Он мне чуть голову...

— Ползешь обратно, находишь ранец.

— Какой ранец?! Он мне чуть... — Гуммо облизнул губы, огляделся.

— И быстрее. Он ближе.

— Хайде...

— Вперед. Карабин бросил. Я, так и быть, присмотрю.

Гуммо тоскливо огляделся, выпустил из дрожащей руки ствол, перевел дух, помешкал, нырнул в листья.

— Где-то здесь... — сообщил наконец Гуммо. — Ай! Сука!

— В чем дело? Порезался?

— Не-е-ет... Рукой попал... Тут эта, мертвая... Дьявол! Да что же такое...

— Страшно? — хихикнул Камбетэ.

— Кам, я убью тебя, сволочь!

— Молчу, молчу...

— Нашел! Нашел...

— Назад, быстро. Быстро, он уже рядом! Ну!

— Сейчас...

— Задницу не высовывай, хи-хи-хи.

— Сейчас я вернусь и оторву тебе хрен, гнусная сука.

— Да, только вернись сначала. Там через мертвеньких надо переползать. А это тебе не у своих...

— Хайде, я его...

— Кам, заткнулся, — приказал Хайдег жестко. — Гуммо тоже. Отрывать хрен будешь на базе. Если доберемся. В чем я уже сомневаюсь.

— Ладно, Кам, ладно. Но на базе я с тобой разберусь.

Наконец Гуммо, еще бледнее и мокрее, покрытый еще большей сетью царапин, появился снова. Он вцепился в корень, выудил из листьев ранец, привалил к дереву. Хайдег усмехнулся.

Затем он подполз под низкую ветку, сбросил на нос стереомат. Высунул голову из-за корня, стал осматривать лес на противоположной стороне поляны. Он смотрел долго, медленно двигая стереоматом по линии горизонта, задерживаясь на свободных участках,

затем с удовлетворением хмыкнул.

— Да, он один — все трассы из точки... И держит рельеф как в учебнике. Я бы вам рассказал что к чему, чтобы вы поучились. Только что толку... Если у вас в голове не мозги, а что там бывает в яйцах. Даже если он один, он — Особый. А что такое Особые — никому объяснять не надо, — Хайдег повернулся и усмехнулся. — Мы — беглые каторжники. Значит, мы просто бежим. И больше ничего не делаем. И если все будет по плану, успеваем как раз к кислоте.

— А если не будет? — хмыкнул Камбетэ.

— Значит, не успеваем. А если не успеваем, — Хайдег навел стереомат на обгоревшую капсулу, — значит, не успеваем. Потому что здесь не останется ничего, кроме живых деревьев. Даже этой железки.

* * *

Дальше лежать было невозможно. Дышать было нечем, вонь душила, листья кололи больно и горячо. Когда раздался последний выстрел, Леро терпела сколько могла, но вот терпение кончилось. Она подняла голову из зловонной массы, задышала жадно и глубоко. Вязкий тяжелый воздух показался сейчас свежим и обжигающим, будто дома в горах.

Было тихо. Лес по-прежнему шуршал листьями, все так же в непонятной дали шумели непонятные твари. Временами проносился ветер, трогал вершины леса — тогда стеклянное шуршанье листьев сыпалось сверху в затхлую тишину у корней. Леро посмотрела в небо.

— Ой, звезды... Такие странные...

Она огляделась. Огромные звезды, мерцающие туманности, чужие и непонятные, светили ярко, все было видно. Капсула — люк разворочен, мерцающий в серебряном свете дым, что внутри — не разобрать, но все черное — страшно. На месте костра — ворох пепла, воняет на всю поляну. Два дерева — полупрозрачные призраки над поляной — вот оно, ближнее. Острая бритва коры, сплошные ужасные чешуины-иглы. Леро содрогнулась.

Она подползла к дереву. Осторожно, стараясь не изрезаться еще больше, выбралась на толстую руку корня, подальше от вонючих листьев. Закрыла глаза. Долго лежала, дышала глубоко и сладко, пока наконец от вони все-таки не затошнило. Села, вцепилась пальцами в узел на бедрах.

— Повезло дуре... Ой, как горит все... А даже аптечки нет, — она посмотрела на изуродованную капсулу. — Дураки. И получили как дураки.

Она вытерла слезы, снова вцепилась в узел.

— И что теперь делать? И вообще, зачем было прятаться? Куда мне теперь?

Она отпустила узел, огляделась, заплакала. Потом, стараясь не порезаться сильно, отломала кусок коры и стала терзать трос. Трос был не то что шнур от комплекта, которым косоглазый придурок обвязал ей голову, — Леро терзала волокна целую вечность. Но кора была тверже — как острый на сколе камень, под острым углом острее отточенного ножа. Порезав другую руку, она, наконец, перепилила трос, поднялась на колени, чуть не упала, схватилась за корень. Вскрикнула — зацепилась порезанным местом.

— Ну, и что мне делать теперь? — Леро вытерла слезы, запачкав лицо кровью. — Сидела, ждала, думала — сейчас еще подойдет, проверит. Подошел, проверил. Порезала. И что? Что мне делать теперь?

Она спрятала лицо в ладони и заплакала. Заставила себя успокоиться, вздохнула глубоко и горько, снова оглядела поляну.

— Сколько здесь вообще ночь — долго?

Хватаясь за ствол и уже не чувствуя острой коры, она поднялась, постояла, наклонилась, попробовала растереть ноги. Царапины и порезы зудели невыносимо. Леро сжала зубы, закрыла глаза, пошла вокруг дерева, перешагивая через рукава корня.

— Какое здесь все острое и колючее...

Обошла мощный ствол и остановилась в том месте, где ее лапал косоглазый придурок.

— Мамочка...

Леро задрожала. Горло перехватило. Мету лежала, скрюченная, на боку, руки за спиной, волосы на лице, тело в грязи, крови и листьях. Леро сделала шаг. Дальше лежало платье Корде, такое ловкое, всем так нравилось... Прямо темное, в стороны под углом прозрачное, у

Корде такие красивые бедра, в этом платье вообще — просто с ума сойти. А еще в двух шагах лежала сама Корде — вернее то, что от нее осталось. Красивые ноги, красивые бедра, красивый живот — выше черное месиво, головы и груди нет — листья, пепел, земля.

Леро долго смотрела на Корде, обернулась, посмотрела на корень, куда ее швырнул косоглазый. Откуда она все это наблюдала.

Ей стало гадко, противно, мерзко. Она видела, как эти двое, в трех шагах, насилуют Мету и Корде; слышала каждый вздох, каждый стон, и в сердце с каждым движением все глубже вонзался кол. Она вспоминала себя, свои горячие грезы, как она, наконец, встречает Его, как им хорошо вместе — так хорошо, как никому в Галактике не было, нет и не будет... Как они ночью любят друг друга, нежно и глубоко, а утром уходят гулять в теснину, а с ними мальчик и девочка — сладко спят рядом в комнате...

Леро вцепилась руками в лицо, заплакала, рухнула на колени, в гнилое колючее месиво. Мерзче всего сейчас было вспоминать эти дурацкие упражнения, которые она добросовестно делала, чтобы быть «в форме». Чтобы Он, когда она, наконец, дождетя Его...

— Дура... Какой ужас... Какая дура... Какой ведь ужас... Как стыдно... Какая ведь дура, дура...

Леро поднялась со стоном.

— Чтобы больше без глупостей. Никогда. В жизни! Дура.

Едва передвигая ноги, она обошла поляну. От Сагео и от Небола осталось не больше, чем осталось от Корде. Леро постояла, закрыв глаза, удивляясь, почему ей так все равно. Наверно, потому что они — ей чужие. Гуляли, отдыхали, катались. Просто.

Леро стало больно — совсем по-другому. Здесь, в этом ужасном месте, она по-странному резко ощутила свое одиночество. Вообще, в этом мире. У нее никого, никого, никого не было. Самые чужие — родные родители. (Иначе вряд ли она сорвалась бы так «на озера», даже не предупредив никого, просто надеясь потом позвонить-сообщить: «Ма, у нас все в порядке».) А Он? Какой Он! Их не бывает. Глупая маленькая девчонка. Дура. Какая ведь дура... Эти придурки забрали разрядник, даже не застрелиться теперь. Это просто кошмар.

Леро, едва не падая, добрела до капсулы, прислонилась к борту. Постояла, успокоилась, стала чувствовать холод. Кожа покрылась мурашками. Леро задрожала, прижалась плотнее к остывающему металлу. Из салона несло какой-то специфичной гарью; вонь перемешалась с местной тухлятиной, затошнило. Леро упала на корточки, в пепел сторевших листьев, обхватила себя за плечи, заплакала снова. Потянула влажное платье, исцарапанное колючками, — короткое, даже колен не прикрыть. Изрезанная кожа зудела, а в капсуле не было даже аптечки. Дураки. И получили как дураки.

Сколько она так просидела — она не знала. Очнулась оттого, что кто-то тронул ее за плечо. Она вздрогнула, подняла голову. Рядом как привидение стоял человек — как будто прозрачный, и растворялся во мраке так же, как листья на ветках вокруг. На голове у него был шлем, лицо наполовину закрыто черной пластиной, в которой отражались последние угли костра. В руке он держал какой-то странный разрядник с длинным стволом — такой Леро видела на картинках.

— Ты кто? — спросила Леро, чувствуя, что сейчас упадет под капсулу.

— Вы откуда? — он взял ее за плечи, поставил на ноги.

— Из Восемьдесят четвертого... А ты кто?

— Меня зовут Кламнат. Тебя?

— Леро... Ну, ты кто?

— Их трое?

— Да. Они убежали, туда! — Леро обернулась в лес за капсулой. — Там овраг. Я слышала...

— Я видел.

— Это ты стрелял? Почему ты их не убил?

— Далекo. Рельеф, растительность.

— Ты за ними?

— Да.

— Я с тобой!..

Человек не ответил. Он прислонил Леро к борту, отошел к люку, заглянул в салон.

— Они всё забрали... Ой, а ты где? Какая у тебя маскировка... — Леро, не отпуская ладони от борта, подошла и заглянула тоже.

— Вижу, — он поднял черную полосу на шлем. — Ты, значит, со мной?

— Да! Мне что, здесь оставаться?!

— А как вы здесь оказались?

— Не знаю... Мы вообще не сюда летели.

— Шли.

— Шли?

— Так правильно. Что случилось?

— Откуда я знаю. Сагео сказал, что у нас был левый стабилизатор, поэтому так получилось.

— Левый стабилизатор, — Кламат усмехнулся. — Как сейчас все легко. Нажал на кнопку — и в другом Секторе. Лет десять назад было трудно представить, что к Переходу допустят туркапсулы. Где вы ее взяли? — он еще раз стукнул ладонью.

— Не знаю... Это Сагео. Он сказал, что перестроить навигатор проще простого. И можно на озера слетать. Без лицензии и без страховки.

— На озера? Ага, понимаю. Шли в Три-восемь-пять. И что?

— Ну, а стабилизатор левый. А что это такое, кстати?

— Бывает два стабилизатора. Модуль-стабилизатор — корректирует погрешности пилота при контрольном управлении. Управлять без него могут только пилоты класса «А». Если тебе это о чем-нибудь говорит. И стабилизатор фазы, который у вас был левый. При Переходе он стабилизирует активную массу в нужном диапазоне. Чтобы выйти там, куда шел. Вам еще повезло.

— А что? — Леро хлопнула ресницами.

— В таких случаях обычно не выходят. Вообще.

— И куда... Деваются?

— Никуда. Размазывает по Вселенной. Барионная дестабилизация — не знаешь? Повторяю, Переход — не охота на бабочек в Ноль-девять-один. Перенастроить проще простого, — Кламат усмехнулся с презрением. — Маленькие идиоты, прости.

— Да ладно, знаю. Но главная дура я — что с ними связалась. Но я и так — сижу у себя там одна, как дура... А тут — на озера... Да еще на такие... Хоть с кем-то. Хоть с идиотами. Дура, конечно, да...

Кламат направился к открытой заслонке.

— Слушай!.. — Леро, морщась от боли колючих листьев, побежала за ним. — А что они

хотели сделать? Я так и не поняла.

— Переключить питание аварийного сектора на штатный.

— Ага! Тогда бы хватило пролететь эти триста километров, до этой станции?

— Не уверен. Но у них все равно бы не получилось.

Леро заглянула в отсек.

— Сколько здесь всякого...

— Без схемы ничего не получится. Стандартным тестером уйдут годы. На стенде определишь быстро, но аварийный сектор не рассчитан на марш. Он для аварийных систем — пока сидишь, ждешь патруль. Две недели — за это время, считается, тебя найдут... На триста километров хватить его может, но при идеальных условиях — на самом нижнем ходу. Боковой, встречный ветер — упадешь где-нибудь по дороге. Да и потом... Он и так здесь левый.

— То есть? Откуда ты знаешь?

— Проработал бы суток трое, вместо четырнадцати по нормативу.

— Как это?.. — Леро снова хлопнула ресницами. — То есть, мы что, все равно... Откуда ты знаешь?

— То есть вы то, все равно. А как это — вопрос не ко мне.

Кламмат повернулся к ней, оглядел изгаженное влажное платье.

— Ну что? — Леро одернула платье. — Мы идем? Ты ведь не бросишь меня?

— Я не брошу тебя. За тобой сюда никто не пойдет. Своей капсулой пришлось пожертвовать. То есть отправить тебя никуда не получится. В общем... Ты хорошо представляешь всю ситуацию.

— Я, может быть, дура, только не тряпка. Терпеть умею. Всю жизнь терплю.

— Сколько лет твоей жизни? — Кламмат усмехнулся мягко.

— А твоей?

— Мне нужен тот, кого зовут Хайдег, — Кламмат сбросил с плеч ранец, присел, сдернул клапан, достал плоский пакетик, протянул Леро. — Ешь, и уходим, — он посмотрел на Леро, на окровавленные лодыжки. — Терпеть, значит, умеешь?

— А что делать? — Леро взяла шоколад, вздохнула. Вытерла слезы костяшками пальцев, испачкав лицо землей и кровью. — До свадьбы заживет. Сагео говорил, это еще не джунгли... А зачем тебе этот Хайдег?

— Три года назад, — ответил Кламмат не сразу, — он изнасиловал и убил девчонку. Он и еще кое-кто, втроем. Девушка была своего, капитана.

— Убил... Он и еще кое-кто... Ты ее знал, или этого капитана? А этот... Он с Флота?

— Да.

— А эти двое с ним какие-то... Не знаю, такие какие-то... Клоуны.

— Один вор. Служил в Безопасности. Обманул своих. Пристроили сюда. Здесь, вообще-то, место не для таких, здесь ребята серьезнее. Но для него постарались. Другой тоже любитель женщин. Начинал за здоровье — курсант Академии. Академию не закончил, пошел на Флот. В Ноль-восемь-восемь пять лет назад был мятеж, он был там в группе страховки. Бросил манипул, удрал в капсуле, кто остался — погибли. Здесь место тоже не для таких, но из первой зоны он неудачно бежал, а после такого обычно сюда. Они с ним так, на дорогу. Допускаю — он их потом убьет, если сами живы останутся. Мне нужен он. Тот капитан — мой... В общем, у меня с ним кое-какие личные счета. Поэтому я здесь, и один.

— А девочку, значит, убили...

— Девочка осталась жива, как ни странно. Убили не до конца. Только они об этом не знают. Ладно, об этом позже. Наелась? Листья скоро закончатся, пока терпи. Наступай осторожно, плашмя. Ноги поднимай выше, движения вертикальные.

— Я уже почти наловчилась... Но все равно режут.

— Уходим.

— А эти?.. — Леро обернулась к деревьям.

— Останутся так. Через две недели дожди.

Кламнат опустил на глаза панель, закинул ранец, скрылся за капсулой.

* * *

— Ну вот, опять тучи. А так солнца хочется. Хоть какого-нибудь.

Леро стояла на краю обрыва. Внизу в коричневатой зелени булькала мутная речка. Желто-глинистая вода вертелась водоворотами среди круглых камней, обросших буро-фиолетовым мхом. По топкому берегу росли большие цветы с длинными треугольными лепестками; растение было хищным — на бледно-лимонных листьях Леро увидела целое кладбище насекомых, и свежих, и уже почти разложившихся и усвоенных. От речки поднималась обычная тухлая вонь, смешанная со сладким тяжелым запахом — которым, возможно, цветы приманивали добычу.

Противоположный обрыв зарос белесо-соломенными стеблями; они вились по склону тугими канатами, от хищных цветов на воде до корней наверху — те торчали из почвы под краем обрыва как одеревеневшие многоголовые змеи. Там светлые стебли вползали в сплетение черно-бурых корней, пронзали его и, карабкаясь по чешуистым стволам, исчезали в сумраке зарослей. Наверху, над стеной угрюмого леса, лежало тяжелое угрюмое небо. Желтоватые тучи были так низко, что, казалось, до них можно было добросить камнем.

— Сезон. Днем здесь сейчас тучи, всегда. Ночью нет. Придет кислота — будет наоборот.

— Ну да. Ночью звезды были, какие-то, — Леро отвернулась от обрыва, дохромала до большого камня, упала, прислонилась спиной к холодному мокрому боку. — Какое здесь все мокрое и вонючее. И колючее.

Кламнат подошел к обрыву и стал изучать расселину. Он осмотрел противоположный обрыв, поднял стереомат на шлем, подошел к Леро.

— Привал. Будем лечиться, — он опустил на колени, осмотрел порезы.

— А рассвело быстро, — сказала Леро, также оглядывая сеть почерневших порезов под запекшейся грязью.

— Экватор, — Кламнат сцепил ранец, открыл клапан, достал аптечку.

— А как мы будем перебираться? У тебя веревка?

— Да.

Кламнат достал из аптечки пару баллончиков, из одного смыл месиво глины и крови, из другого покрыл раны слоем белой пушистой пены.

— Как пахнет здорово, — вдохнула Леро. — Только щиплет ужасно, — она зажмурилась.

— Терпи. Вижу, не врешь — умеешь.

— Угу.

— Сидишь десять минут.

Леро зажмурилась, перевела дух, потом открыла глаза, стала смотреть в низкое тяжелое небо, в полосу света, обрамленную колючими кронами леса по склонам расселины. Тучи

были неплотные — размазанной массой медленно плыли по небу, похожие на какую-то густую маслянисто-сиренево-желтую жидкость, которая расплывалась причудливыми разводами. Леро взгляделась — в высоте, в прорехах, над тучами, в сиреневой глубине неба парила черная точка.

— Ой, а что это там?..

— Водородный паук, — Кламнат посмотрел в небо. — Птиц здесь нет, крылатые ящеры уже улетели. Вернее сказать — ящерицы, они маленькие... Миграция перед кислотным сезоном.

— Водородный паук? Это еще что такое? И он, конечно, за нами?

— Нет, просто парит. Вообще спит — сейчас день. Они живут и нападают на открытых пространствах, и не днем. Мы пойдем через горы — еще увидишь, — Кламнат достал блистер, отделил капсулу, протянул. — Глотай.

— А что это? — Леро послушно засунула капсулу в рот. — Вкусно!

— Не ври.

— Вкусно, — обиделась Леро. — Ты, дурак, не понимаешь... Что это?

— Анальгетик, антисептик, стимулятор. Иначе через три часа упадешь. А нам идти, скорее всего, до самой базы, все триста километров, — Кламнат оттянул Леро веко, посмотрел в глаз, тронул лоб. — У тебя температура.

— Угу. Трясет немножко. Зябко ужасно. А дай еще шоколадки.

— Всю не ешь, — Кламнат протянул плитку. — Будет плохо.

— Знаю, пайковый. У нас в капсуле был такой. Его эти забрали, — Леро откусила кусочек, стала жевать, зажмурилась. — Вкусно.

— Не ври.

— Не любишь шоколад?

— Нет.

— Дурак ведь.

Леро откусила еще кусочек, снова оглядела провал, лес, небо, масляные облака. Было сыро и как-то по-липкому холодно. Леро сидела и сцепив зубы ждала, когда начнет действовать капсула. Капсула начала действовать очень быстро; дрожь прошла минут через пять, в голове появилась ясность. Ноги под пеной перестали гореть, жгучий огонь превратился в ласковое тепло. Настроение поднялось. Леро откусила еще кусочек, протянула плитку обратно.

— На. Только если не любишь — не трогай. Это мне. У тебя ведь там есть еще что-нибудь? В пайке.

Кламнат достал третий баллончик, нажал дозатор. Пена стекла снежно-белыми струйками в кашу коричневых листьев. На чистой посвежевшей коже засветились розовые полоски.

— Эх ты! — Леро оглядела ступни и голени. — И не болит!

— Это так, просто, — Кламнат вернул аптечку на место, щелкнул клапаном. — Косметика. По идее, обработать тебя следует целиком. Но, повторяю, нам идти, скорее всего, до базы. И нас теперь двое. Так что терпи. И будь готова ко всякому. Будет больно, и не однажды.

— Угу. Знаешь, я так рада, — Леро вздохнула. — Что ты меня не бросил.

— Не понял, — Кламнат, который уже поднялся, чтобы вернуться к расселине, остановился и обернулся.

— Ну-у... Тебе ведь надо... Убить. Этого.

— Да. Я должен его убить, — Кламнат помолчал. — Ты знаешь еще не все.

— А со мной... А я... Я даже стрелять не умею, если что вдруг. Ну, будешь со мной возиться.

— И что?

— Я тут как чемодан без ручки.

— «Чемодан без ручки»? Первый раз слышу. У вас в Ноль-восемь-четыре так говорят? Что это значит?

— Так вроде везде говорят... Или нет?.. Оставил бы меня там. Сказал бы своим. Оставил бы еды немножко... Я бы дождалась. Наверно.

— Во-первых, я тебе уже говорил. За тобой сюда никто не пойдет. Во-вторых, поэтому разговор кончен. В-третьих, — Кламнат отвернулся, сбросил на нос стереомат, — мы своих не бросаем.

— Своих?.. — Леро, хватаясь за скользкий камень, поднялась, добрела до обрыва, посмотрела в мутную речку. — Ты меня первый раз видишь.

— Первый раз, да, — но вижу. В-четвертых, одному здесь... Труднее.

— Даже тебе?

— Мне тем более. Мне надо выжить любой ценой. Мне надо его убить.

— Ну что, — вздохнула Леро. — Туда?

Она махнула рукой в расщелину. Кламнат вернулся к ранцу, сцепил с него длинный черный цилиндр с тремя кольцами посередине. Затем подошел к самому краю, пригляделся, положил цилиндр на плечо, чуть повернул кольцо. Из цилиндра ударила тонкая стальная молния, через секунду из-за спины вернулся щелчок; Кламнат повернул другое кольцо, с другой стороны оврага ответил такой же. Кламнат обернулся к лесу — в дерево вонзилась короткая толстая спица. Кламнат повернул кольца дальше; трос с обеих сторон стал собираться. Через десять секунд над пропастью сверкала натянутая струна.

— Здорово! — Леро хлопнула в ладоши. — А как мы по ней?

Кламнат повернул третье кольцо, которое высвободило темляк, провел цилиндр по тросу к обрыву.

— Руку сюда. Волосы осторожно.

Леро просунула руку в темляк. Кламнат повернул первое кольцо. Цилиндр заскользил по тросу вперед; через двадцать секунд Леро спрыгнула в листья на той стороне.

— Ай, колючие... Здорово! — крикнула Леро. — Ловко! Вот это у вас штуки!

— Какие у нас штуки? Что здесь такого?

— Здорово, и замолчи. Как мне ее обратно?

— Просто толкни.

— И она что, сама?..

Леро толкнула цилиндр. Кламнат вернулся к камню, нацепил ранец, снова подошел к обрыву, дождался цилиндра, перехватил темляк, повернул кольцо. Леро смотрела, как Кламнат неторопливо плывет в тяжелом воздухе над глинисто-желтым ручьем и зарослями бледно-лимонных хищников. Наконец он одолел пропасть, соскочил рядом в корни, листья и соломенно-светлые стебли.

— И что теперь?

Кламнат сдвинул кольцо. Трос обмяк, стал убираться в трубку. С обеих сторон подтянулись спицы фиксаторов.

— Они сами? — Леро снова хлопнула в ладоши.

— Сами, — усмехнулся Кламнат, цепляя цилиндр к ранцу. — Леро, тебе сколько лет?

— А что? — обиделась Леро. — Я таких штук не видела никогда. Я даже не знала, что такие бывают. А ты — дурак, ничего не понимаешь.

— Ну, это я понял. Но бывает еще не такое.

— И у тебя оно есть?

— Кое-что.

— Покажешь.

— Если будешь себя хорошо вести.

— Нахал.

— Как ноги?

— Вообще не болят!

— Не ври.

— Ну, немножко... Ну что, мы идем? Дай еще шоколадки.

Кламнат повернулся спиной.

— Желтый клапан. Возьми весь и не приставай.

— А мне некуда положить. Пусть он у тебя лежит. А я буду брать иногда.

Кламнат обернулся и усмехнулся.

— Леро, — он покачал головой. — Ты, все-таки, хоть чуть-чуть понимаешь? Что к чему? У тебя ведь есть голова на плечах. Вы знали, что капсула битая? Ты знала?

— Сначала не знала! Потом стала догадываться. Что что-то не так. Сагео все время ругался. А узнала только когда вышли из Перехода — не там.

— Но ведь знала, что так ехать опасно, вообще?

— Одной дома сидеть, — Леро посмотрела в землю. — А так хоть что-то. Позагорали бы. Там солнце такое ловкое. Я смотрела по видео. Вода чистая. Озера. Искупались бы.

— Ну, теперь здесь искупаешься. Кислота здесь тоже чистая.

— Слушай, а ведь тут как-то живут? Какая-то живность?

— Живут. Еще увидишь. Так что? Они тебе все друзья?

— Ну да. Как бы. Знакомые.

— А родители у тебя кто?

— Торгуют.

— Чем?

— Не знаю, — Леро подняла голову, посмотрела в панель стереомата, улыбнулась. — Дай посмотреть в эту штуку.

— Потом.

Кламнат отвернулся, зашагал к лесу. Волшебный комбинезон растворился.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

Кламнат сказал, что листьев скоро не будет, — так и случилось, и как раз когда терпеть было уже нельзя. Часов через пять низина закончилась, земля пошла в гору. Почва стала каменистой, деревья сменились. Мощные стволы, покрытые чешуей, уступили место гладким, блестящим в полумраке леса как полированный мрамор и похожим своей прямоотой на колонны. Кроны на этих деревьях располагались выше; сразу стало просторней, лес перестал тяготить, стало даже как будто легче дышать. Кламнату, однако, это не нравилось; он стал идти осторожнее, то и дело останавливаясь и подолгу вращая стереоматом по

сторонам, отражая тусклые блики редких лучей, просочившихся с неба.

Желтые стебли-лианы, которые появились часа за два до оврага и продираться через которые стоило большого труда, исчезли вместе с чешуистым лесом. В новом лесу листья были такие же жесткие, гладкие и блестящие, но светлые — не такие мрачно-ржавые и угрюмо-коричневые; были меньше размером и не такие кинжально-острые. Леро подобрала несколько палых — они были мягче и пахли не так тяжело. Вскоре идти стало опять тяжелее; к гладкоствольным деревьям добавился низкорослый кустарник — длинные тяжелые ветви веером из одной точки корня, с маленькими алмазно-острыми листиками, каких, впрочем, на голых ветвях было немного, и избегать этих лесных лезвий было нетрудно.

Иногда наверху проявлялось небо, и в маленькие колодцы падал медленный вязкий свет. Леро каждый раз останавливалась, смотрела наверх, стояла десять-пятнадцать секунд, давая отдых горящим ногам, сжимала зубы, спешила за Кламмом. Он шагал сквозь заросли, раздвигая длинные ветви кустов, иногда оборачиваясь и поджидая, если Леро чуть отставала. Вокруг вдалеке постоянно что-то гудело, потрескивало, чавкало, но за полдня Леро не увидела ничего живого — даже на расстоянии, мельком, хотя постоянно присматривалась, ожидая, после упоминаний Сагео и Кламма, увидеть нечто диковинное. Один раз ей показалось, что она, наконец, увидела какого-то черного ящера, но ящер никуда не спешил удрать и потом оказался огромным ползучим стеблем, который стелился в неглубоком ковре листвы и растворялся в полумраке леса.

Лес продолжался и продолжался. Ощущение времени потерялось; казалось, что мир состоит только из этих стволов, листьев и веток, иногда из кустов с алмазно-режущими лепестками, из тяжелого липкого воздуха, который забивал горло так, что его очень хотелось прокашлять, но дышать было так тяжело, что кашлять не получалось — так было всегда и везде, и будет всегда и везде, и больше нигде ничего нет, во всей огромной Галактике, а солнце, простор и воздух предгорий, где Леро родилась и выросла, в неизвестной непонятной дали, откуда их сюда занесло, — просто какой-то сон, какой-то миг озарения — такое иногда бывает, прорывается сквозь череду бесцветных будничных дней...

Леро чувствовала, что сознание начинает терять обычную ясность. Она шла и, чтобы не поддаваться странному оцепенению, внимательно смотрела под ноги, стараясь ступать там, где было меньше листьев, и так, чтобы нога их давила, а не погружалась в слой лезвий, — и следила за тем, чтобы не отставать от Кламма.

— Слушай, а почему здесь никого нет? — спросила Леро, когда Кламма остановился в очередной раз. — Вроде кто-то вокруг возится, а нет никого.

— Нас слышно за километр. Спрятаться несложно.

— От нас? Спрятаться? А Сагео говорил — тут есть хищники.

— На этой точке четыре географические зоны. Все базовые — экваториальная, тропическая, умеренная, полярная. Эта — экваториальная. Отличается от трех остальных регулярным кислотным сезоном. В тропиках кислота тоже бывает, но не каждый год и не так резко. В умеренном кислоты нет, там осадки формируются над континентами. Поэтому вся фауна здесь, на экваторе, имеет дополнительный ранг — мегатип, или подцарство. Таких мегатипов два — оседлые и мигранты. Первые — хищные, вторые — растительноядные. Первые адаптированы к кислоте. Там и там классы — членистоногие и хордовые. Среди вторых есть отряд — черепахи, — который адаптирован тоже. Они не прячутся, мы их, возможно, увидим.

— То есть растительноядные уже убежали. А шумят хищные и адаптированные черепахи.

— Растительноядные убежали не все, и хищные пока на охоте. Поэтому у меня, — Кламнат тронул стереомат, — здесь имеется индикатор.

— Ну дай посмотреть!

— Потом.

Вскоре длиннорукие кусты кончились, и вокруг снова остались только гладкие стволы-колонны, которые стали еще тоньше и кроны над которыми поредели и поднялись еще выше. Слой палых листьев тоже поредел так, что идти теперь можно было просто по камням — Леро заплакала от облегчения. Они шли еще часа полтора, когда Кламнат резко остановился. Леро, бредущая почти в спину, устав и предвкушая привал, наткнулась на Кламната и отскочила.

— Хищные? — она схватила его за локоть.

— Да, — ответил Кламнат не сразу. — Похоже, он понял, что это я.

— Кто он? То есть?

— Хайдег, — Кламнат поднял стереомат, снял перчатку, утер брови.

— Мы их догнали?

Леро оглядела коричневый полумрак. Хотя здесь было далеко не так мрачно, как ниже, видимость пропадала в тридцати шагах. Кламната, в комбинезоне, не было видно уже в пяти.

— Леро, слушай меня внимательно, — Кламнат щелкнул кольцом на стволе карабина. Зеленый мигающий огонек сменился тревожно-желтым. — Он понял, что я — это я. Я их догнал, и они разделились. Один там, — Кламнат указал стволом влево, — другой там, — он перевел ствол вправо.

— А как ты узнал?

— Эта штука, — Кламнат тронул стереомат на шлеме, — как ты понимаешь, все видит потому что ищет. Я регулярно цепляю сигнал. У них таких два.

— Так просто? — удивилась Леро, оглядываясь. — Кому они нужны, если их можно засечь, так просто?

— Леро, — Кламнат покачал головой, — это мне просто. У меня есть чем. А так возьми попробуй.

— То есть, — Леро смущенно заулыбалась, — они разделились? Значит, засада?

— Значит, засада.

— И значит, тоже охота?

— И значит, тоже охота. Поэтому слушай меня внимательно. Первое. Сейчас для тебя закон только один. Мое слово. Как понял?

— Как поняла?

— Прости, на женщин наши реплики не рассчитаны.

— Ну, я поняла.

— Что поняла?

— Что на женщин.

— И все?

— И про слово.

— Второе, — Кламнат расстегнул клапан воротника. — Видишь?

— А что это? — Леро шагнула ближе и посмотрела на плоскую металлическую

коробку.

— Открывается здесь, — Кламнат тронул задвижку. — Если я потеряю сознание и не очнусь через сутки, дергаешь воротник, — Кламнат указал на клапан, — открываешь, берешь «пиявку».

Он открыл коробок. Внутри оказалось четыре маленьких черных диска.

— А что это? — прошептала Леро.

— Прикладываешь к любой артерии. Ты знаешь, где у человека артерии?

— Немножко.

— Вот сюда, например, — Кламнат положил пальцы Леро на горло.

— Это где пульс? Знаю. И что будет?

— Ждешь, пока я очнусь.

— Долго?

— Еще сутки.

— А если... — Леро хлопнула ресницами. — А если кровь?

— Крови не будет. Как понял?

— А что надо отвечать? — Леро улыбнулась.

— Понял вас норма. Или просто — норма.

— Понятно.

— Неправильно.

— Норма.

— Третье.

Он сцепил карабин, протянул Леро. Она отступила на шаг, посмотрела испуганно.

— Держи.

— Мамочка... Я такие разрядники только на картинке видела... — Леро взяла карабин.
— Тяжелый...

— Это карабин, не разрядник. А тяжелый не он, а в нем элемент — буферный аккумулятор. Запоминай, — Кламнат тронул пальцем тревожный огонек статус-табло. — Желтый мигает — статус ноль. Неопределено, потеря контроля. Если это в бою — не тратишь время и бежишь без оглядки, выбираешь другую позицию. Желтый не мигает — статус один, готов.

— Как сейчас?

— Как сейчас. Зеленый — статус два. В общем — все функции норма. Здесь значит попал.

— То есть? Он что, сам говорит? Попала я или нет?

— Разумеется. В большинстве случаев цели ты не увидишь.

— А как же стрелять? — Леро хмыкнула, оглядела оружие со всех сторон.

— Мигает красный — статус минус два. В общем — отказ. Здесь значит мимо. Вот гашетка. Сюда палец. Первый ход — до небольшого упора... Жми.

Кламнат отвернул ствол в сумрак зарослей. Леро надавила спуск. В глубине излучателя вспыхнул яркий рубин. Статус-табло ответило синим. Кламнат замер.

— Что-то не так?

— Жми! До конца! Бей!

— Куда?! — закричала Леро.

Она вдавила дрожащий палец. Излучатель вспыхнул горячей звездой. Разряд ушел вперед и влево; в сумраке леса взорвалась белая молния; лес проявился до последнего

листика, загоревшись вокруг сказочным строем хрустально-черных колонн. Молния погасла искрами, упал новый мрак; впереди что-то тяжело рухнуло. Леро всмотрелась. Метрах в двенадцати на земле лежала непонятная масса; над ней вился дымок. Леро уставилась на зеленую звездочку статус-табло.

— Попала? — она подняла голову. — Здорово! А что это было?

— То есть понятно, — Кламмат сбросил на нос стереомат. — Синий — статус минус три. В общем — терминат, функция выполнена. Здесь значит фиксация. Белый — внестатусный знак. Значит недостаток данных.

— Данных?

— Да, — Кламмат обернулся к Леро. Зеленый огонек отразился в панели стереомата. — Я говорил, что в большинстве случаев ты не видишь кого атакуешь. Когда бьешь из неактивной зоны в частности. Часто бьешь только по трассам — по интерполяции теплового следа. Иногда тестишь, иногда другого не остается. В таких случаях белый как раз и бывает.

— А сейчас?

Леро повертела карабином, оглянулась на обугленную грудку. Потянуло поджаренным мясом, еще какой-то тошнотворной гарью.

— Сейчас в контакте.

— А он сам может за меня стрелять?

— Нет.

— А я думала, оно у вас само все стреляет. Что, если их сразу четверо со всех сторон?

— Прибору все равно сколько, лишь бы хватило энергии для защиты, — Кламмат тронул насадку на макушке шлема. — Но он тугодум. Они, вообще-то, все тугодумы.

— То есть? — засмеялась Леро. — Не догадался, что опасно?

— Не принял такое решение. Это называется эн-ка-о — неполный критерий опасности. Похоже, решил, что масса — в векторе на тебя, при том, что сам в пассивном режиме.

— Ну объясняй уже.

— Активный режим обычно включают для локального боя. Когда контакт с противником визуальный. Все время его держать нельзя, очень энергоемкий. Локальный бой случается редко — его вообще крайне нежелательно допускать... Но режим может быть ни при чем. Он мог определить что-то другое.

— Вот тебе раз, — Леро хмыкнула, оглядев шлем, на котором угрюмо сверкала полоска стереомата. — Значит, себе он подумал, что все нормально. А ты, все-таки получается, ложись помирай? Ну, и на кого же тогда надеяться? — Леро посмотрела на зеленый огонь карабина. — Если никто за меня не стреляет?

— На себя. Ты знаешь, что значат статусы, вот и соображай — этого хватит. У них, — Кламмат посмотрел в коричневый сумрак, — два точно таких же. А от них, — он обернулся к Леро, — в конечном итоге защита только одна — своя голова.

— Да?.. А то мне понравилось... И целиться не надо. А что это было? И откуда онс вдруг взялось? Не было, не было, и вдруг — на тебе! Я даже не испугалась — не успела просто, — Леро еще раз оглянулась на черную грудку.

— В общем, как работать в контакте, ты поняла, — Кламмат забрал карабин, подцепил к такелажу. — А что это было — мне неизвестно.

— Все объяснил, в общем... А воняет как, — Леро втянула носом горелый запах, отвернулась.

— И четвертое, — Кламмат сдвинул левый рукав. На запястье на черном материале

перчатки замерцал браслет, на котором спокойно светился зеленый огонь. — Если я отключаюсь, он замигает желтым. Если через сутки я не очнусь, а ты не поставишь «пиявку», он загорится красным. Мои примут сигнал. Если «пиявка» будет стоять, он будет ждать еще трое суток. У нас это срок реабилитации, крайний. Но ты столько ждать не будешь. Если через сутки после «пиявки» по-прежнему мигает желтым, берешь мою правую руку, — Кламнат повертел ладонью в перчатке, — снимаешь перчатку, пальцы кладешь на браслет.

— И что? — прошептала Леро.

— Мои примут сигнал. Наши системы рассчитаны сначала на группу. Сначала предполагается, что я не один — обычно в тройке. А ставить себя в одиночный режим я сейчас не хочу, — Кламнат опустил рукав. — Это значит вводить для моих фактор дополнительного отвлечения. Там восемнадцать беглых, — он указал на юг, — против двенадцати наших. Теперь одиннадцати.

Он отвернулся и двинулся дальше.

* * *

Дорога шла в гору, ноги начинали болеть по-другому, вдобавок к порезам, которые снова невыносимо горели. Леро едва ковыляла, терпела из последних сил. Кламнат шел, удвоив внимание; Леро и боялась его беспокоить, и просто стеснялась попросить еще пены. Голова снова наливалась огнем, ужасно хотелось капсулы, но Леро решила, что будет терпеть до последнего, когда действительно станет падать, почувствует, что теряет сознание.

Чем выше они поднимались, тем становилось светлее и чище. Дышать становилось намного легче; Леро с наслаждением вдыхала все тот же протухший, но не такой тяжелый здесь воздух. Зато здесь появилась новая напасть — длинные извилистые лианы, темно-желтые, почти коричневые, спадавшие откуда-то с невидимой высоты и унизанные такими же зубьями, как ветви оставшихся позади кустарников. Беречься новой опасности сил уже не было; прочный материал платья (одежду Леро выбирала в первую очередь по практичности, предпочитая металлизированное волокно, из которого ничего навороченно-модного не сошьешь) каким-то образом защищал спину, грудь и живот — но плечи, руки и ноги разгорались свежими ранами. Леро шла, ничего уже не соображая; наконец ей показалось, что она теряет сознание. Она упала на четвереньки.

— Клам... Не беги так... Я тебя не вижу через три метра уже... Можно я отдохну.. Пять минут...

Кламнат вернулся, присел, поднял стереомат, убрал у Леро с лица волосы, посмотрел в глаза.

— Я дойду... Мне только отдыхать иногда... Да еще колючки эти опять...

— Часа через полтора будет нормальное место, привалим.

— Дай таблетку.

— Аптечка под голубым клапаном. Справа, под мышкой.

Он повернулся спиной, Леро достала из-под клапана блистер, отделила капсулу, сунула в рот, проглотила. Кламнат вернул на нос стереомат, поднялся — и тут же рухнул на землю.

— Лежать!

Ствол над головой раскололся белым огнем. Дерево закрипело и стало медленно падать. Кламнат схватил Леро за локоть и потащил в сторону; Леро, продрав на плече глубокую ссадину, закричала. Ствол обвалился, листья обрушились зелено-коричневым

водопадом, затем рухнул огромный ком колючих лиан, все стихло. Сожженный ствол чуть потрескивал. Завоняло влажной тухлой гарью, как от костра на поляне.

— Больно... — Леро заплакала. Силы терпеть закончились. — Дай пены немножко... И давай отдохнем, пять минут... — она лежала ничком, уткнув лицо в глину и кровь на ладонях. Волосы рассыпались по земле, перемешались с горелой трухой. — Я таблетку случайно... — она всхлипнула. — Выпала...

Кламнат не отвечал. Он приподнялся и медленно огляделся. Затем сел на колени, взял Леро за плечи, привалил к упавшему дереву.

— Бьет из неактивной зоны. Причем на пределе, почти из-под внешнего радиуса. Скорее всего, ближе — левый ландшафт, и он пока тестит. Что нам и надо, — Кламнат достал баллончики, блистер с капсулами. — Каждый тест — тоже заряд.

— Клам... — Леро не открывала глаз. Она часто дышала и не могла надышаться. — Так что у тебя с ним за счеты... Еще кое-какие... Личные... Любой ценой... Бросил своих, разбил капсулу...

— Как у тебя платье снимается?

— Обычно... Через голову... Что, не знаешь... Не снимал, что ли, ни разу...

Кламнат раздел Леро, обработал плечи и грудь, бедра, колени, голени, ступни.

— Шрамы останутся... — Леро заплакала.

— Необязательно, — Кламнат спрятал баллончики. — Если успеем в борт-лазарет, обработаем — ничего не останется. Жуй.

Он достал еще одну капсулу. Леро открыла глаза, не в силах пошевелиться, улыбнулась.

— Открой рот. Ты себе язык прокусила, ты в курсе?

— Да?..

Кламнат сунул капсулу.

— Толком ни разу. Пять лет назад... Ты, наверно, не знаешь... В Три-три-один вводили военное положение. Три-три-один — наша зона, и нас, разумеется, всех до последнего... Познакомился там с одной девочкой. На тебя, кстати, похожа. Он тоже к ней.

— А он там зачем? Или тоже из ваших? Был?

— Тоже из наших. Был.

— Ну и ну... А она?

— Не подпустила на радиус, это понятно. А когда там стали стрелять — погибла.

— И что? — Леро открыла глаза, выпрямилась, поморщилась. — Как?

— Леро, ты взрослая девочка. И ты его видела.

Леро хлопнула ресницами.

— Так что ему повезло. Что он протоптал здесь, все эти годы. Но всему на свете приходит конец.

— Я его тоже убью... Давай вместе...

* * *

— Ну что? — спросил Камбетэ, наблюдая за тем, как Хайдег копается с блоком связи.
— Не зря хоть тащили?

— Все никак не успокоишься, — гоготнул Гуммо. — Гадкая девочка! Ну ничего, ничего. Ты ей смотри как понравился. Сама к тебе в ручки идет. То есть не в ручки, а... Ты понял куда... Да еще этого прихватила. Будет у тебя даже две дырки, правда разных.

— Гуммо, заткнись, — оборвал Хайдег. — Шутник из тебя плохой, я уже говорил. Будет и у тебя две дырки, не завидуй. Хотя ты по-другому... Кончишь.

— Хайде, может быть, все-таки через болота?

— Кам, подумай хоть раз не головкой. По-моему, даже такому идиоту как ты должно быть понятно. Двенадцать Особых против двадцати одного беглого. По-твоему, Кам, такое случается каждый день? И он бросает своих и уходит за мной, — Хайдег отвернулся к связи.
— Тебя, вообще-то, за киль никто не тянул. То есть если ты здесь — слушайся взрослых и не греми яйцами... Все, ловить больше нечего, — он бросил блок, поднялся, сбросил на нос стереомат.

— Хайде, нас трое, — сказал Гуммо и хмыкнул. — А ты очкуешь, как...

— Во-первых, Гуммо, нас не трое, а я один. Потому что вас для него как бы не существует. Для него, Гуммо, полкогорты таких дегенератов, как вы... Чучела на отработке. Которые не понимают, что если я брошусь к базе не озираясь... Он отстрелит мне яйца уже завтра утром. Не хихикай, Кам, — обернулся Хайдег, — тебе уже сегодня вечером.

— Ну да, — гоготнул Гуммо, — промазать в такие яйца... Мутант, гы-гы-гы.

— Гуммо, — Хайдег упер карабин Гуммо в грудь. — Повторяю в последний раз. Не умеешь шутить — не шути. Мое единственное преимущество — схема. Она у меня локальная. Там, за этой скалой, — Хайдег указал на север, — есть несколько мест, где я его сделаю. А пока выход у меня только один. Держаться под зоной, в тесте. И как только везет с рельефом — в зону, и бить. И не трясись так, Кам, — Хайдег упер карабин Камбетэ в живот. — Я знаю, как он это обычно делает.

— Что же ты с ним так не поделил-то, все-таки, — хмыкнул Гуммо и отвернулся. — Если он бросает всех своих друганов и один за тобой.

— Гуммо, я уже предлагал. Идите через болота. За вами он туда не полезет. Как раз самое то, вдоль скал — перебираться не надо. Направо марш, восток, потом восток-юг-юг. Правда, у этой дороги есть существенный минус. Одни вы просто не дойдете. Даже со схемой, — Хайдег постучал Гуммо по стереомату согнутым пальцем.

— Нет уж, Хайде, спасибо, — отозвался Камбетэ. — После всех твоих баек... Я туда даже с тремя схемами не пойду. Лучше залезем на эти скалы и постреляем оттуда, втроем.

— По болотам нам все равно придется идти. Но недолго и с севера — там почти сухо. А до скал еще надо дойти... Поэтому быстро. Нам надо быть там засветло. Иначе там будем не мы. Как ты, Камбетэ, хорошо понимаешь.

Начался долгий отлогий подъем. Чем выше они поднимались, тем лес становился светлее. Лес редел все больше, кроны вверху становились все меньше, и вот, наконец, заросли растворились в пространстве под низким покровом туч — желто-грязных, с угрюмым свинцовым отливом. Впереди на многие километры простиралась равнина, испещренная бурыми валунами, между которых прятался невысокий кустарник. Короткие

толстые ветви, матово-черные, тускло сверкали бесцветными алмазными каплями листьев; на концах ветви были унизаны мочалками сочно-багровых цветков. Здесь гулял ветер, ударяя по кустам и камням, и багровые точки цветков дрожали на фоне бурых боков камней.

Почва здесь была землистая, сухая и жесткая. Равнина кончалась цепью серо-фиолетовых скал, протянувшихся по горизонту. Лес огибал открытый простор огромной дугой справа и терялся в направлении скал. Слева километрах в пятнадцати начинались бурые, в тон разбросанным по плоскости валунам, горы — очень далеко можно было разглядеть вершины, мерцающие желтоватым снегом. Над почти невидными желтыми искрами горных вершин стелилось плотным ковром облаков тяжелое, мрачное, беспросветное небо.

Сзади на юг отлого стелилось бурое покрывало джунглей. Перспектива терялась в дымчатом мареве, как будто пелена туч опускалась до самой земли и размывала собой горизонт. Однообразную слабоволнистую поверхность джунглей нарушали мачты-стволы с нанизанными на них шаровидными сгустками крон — эти деревья, похожие на гирлянды мочалок, иногда были так высоки, что верхушки уходили в небо и растворялись в плотном массиве туч. В кронах-мочалках обитали какие-то птицы; их можно было различить в виде точек, которые долго кружили вокруг, прятались в листьях, снова вылетали под тучи, снова кружились, снова прятались.

Ветер порывами растолкал тяжелые запахи леса.

— Какой здесь воздух, — задышал Камбетэ.

— Горы вон, — махнул рукой Гуммо. — Жалко, что нам не туда.

— Гуммо, ты можешь пойти напрямик, — Хайдег указал на север на недалекие уже скалы. — Четыре часа — и ты там.

— Пойду, — усмехнулся Гуммо, — и через десять минут — без яиц. Да, Хайдег, из тебя-то шутник хороший. Пусть у меня яйца не такие мутантские, гы-гы-гы... Но они мне очень нужны. Поэтому я — в обход.

* * *

Они вернулись в лес и свернули налево. Идти здесь, на краю, было намного легче; дышалось не так тяжело, воняло не так сильно, заросли были не такие густые. По мере того как лес, огибая плато, забирал влево, характер растительности стал меняться. Стволы стали тоньше, деревья реже, коричневые лианы с острыми алмазными листьями почти исчезли. Вместо них между ветвей начали возникать странные бурые паутины с белыми бутонами на узлах. Они стелились по каменистой почве ниже колен и какое-то время идти не мешали; но их становилось все больше, и Камбетэ, который шел впереди, работая тесаком из комплекта Гуммо, наконец, остановился.

— Их надо жечь — так все без толку, — он повертел разрядником. — Хайде, все равно эта пукалка... Так — хоть какая-то польза.

— Это ствол, Кам. И там остался заряд. Ты в курсе, чем отличается тесак от ствола? Даже такого?

Камбетэ обернулся, двинулся дальше. Тридцать шагов он шел, работая тесаком, задирая ноги и топча толстые шнуры паутин, затем завяз и остановился снова.

— Хайде, ну ты посмотри! — он воткнул тесак в паутину. Тесак, прорезав толщину стеблей-шнуров, остался висеть. — Давай тогда свернем, что ли. Если вдоль леса, как-нибудь осторожно...

— Я тебя не держу, кажется?

— Они, Кам, давно уже там, — гоготнул Гуммо, — ждут не дождутся. Девчонка особенно, отстрелить тебе...

— Кретин, — отозвался Камбетэ, выдирая тесак. — Но здесь тоже идти... — он попытался шагнуть, и чуть не упал — ноги завязли в бурых шнурах. — Откуда они взялись? — он огляделся. — Внизу ведь...

— Хайде! — закричал Гуммо, оглядываясь. — Давай, что ли, правда отсюда валить! Они сами лезут, что ли? — он попытался выдернуть ноги из упругих стеблей. — Кам, дай тесак!

— Мне он самому нужен! — крикнул Камбетэ, остервенело рассекая вокруг колен бурые стебли. — Хайде, они сами лезут!

— Вижу, — Хайдег сорвал с такелажа нож, начал быстро сечь паутину вокруг колен. — Назад!

Он выдрался из паутины, кинул нож Гуммо, отбежал на двадцать шагов, обернулся. Гуммо яростно работал ножом, отбиваясь от стеблей, которые вздыбились и уже доползли до пояса. Наконец ему удалось освободиться; он, по пояс в жирных клоках паутины, затопал назад. Камбетэ в агонии бил тесаком вокруг, но он зашел дальше и ему было гораздо хуже; бурые стебли опутали его по грудь, и одного тесака уже не хватало.

— Хайде!.. — заорал наконец он, задыхаясь. — Это что за дьявол такой! Я такого еще не видел!

— Я видел, — отозвался Хайдег спокойно. — Бей! Ты что, стрелять разучился? Я же тебе показывал.

— Я не могу! — заорал Камбетэ как резаный. — Руки!.. Они мне все руки!.. Ты что, не видишь!..

Хайдег навел карабин, снял мощность, вдавил клавишу спуска. Тремя разрядами он выжег вокруг Камбетэ метровый круг. Камбетэ свалился на четвереньки, выронив тесак и разрядник, вскочил, бросился назад.

— Стоять! — Хайдег вlepил разряд Камбетэ под ноги. Тот упал на колени, в месиво стеблей и пепла. — Ствол. Нож.

Камбетэ обернулся, вскочил.

— Они лезут! Смотри, они ведь лезут! Они что, живые?

— Ствол! Нож!

Камбетэ метнулся назад, вырвал из бурой каши тесак и разрядник, бросился к Хайдегу, упал рядом.

— Быстро назад, — бросил тот.

Они побежали назад, но там, где раньше ничего не было, теперь повсюду липла бурая паутина. Ее вдруг стало так много, что лес приобрел целиком бурый цвет. Белые точки бутонов качались вокруг и пестрели в глазах; они явным образом реагировали на приближающиеся тела — паутина поднималась снизу и раскрывалась навстречу. Наконец, ныряя в прорехах бурой, пятнисто-белой завесы, они добежали до края леса, вырвались из-под деревьев, рухнули на сухую, упругую после рыхлых пластов перегнойную землю.

— Мы уже высоко... Ты в курсе, что значат зеленые циферки, Гуммо? Там, у тебя, слева внизу?.. Тысяча пятьсот пятьдесят пять, — сказал Хайдег, отдышавшись. — У нас этого не было, так что прощаю.

— Ну да, — скривился Гуммо. — Зато у нас было много другой дряни, — он поднялся, отошел от леса на три метра и рухнул. — Сука!

Хайдег пригнулся, присел. Камбетэ, отдираясь от остатков паутины, запаниковал, заметался.

— Тварь! — отодравшись, наконец, от липких нитей, он шмякнулся под дерево как мешок и пополз к Хайдегу.

— Не парься так, Кам, — усмехнулся Хайдег, когда все стихло, дым рассеялся, пыль и труха осели. — Он уже близко, можешь не ползать. Толку уже никакого.

— Ну, и какого черта? То «ложись», то «не парься»? Где логика?

— Логика, Гуммо, в том, что намного выгодней не засветиться, чем тратить заряд на защиту. Простая? Он так близко, что «ложись» уже без толку. Он уже в зоне. Пока еще в неактивной, но нас читает уже стопроцентно, без экстраполяции.

— Желтое и мигает — оно, что ли? — Гуммо уставился стереоматом в пространство.

— Оно, Гуммо. Когда красненькое желтеет и начинает мигать — готовь сухие штаны.

— Ну, и где он тогда?

— Камбетэ, а ты-то? Ты-то ведь это уже должен знать. Статусы — святая святых. Их проходят на самом первом семестре. Что значит «минус один» в контексте антуражного боя? Только не говори, что не знаешь... Он там, Камбетэ, где вышли мы.

— И что нам теперь?

— Лежать, никуда не соваться.

Хайдег приподнялся и осмотрелся.

— А ты ведь поднялся?

— Мне, Гуммо, можно. Лежать.

* * *

Лес заканчивался, сменяясь черным кустарником с огнями цветков на ветках. Бурые валуны были достаточно высоки, но рассыпались по открытой местности слишком редко. Хайдег сбросил на нос стереомат и долго стоял, изучая данные и соображая, в каком направлении дорога была наиболее безопасна и каким образом ее следует проложить. Он стоял так долго, что Гуммо не выдержал, приподнялся за ним.

— Ну что? Что ты торчишь как диспоз? Что будем делать, куда? Ползти теперь, что ли? До скал?

— Да. Здесь у нас ноль, везде.

Хайдег отполз к лесу, скрылся за деревом. Камбетэ и Гуммо заторопились за ним.

— Если оттуда мы его не замочим, — Гуммо выглянул из-за ствола и посмотрел вдаль на север, на цепь серо-фиолетовых скал, — то нам что теперь — до конца? Ползти?

Хайдег поднялся, углубился в лес, остановился, оглядываясь. Он стоял на краю царства бурых шнуров-паутин и алчных белеющих глаз. Паутина начиналась малозаметной между стволов сетью и уходила в глубь леса, растворяясь во мраке миллионами белесых точек.

— Между прочим на третьей шахте такого не было, — сказал Гуммо. — Она тоже тут рядом.

— Когда ты там был? — отозвался Камбетэ. — А сейчас через две недели дожди. Вот она выросла и ловит мигрантов.

— Кам прав, — кивнул Хайдег. — Она ловит всякую сволочь типа тех мелких ящериц. Которые падают с неба как... Кам должен хорошо помнить. И им здесь дорога одна — на север. Через эти вот дебри и дальше через хребет, — он указал стволом карабина на цепь северных скал.

— Интересно, чем она жрет? — Гуммо хмыкнул и потряс головой. — Да, не видел я

здесь такого.

— Жрет вот этими белыми. Я видел что-то такое, в Три-три-один. Оно однолетнее. Нажирается, до кислоты, у него созревают споры. Дожди все вычищают. После них ничего нет, месяца полтора. Эти споры успевают закрепиться — что им там надо. Идем здесь, пока можно, — Хайдег оглядел живую полосу леса между краем и паутиной. — Держаться посередине, глазеть в оба.

— В Три-три-один, — отозвался Камбетэ. — Ты не рассказывал, что был в Три-три-один.

— Ну, я не обязан тебе обо всем рассказывать.

— И что ты там делал, хотя бы?

— Когорта сопровождения.

— А это еще что такое?

— Это, Кам, когда бежит не двадцать человек, а две тысячи.

— То есть?

— Понимаешь, Кам, Особых как бы не очень много. Их и так всегда было мало, а сейчас особенно. Чтобы передуть две тысячи таких кретинов как ты... Их не хватит со всей Галактики. Даже если они бросят всех остальных, ради тебя...

— Понимаю, хи-хи-хи... Помогал Особым душить кретинов. Которые тоже беглые с рудников, да? Ну и как? Много надушил?

— Не помню, Камбетэ, прости. Как-то было не до учета. Вперед. Через четыре часа начнет темнеть.

Они вернулись под навес леса и пошли, стараясь держаться как можно дальше от открытого слева пространства, пробираясь в опасной близости от ковра паутин справа. Вскоре паутина закончилась, подобравшись в глубину леса и рассыпавшись в полупрозрачном сумраке россыпью своих белых глаз. Впереди в просветах между гладкими полированными стволами забрезжило желтое небо.

Хайдег прошел на свет. Лес прерывался; местность впереди была промята впадиной, по отлогим откосам которой рассыпались острые серые камни и багровые мочалки кустарника. Спустя километр деревья начинались снова и медленно поднимались наверх, к подножию фиолетово-серой скальной стены. По сторонам впадина продолжалась до самого горизонта — слева пересекая открытый простор и теряясь у далеких унизанных желтеющим снегом вершин, справа растворяясь в низких желтовато-свинцовых тучах, нависших над бесконечным лесом.

Кряж, который возвышался над северной гранью леса, протянулся на весь горизонт — спускаясь с северо-запада на юго-восток, он терял мощность, становился ниже и плосче, зубья вершин округлялись и уплощались; склон терял крутизну, но везде, докуда хватало глаз, казался неодолим. На всем протяжении имелось только несколько мест, в каких его можно было как-то преодолеть — несколько клинообразных разломов, рассекающих бесконечную цепь на треть, на половину и кое-где больше; очевидно, именно эти прорехи в скальной стене дважды в год использовались мигрантами. Северный лес заползал на отлогое подножье этой бесконечной стены и растворялся под серо-фиолетовым камнем.

Хайдег обернулся, взмахом приказал подойти.

— Смотрите, — он указал стволом. — Триста метров — и мы у расселины. Вон внизу. Задача — перебраться через эту расселину и — вдоль кромки... Видите? Камни там прикрывают отлично. Вдоль кромки обогнуть этот угол, — Хайдег, следуя маршруту,

очертил стволом кривую. — Что там дальше — отсюда не видно. Но вон за тем камнем, если не зевать и не трясти громко яйцами, — он усмехнулся в сторону Камбетэ, — можно добраться до леса живым. Как понял?

— Норма, — отозвался Гуммо, изучая стереоматом маршрут. — Только... — он посмотрел налево, на угрюмую плоскость равнины под низким гнетущим небом.

— Мы выше пусть метров на тридцать, — кивнул Хайдег, — но этого хватит. Он до сих пор не в зоне, — Хайдег обернулся к Гуммо и тронул стереомат.

— Вижу, — хмыкнул Гуммо. — Вот оно, желтое... А что будет, когда он будет в зоне?..

— Твое желтое замигает — противник в зоне, готов к бою, если не знаешь, — хихикнул Камбетэ. — И когда он будет в зоне, тебе уже ни до чего не будет.

— Кам прав. Как всегда. Ноги в руки и быстро, — Хайдег шагнул от леса, перебежал к ближайшему валуну, обернулся, махнул рукой: — Ну!

Гуммо, помешкав и посверкав вправо-влево стереоматом, перебежал к Хайдегу. Камбетэ, также помешкав, помчался за ним. Хайдег вышел за камень, осмотрел пологий спуск к расселине.

— Пока желтый стоит, быстро!

* * *

Передвигаясь таким образом, они добрались до крайнего над расселиной камня. Здесь Хайдег поднял руку, сигнализируя остановиться, обошел камень, почти покинув прикрытие, всмотрелся в трещину — она рассекала впадину по всей длине. Затем добежал до обрыва, обернулся, махнул рукой, пробежал дальше вниз и скрылся за краем. Через минуту Камбетэ и Гуммо были на месте — на каменном балкончике, под прикрытием невысокой стены, над глубокой расселиной, на дне которой в черно-зеленом кустарнике пенился мутный поток.

— Какое здесь все грязное, — Гуммо заглянул с обрыва.

— Какие рожи на точке, такая и точка, — усмехнулся Хайдег. — Каторгу, как ты понимаешь, устраивают не где попало.

— В Ноль-восемь-восемь, например, их нет и быть не может. Хи-хи-хи.

— А ты, Кам, был в Ноль-восемь-восемь?

— В детстве, — Камбетэ подошел к краю и тоже заглянул вниз. — С мамочкой и папочкой.

— Ну, и как там?

— Красивенько, Гуммо, красивенько. Цветочки, ручейки, бабочки, облачка. Кислотных дождей нет.

— А сколько тебе лет, Кам? — обернулся Хайдег. — Ноль-восемь-восемь открыли двенадцать лет назад.

— И что?

— А то, что тебе на вид лет уже сто пятьсот.

— А тебе думаешь — сколько? — Камбетэ вернулся. — Ты тоже не с этикетки. Скажи спасибо — хоть как-то узнать можно.

Хайдег отцепил от ранца черный цилиндр, подошел к обрыву.

— Не разворовали, — гоготнул Гуммо. — Все по списку.

— А ты, Гуммо, так хорошо знаешь список? Стандарт-комплекта? Нет, Гуммо, здесь у своих не воруют. Поэтому все на месте, — Хайдег кивнул на ранец. — Отойди.

Он повернул кольцо. Из трубки вылетела толстая спица и вонзилась в бурый камень стены за спиной Хайдега. Он тронул второе — вторая спица улетела через расселину и

воткнулась в камень с другой стороны. Трос подтянулся, над пропастью застыла стальная струна, как вдруг Гуммо отскочил от обрыва, влип в стену и завопил:

— Сука, мигает! Квадратик этот поганенький!

— Вижу! — крикнул Хайдег. — Быстро! Он еще далеко, успеем! Кам, первый! Ну!

Белый Камбетэ дернул кольцо, вцепился в темляк, дернул другое, заскользил по блестящей струне. Через двадцать секунд он соскочил на камень и бросился вправо, под прикрытие груды камней. Хайдег дождался, пока черная трубка вернется, подтолкнул Гуммо. Гуммо воткнул руки в темляк, судорожно дернул кольцо; наконец сорвался с троса на другой стороне и бросился за камни к Камбетэ.

Хайдег разбежался сам, прыгнул в пропасть. Разряд пришел когда Хайдегу оставалось преодолеть восемь метров. Куда точно пришелся удар, было неясно, но трос лопнул где-то у Хайдега за спиной; Хайдег рухнул вниз, ударился в стену обрыва. Посыпались камни, стуча и подскакивая; булькая, попадали в воду; все стихло.

— Гуммо! Кам! Никуда не сова...

Раздался второй удар. Гуммо завопил наверху.

— Я сказал, — заорал Хайдег, — никуда не соваться! Сиди где сидишь, идиот! Там тебя не достанет, что за дурак!

Хайдег повернул кольцо, трубка поехала вверх по тросу, но добраться до края Хайдегу не удалось. Когда до верха осталось четыре метра, прогретый разрядом трос — там, где он перегнулся через каменный край, — лопнул. Хайдег, цепляясь за выступы руками и ногами, покатился по крутому обрыву. Он упал в черно-зеленые листья, скатился к вонючей воде, вскочил, заорал вверх:

— Что за дьявол! Почему в комплекте левый трос?.. Поганые крысы! Везде одни крысы! Гуммо!

— Ты где? — отозвался Гуммо через десять секунд. — Что нам делать?

— Живы? Сидеть на месте, пока. Никуда не соваться.

Хайдег выдрался из кустов, присел на мокрые камни, втянул носом зловонную гниль потока, поморщился.

— Гуммо! — он посмотрел вверх. — Бросаешь сюда свой мост. И без нервов, без лишних перемещений! Иначе он тут все разнесет! Бросаешь, и пробираетесь к тому камню, сразу.

— Он нас поджарит!

— Кам, можешь остаться. Минут через двадцать он тебя поджарит точно. И все скалы вокруг.

— А ты?

— Повторяю, бросаете мост и ждете за той скалой. Ну!

— Сейчас... — донесся отчаянный возглас Гуммо. — Сейчас... Вот он... Бросаю!

— Ну?

— Вот это ты кретин, Гуммо! — ликующе заорал Камбетэ через десять секунд. — Вот это кретин!

— Где мост? — заорал Хайдег в небо. — Ты что, его просто бросил? А фиксатор в скалу? Я не понял!

— Он... Я...

— Он просто так бросил! И не добросил еще! Хи-хи-хи! Устал, маленький, сил не хватило! Еще бы, столько дырок зараз! Хи-хи-хи!

— Кам, засунь свой хрен себе в рот! Хоть тогда, может, заткнешься! — заорал Хайдег, вскочив. — Гуммо!

— Я сейчас...

— Не дергайся, идиот! — крикнул Хайдег. — Кам, схвати его там, за что-нибудь... Он нам еще пригодится.

— Что делать?

— Гуммо, он где?

— Да близко совсем! Метра полтора! Не докатился... До края...

— Я же говорил, Гуммо! Кретин!

— Возьми камень и сбей.

— Тут нет камней... Рядом...

— Бери карабин, ставь ноль-два, бей в угол скалы.

— Сейчас...

— Да не так, кретин!

— А ты, Кам, придурок, знаешь как? Ну-ка бери!

— Ты насрал — ты убирай!

— Заткнись, оба! — заорал Хайдег. — Нет, что за кретины!.. Знал бы — пошел бы сам! Даже по этим горам и джунглям... А с той стороны, за рекой, будет хуже. За рекой будет болото. Там-то яйца вам точно на киль наматают... Ну!

Через десять секунд наверху раздался глухой удар и вопль Гуммо.

— Что? — закричал Хайдег в стену.

— Гуммо... Кретин... Хайде, он вырубился...

— Камень отбили?

— Нет... Все сгорело...

— Я же сказал — ноль-два! — Хайдег ударил кулаком в стену, вернулся на камни. — Знал бы — пошел бы сам!

Сверху просыпался металлический звон. Черная трубка заскользила по бурому камню, упала к подножью обрыва. Хайдег, ругаясь сквозь зубы, подхватил цилиндр, отбежал к воде, чуть не поскользнувшись на камнях.

— И что мне теперь здесь с ним делать? — заорал он в небо. — Обрато кидать? Как я его зафиксирую, под таким углом? Да и во что здесь его тыкать? Что мне с ним делать? Гуммо, если бы я знал, что ты такой полный дегенерат...

— Гуммо, кажется, все... Того...

— В смысле?

— От камня... Сгорел...

— Кам! Уходишь к тому сучьему камню, за поворотом. Я снизу. Быстрее! Здесь я и так уже...

— А Гуммо? Гуммо!.. Очнулся!.. — донесся вопль. — Кретин! Встал, быстро, бегом!

Хайдег, скользя по камням и рискуя упасть в зловонную воду, побежал вдоль потока. Через полсотни метров расселина расширилась, образуя своего рода бухту. Хайдег свернул за угол влево, перевел дух.

— Кам?

— Мы здесь. Вот камни.

Хайдег, не покидая защищенной зоны, отошел от обрыва. Над краем возникли две головы. Хайдег размахнулся и бросил вверх мост. Камбетэ попытался поймать, промахнулся,

отскочил. Трубка упала на край; Гуммо наступил на нее ногой, с опаской, словно на полуживую змею, подхватил, обернулся назад. Донесся глухой щелчок. Гуммо бросил устройство с обрыва; трубка, выпуская трос, заскользила вниз. Хайдег просунул руки в темляк и через двадцать секунд был наверху.

— Гуммо, — он поднял стереомат и усмехнулся, оглядев обожженное лицо Гуммо. — Ты все-таки дегенерат. Полный.

— Когда в тебя бьют...

— Хотя тебе-то это можно простить, — Хайдег собрал трос, подцепил мост к своему ранцу. — В некоторой степени — ты даже не двоечник, как Камбетэ. Ты вообще необразованный идиот, по жизни. Ты знаешь, что стереомат нужен не только для того, чтобы в него смотреть? Кам, скажи ему. Ты уже должен знать.

— Сначала цепляешь стекло, — хихикнул Камбетэ, — а только потом давишь пимпу. Неважно где, что вокруг. Ты, Гуммо, на самом деле идиот. Мог бы и сам догадаться.

— Кам, я тебя...

— Отставить, — перебил Хайдег. — В общем, если ты сегодня дойдешь до скал, — он вытянул руку на север, где лес венчала угрюмая каменная полоса, — значит, ты не тот, кем сейчас придуряешься, — он опустил стереомат, огляделся, замер. — Он снова ниже. Быстро!

Хайдег отбежал от расселины и, прорываясь через кустарник, помчался к ближайшему скоплению валунов. Наконец они оставили последний камень и упали под первым деревом. Хайдег посмотрел на восток, затем обернулся на запад, на далекие горы, видневшиеся в перспективе впадины.

— Мы сейчас выше, и какое-то время так будет. Пока бояться нам нечего, у нас явный приоритет. По такому ландшафту даже грамотный сосунок в актив не полезет. Даже если у него под крышку. А он, как вы понимаете, не сосунок.

— Где там аптечка... — Гуммо, не в силах отдышаться, откинулся к дереву. — Кам, дерни там... Горит, сволочь...

— Через три часа мы должны быть там, наверху. Если успеем в приоритет, дальше будет просто пикник.

— Только эту не убивай, — отозвался Камбетэ. — Я буду мстить.

— Мстить?

— Сбежала, сука, — гоготнул Гуммо, промокая ожоги гелем.

— Давай быстрее его убьем, Хайде. Бред какой-то вообще. Детский сад.

— Вот именно, — хмыкнул Хайдег с презрением. — Детский сад.

* * *

— Я думал — нам всю дорогу переться по этим джунглям.

Гуммо остановился. Они были уже высоко. Лес разошелся в сухую саванну, покрытую редкой растительностью; на низких деревьях, стоящих отдельными группами, горели мрачно-бордовые, хмуро-желтые и угрюмо-аспидные цветы-эпифиты — лепестки характерной здесь узко-треугольной формы, прозрачные у основания и густого сочно-бархатного оттенка к концам. Трава была высока, но росла редко, отдельными островками тонких прямых стеблей, между которыми буроватая почва стелилась ровной плоскостью до серо-фиолетовых скал, уже близких.

Скалы отгородили небо бесконечной глухой стеной. Она была очень крутой, почти отвесной; отполированная ветром и временем, плавно стекала в подножье, образуя вдоль основания округлые выступы. Отсюда уже различались группы каких-то кустистых растений

— в карманах-углублениях по подошве. Отдельные гроздья поднимались вверх, на немалую высоту, образуя на матовом фоне стены вертикальные линии; этот узор начинался напротив и испещрял всю северо-западную половину, сливаясь на расстоянии с пасмурным полумраком.

— Не парься, — хихикнул Камбетэ, оглядывая саванну. — Спустимся за перевал, дойдем до реки, переберемся... Будет тебе болото.

— Хайде, вперед? — обернулся Гуммо. — Он далеко. Мы высоко. Еще часа полтора — и мы на месте, — он поднял ствол на скалы, которые угрюмо высились на фоне желтоватого неба.

— Мне это не нравится, — Хайдег втянул носом воздух.

— Что?

— Ты не чувствуешь, Кам?

— Зачем ему чувствовать, когда у него такой хрен?

— Молчать, — Хайдег еще раз вдохнул. — Видишь, какого цвета здесь тучи?

— И воняет? И дышать, кстати, уже...

— И воняет, Кам, и дышать. Надо рвать. В этом году кислота будет раньше. Это бывает, вы просто не знаете.

— А он? — Гуммо обернулся влево, где за лесом расстилалась равнина.

— Он тоже посмотрит и тоже понюхает.

— Вперед?

— Гуммо, стоять.

Хайдег вышел из леса, огляделся. Было тихо; только шелестел ветер и из леса за спиной иногда доносился треск. Хайдег обернулся.

— Гуммо, не прозевай антураж. Здесь фауна слабая, но взамен бывают такие твари... Которые тебе даже не снились. Кам, идешь сзади и не гремишь огромными яйцами. Повторяю, здесь может быть опаснее, чем в лесу. Вперед.

Перебегая между рошицами, они двигались по саванне. Скоро группы деревьев рассыпались в одинокие скрюченные деревца, равномерной сеткой покрывшие равнину до самой подошвы скал. Эпифиты исчезли; трава стала короче, толще и жестче; возникли темно-серые валуны высотой в человеческий рост; камни потрескались, обкололись, крошились в чернеющий гравий, заполнивший коридоры между стенками валунов. Ветер усилился, загудел между камнями; скорченные черные ветки вздрагивали; трава шелестела словно со скрипом.

— Хайде, передохнем... — Гуммо остановился, перевел дух, оперся на ствол. — Где аптечка... Рожа горит...

Хайдег осторожно вдохнул едкий ветер, посмотрел в тучи.

— Первый дождь будет дней через пять. Может быть, раньше. Надо успеть дойти до тех скал у реки. Мы хорошо помним схему? Гуммо, выведи, посмотри — если, конечно, сумеешь... Там есть пещеры. Иначе лучше остаться здесь и ждать, пока он нас не прикончит. Меньше мучений.

Камбетэ вдохнул, закашлялся.

— Осторожней, идиот, — отозвался Гуммо. — Не дыши глубоко.

— У нас там такого не было, — Камбетэ покачал головой.

— Мы сейчас на километр выше, придурок, — Гуммо указал на тучи. — Если Хайде не гонит, то лучше правда ложиться и помирать.

— Мажешь рожу и двигаем дальше, — хмыкнул Хайдег. — Резко и глубоко не дышать.

Если сами не догадались.

— А если бежать?

— От кого, Кам?

— Ну...

— Паника, — гоготнул Гуммо, намазывая лицо гелем.

— Помолчи, урод, — Камбетэ ткнул Гуммо разрядником. — Скажи спасибо — жив остался, рожу намазывает.

— Молчать, — Хайдег ткнул Камбетэ прикладом в спину. — Вперед, и глазеть в оба.

Тучи сгущались. Ветер нес тяжелые клубья, которые, казалось, тяжелели с каждой минутой, стелились все ниже, давили, душили, отбирали последний воздух. Надвинулся полумрак, как будто наступали сумерки. Расстояния искажались; скала впереди растворялась в свинцово-фиолетовой мгле и казалось то далекой, у самого горизонта, то близкой, в пяти минутах ходьбы.

Саванна поднималась все выше, дышать становилось все тяжелее, идти все труднее — осколки валунов под ногами рассыпались в труху, крошащийся гравий сбивал шаг. Чахлые скорченные деревца кончились, трава также сходила на нет. Буроватая почва, теряя растительность, голой отлогой плоскостью стремилась вперед; впереди мрачной стеной вырастал бастион серо-фиолетовых скал — теперь было ясно, что он уже близко, что скоро он преградит дорогу, что пора, наконец, поворачивать и идти вдоль основания на восток.

Было тихо и цепеняще спокойно. Ветер мягко скользил по крошеву камня. Нигде не было видно никакого движения. Наверху под толщей привычно желтых, сиреневатых туч застыли черные точки.

— Стоять! — вдруг приказал Хайдег и замер.

Гуммо и Хайдег остановились и обернулись.

— Что?

— Гуммо, не видишь? — Хайдег уставил на Гуммо панель стереомата. — Не видишь, что ли? Ослеп?

Гуммо нерешительно огляделся.

— Да вижу, заткнись! Желтое, сука, и рядом совсем, сто одиннадцать метров! Как это так?!

— А что должно быть? — растерялся Камбетэ, озираясь почти в панике. — Где?

— Красное, сука! — заорал Гуммо и закашлялся. — Но где оно, сука?! И что?! Просто кружок!

— Не стрелять! — крикнул Хайдег. — Не стрелять!

— Да что за...

Гуммо не договорил. Над ним возникла черная тень. Камбетэ задрал голову и остолбенел. Гуммо завертел головой, выронил карабин и стал подниматься в воздух. Камбетэ закричал, закашлялся, вскинул разрядник.

— Не стрелять! — заорал Хайдег, бросаясь на землю, в каменную труху.

Раздался глухой хлопок. Волна белесо-желтого пламени пронеслась по камням. Ветер снес горячую вонь; снова стало прохладно; вернулась обычная тишина.

— Я же сказал — не стрелять!

Хайдег поднялся. Камбетэ и Гуммо лежали ничком в центре черного круга. Хайдег подошел к Гуммо, ткнул в бок ботинком. Гуммо застонал и зашевелился. Хайдег ткнул

Камбетэ; тот также застонал и зашевелился, поднялся на четвереньки, задрал изгаженное черно-серым лицо.

— Глаза целы?

— Да-а-а... Что это было?.. Хайде...

— Я же сказал — не стрелять, — повторил Хайдег.

— Что это было? — промычал Гуммо, тоже поднимаясь на четвереньки.

— Сейчас будет еще. Быстро на ноги и вперед.

Гуммо встал на колени, вцепился черными пальцами в стереомат. Хайдег вздернул Гуммо и Камбетэ на ноги, толкнул в спину. Они, едва держась на ногах, побежали.

— Я не понимаю, почему тебе так везет, — крикнул Хайдег Гуммо в спину. — Но долго так продолжаться не будет. Поэтому отсоедини систему и отдай стереомат Каму. Хотя бы железо останется.

— Что это было, Хайде?.. Вот! — Гуммо остановился и подскочил. — Опять красное!.. Сука!..

— Где?! — заорал Камбетэ и закашлялся снова.

— Не стрелять!

— Да что за дьявол! — заорал Гуммо и замотал головой, сверкая во все стороны стереоматом. — Что это, сука?! Что за сука такая?!

Хайдег сорвал с кольца нож и метнул в небо. Раздался второй хлопок. Затем последовал резкий шипящий свист; в пяти метрах за спиной Гуммо на россыпь камней шлепнулась непонятная масса. Гуммо подскочил, обернулся, замер. Камбетэ смотрел на черную грудку с открытым ртом. Свист перестал, ком сжался и превратился в тряпку. Хайдег оттолкнул Гуммо, подошел к непонятной массе, наклонился, выдернул нож.

— Вот такого я еще не видел, — хмыкнул Камбетэ, с опаской подходя ближе. — Это еще что за дрянь? — он тронул ботинком членистую конечность, покрытую густыми ворсинками.

— Водородный паук, — сказал Хайдег, пряча нож. — Быстрее, они на охоте по несколько. Должны быть другие... Нам еще повезло, этот еще сопляк. Обычно они метра по три.

— У меня опять желтое, сука, мигает, — пробормотал Гуммо, пиная ворсистую оболочку.

— У меня тоже. Вперед.

— Смотри, сколько у него глаз!

— Кам, арахнолог, хочешь остаться — сдавай разрядник.

Камбетэ, не в силах оторваться, глазел на сморщенную оболочку и раскинутые конечности.

— Но почему меня? — Гуммо чуть не плакал. — Почему не тебя, идиот?

— Гуммо, если без твоих глупых шуток, — усмехнулся Хайдег, — потому что стереомат. Это не первый случай, когда они нападают на человека. Вообще они, как обычные пауки, питаются насекомыми. Большинство насекомых здесь — тоже мигранты. И все, как видишь, уже отвалили. Общий фон сейчас сильно снижен, и эти твари бросаются на все подряд.

— Не первый?

— На верховых рудниках это обычное дело. У охраны стереоматы, у нас маяки. Внизу этой сволочи нет. Поэтому никто не знает.

— Не понимаю, — Камбетэ, наконец, отвернулся от паука, догнал Хайдега. — При чем здесь стереомат?

— При том, что твари, которых они жрут, когда ползают, трутся об камни и создают какой-то заряд.

— Ну, а причем здесь стереомат? — разозлился Камбетэ.

— Камбетэ, ты тоже дегенерат.

— Сволочь! — завопил вдруг Гуммо, бросаясь на землю.

Хайдег и Гуммо распластались в грязно-сером каменном крошеве. Белая молния прожгла почву в десяти метрах. Обугленный камень разлетелся горячим фонтаном. Все стихло.

— Я не понял — откуда? — промычал Гуммо в камень. — Мы же ушли?

— Гуммо, пошевели там... Что у тебя вместо мозгов. После такой пачки... Нас теперь засечет любой крот, за два внешних радиуса.

— И что делать?

— Ползти, Кам. Задницу только не выставляй. Как вы мне на...

Хайдег вскочил на колени, на мгновение замер, обернулся на юго-запад, вскинул ствол. Излучатель вспыхнул красной звездой, горячей и яркой в наступающих сумерках. Хайдег ударил еще раз, обернулся и помчался к скалам, которые были совсем уже близко.

Гуммо вскочил и ринулся вслед. Новый разряд обжег землю между ним и Хайдегом. Гуммо шарахнулся в сторону, слетел с ног, воткнулся в камни, вскочил, закричал, в панике, ничего не соображая, побежал, спотыкаясь о камни и взметая тучи осколков.

Хайдег добежал до пары первых камней, россыпь которых протянулась вдоль подножия скальной стены, рухнул на землю. Гуммо, расставив руки словно слепой, кинулся вслед, упал рядом, влип ранцем в камень, закашлялся.

— Кам! — позвал Хайдег, отдышавшись и откашлявшись. — Кам!

— Я здесь, — донесся вопль. — Уроды! Бросили... Ур-роды!

— Советую доползти, все-таки.

— Хайде, — прохрипел Гуммо. — В аптечке... Есть что-нибудь?.. — он сплюнул кровавый комок.

— Куда мне, на хрен, ползти? Советник!.. Вы где?

— Сука, рожа еще горит...

— Вы где, твари?! Кретины!..

Тишину вспорол треск разряда и вопль. Донесся дробот шагов. Камбетэ влетел между камнями, упал, растянулся в серой трухе.

— Уроды!.. — промычал он в землю. — Уроды...

Гуммо отодрал клапан, выдернул аптечку, закашлялся, обрызгав кровью колени.

— Дышать не могу, — прохрипел он. — Горит все внутри, с-сука... Почему здесь нет ничего? — он ткнул локтем в бок ранца.

— Комплект низинный, дурак, — отозвался Хайдег спокойно. — Не нравится — иди на тринадцатый и режь охрану там. Два километра, почти под небом, — все есть.

— Или хотя бы про «морду» не забывай, — хихикнул Камбетэ.

— Хайдег сказал снять — я снял! — расвирепел Гуммо.

— Поэтому сейчас жив, — кивнул Хайдег спокойно. — Кам, кстати, уже должен знать почему... Дополнительный фактор шума — комплект лучше детектится. Во-вторых, нейтрализатор — серьезный расход элемента. Так или так, надо терпеть до последнего. Но я

тогда же сказал — когда оппонент вываливается из зоны, если совсем тяжело, то надеть. Ты надел? Не надел. Так что, Гуммо, смазывай рожу и заткнись.

— Надо же, — хихикнул Камбетэ, — так обоссаться, что про «морду» забыть, хи-хи-хи.

— Заткнись, мудозвон... Мы долго так не протянем, — Гуммо дрожащими пальцами копался в аптечке. — Что за дрянь здесь какая-то...

— Антидот в желтом флаконе. Здесь все как у всех, Гуммо. Желтое — кислота.

— Знаю, заткнись сам...

— Ну, и что теперь? — Камбетэ поднялся и привалился рядом. — Мы на месте, и мы его сделали.

Хайдег встал, вышел за камни, долго стоял, не отвечая.

— Да, все по плану, — наконец обернулся он. — Гуммо, жив? Отлично. Нам нужна вот эта дыра, — Хайдег указал стволом на расселину, расколовшую каменную стену на полвысоты. — И им нужна вот эта дыра. Но мы уже здесь. А он, — Хайдег обернулся назад, на усыпанную крошеным камнем плоскость, — только подходит к зоне.

— И что? Он ползет на кол? Он что, такой дурак?

— Да нет, Гуммо. Просто ты немного не догоняешь. Просто если бы от тебя, со всей твоей оптикой и стволом... Мог быть хоть какой-то толк. А так шансы равны. А кислота, — Хайдег осторожно втянул жгучий воздух, — на носу.

* * *

— Так здорово, что лес этот ужасный закончился.

— Не радуйся, — усмехнулся Кламмат. — Будет хуже.

— И куда еще хуже?

Леро сидела на сухом буром камне, жевала маленькими кусочками шоколад, разглядывала угрюмую перспективу плато.

— Я еле дошла. Я думала, у меня вообще ноги отрезутся. Если бы не твои таблетки и эти баночки.

Кламмат втянул носом воздух.

— Смотри, — он указал в небо. Просветы между тучами мерцали фиолетово-желтым. — И вдохни глубже. Осторожно.

Леро глубоко вдохнула.

— Ну да... Жжет... — она кашлянула, оглядела небо, желтый снег далеких западных гор, серую полосу близких скал. — Ну да... Выше будет, наверное, хуже. Тучи ближе.

— Плохо другое, — сказал Кламмат через минуту. Он отстегнул карабин, скинул ранец, присел, достал брикет пайка, отломил порцию. — На такой высоте этого быть еще не должно. Во всяком случае, пока еще рано.

— А это значит?

— Что кислота в этом году придет раньше.

— То есть, мы не успеем до тех пещер?

— Я почти в этом уверен.

— Да еще этот...

— Да еще этот, — Кламмат поднял стереомат, щелкнул клапаном на груди, достал салфетку, протер глаза.

— Ну дай посмотреть, наконец! — Леро дожевала шоколад, протянула руку к шлему. — Ну пока привал, десять минут. Мы же тут спрятались.

Кламмат сцепил стереомат со шлема. Леро приложила полированную панель к глазам, замерла в восторге.

— Вот это да... Вот это да! А удобный какой! Он что, сам под меня подстроился? А как он держится — сам?! И как ты во всем этом разбираешься?!

— Там все очень просто. Если бы там было сложно, я бы не разобрался, — Кламмат усмехнулся. — По-моему, ясно.

— Вот эти два желтых квадратика — это они, да? А что за крестики рядом? С квадратиками?

— Крестики — это плохо. Они не зоне — не в активной зоне, — но у них, по доступной схеме, приоритет антуража.

— Приоритет антуража?

— В ландшафтном бою побеждает не тот, кто лучше стреляет или быстрее бежит. Побеждает тот, кто умнее. Кто реально умнее использует местность, геомагнитное состояние и так далее. И у кого крепче нервы. А стреляет, — Кламмат усмехнулся еще раз, — оно само. Можешь ничего специально не нажимать. Только выбирай режим ведения боя — их миллион, и можешь придумать свой.

— Ну, а почему тогда плохо? С крестиками? — Леро уставилась на Кламмата

полировкой.

— Вот смотри, — Кламнат поднялся, подошел к соседнему камню, обошел бурый треснувший бок, скрылся. — Ты меня не видишь.

— Как ты догадался? — засмеялась Леро.

— А сейчас, — Кламнат выглянул из-за камня, — видишь.

— Как бы да, — засмеялась Леро.

— Ты наблюдала этот участок, — Кламнат обвел вокруг головы круг, — уже до того, как я здесь появился. У тебя был приоритет антуража. Я сейчас близко, в активной зоне. При контакте я могу только нейтрализовать твой разряд. Энергии на нейтрализацию тратится больше, чем на атаку. На конкретную величину потери влияет много факторов, но разница всегда существенна. В общем, если я выпадаю в зону твоего приоритета, то счет по энергии — в твою пользу.

— И так до тех пор, пока у кого-нибудь закончится аккумулятор? А защита? — Леро сдвинула стереомат на лоб, хлопнула ресницами. — Ты говорил — есть еще внешний радиус, там какой-то?

— Сработает при хорошей комбинации удаления и тэ-гэ-эс. Текущей геомагнитной составляющей.

— Поняла, — кивнула Леро, сверкнув полировкой. — Поэтому ты все время кряхтел, что нужно выше и выше.

— Верно, — Кламнат вернулся, прислонился, расслабляясь, спиной к валуну. — Важно, чтобы к активной приоритет был у нас. То есть когда они подходят к этому участку из неактивной зоны, а ты его уже наблюдаешь, — Кламнат указал на камень. — Тогда в самом начале контакта ты получаешь плюс по энергии. Что очень часто решает исход контакта. Начинать бой суясь в приоритет можно только если у тебя есть некий тактический козырь. Который потом ты можешь вытащить из рукава. Вроде как жертва в шахматах. Например, если ты вычислил, что оппоненту неизвестны некоторые элементы ландшафта. Или если вы в группе только что поменялись комплектами, и у оппонента еще не было времени, чтобы пересчитать твой новый а-пэ-о — алгоритм поведения оппонента. Или если ты знаешь наверняка, что у тебя подавляющее преимущество по энергии.

— Но ведь у тебя есть скан местности, ты говорил! Сверху?

— Разумеется. Но почему ты думаешь, что у него ничего нет? Дорогу до базы он знает также. А схема у него вообще локальная.

— Это как?

— Снятая не с орбиты, а с высоты не более пяти тысяч метров, или даже по точкам поверхности. Схемы высокого класса точности требуют верификацию по поверхности.

— А откуда у него такая? Он что, тут уже был? И кстати, как они вообще-то удрали? Да еще охрану ограбили! Ведь ты говоришь — у них три комплекта. Хотя точки две?

— Да. Третий они потеряли.

— Так это же ловко!

— Во-первых, у них по-прежнему два. А у меня один. Во-вторых, Леро, повторяю, комплект комплектом, но нужна голова. А у них там голова только одна.

— У остальных головки, — усмехнулась Леро невесело.

— Поэтому что три, что один... Драка у меня будет только одна — с ним.

— У нас.

— У нас, — Кламнат чуть улыбнулся. — А как им удалось бежать — понятно не до

конца. Известно только одно, — он закрыл глаза, откинул голову на камень. — В охране на руднике был кто-то, с кем Хайдег шакалил, когда ушел с Флота.

— Шакалил? — Леро округлила глаза.

— Про шакалов вся Галактика знает, ты что, не слышала? — Кламмат повернул голову.

— Значит, не вся! Что за шакалы такие?

— В трех словах. Борт входит в Зону, начинает прогресс... Разгоняется, входит в фазу.

— Переходит?

— Переходит.

— И не выходит?

— Выходит. Только выходит не там, где должен. Выходит в какой-нибудь определенной Зоне, как правило нерабочей. Их гораздо больше рабочих, если не знаешь. Выходит так, что в обратном прогрессе липнет к какой-нибудь точке. То есть, попадает в зону притяжения и вынужден маневрировать. Тут его хватают и либо угоняют, либо вскрывают. Либо, это пять процентов случаев, борт на эту точку падает. Тогда вообще легче. Ковыряешь банки.. Контейнеры с протосырьем — и валишь куда тебе надо.

— Вот тебе раз! А как же получается, что борт выходит в неправильной Зоне? Там ведь все не так просто?

— Конечно. Есть такие специалисты... Кроты — великое зло современной Галактики. Это диспетчеры. Они пускают в борт червяка — навигационный пакет с замаскированными параметрами. Борт фиксирует левый диапазон и выходит там, где его ждут шакалы.

— А как же их не ловят?

— Леро, я не могу тебе сейчас объяснить принципы навигации... Но подумай сама — если это зло Галактики, это несложно.

— Ну да... — вздохнула Леро. — Опять я дура, получается. Ну, и что, с этим нашим? — она, заинтригованная, схватила Кламмата за локоть. — С охраной?

— А что с этим нашим? Наш друг сговорился с этим человеком, из охраны. Найти правильного крота, не подставного, вообще-то проблема, а у Хайдега их было несколько.

— Не подставного? Шакалов что, по-другому поймать нельзя?

— Леро, ты представляешь, сколько в Галактике Зон? Только легальных, задокументированных? Ты вообще представляешь, что такое Поле? Я уверен, что в Разведке уже давно...

— В Разведке? — Леро крепче вцепилась в локоть. — Это где открывают новые Зоны?

— Да, только надо говорить «копают» новые Зоны. Я, кстати, уверен, они давно уже знают, как выйти из нашей Галактики... И, сто процентов, уже выходят. Так вот ты представляешь, сколько всего в Галактике Зон? В Разведке знают все до одной, это понятно, но наблюдать шакалов по каждой...

— А они что, в Разведке, — Леро вскочила, — не всё рассказывают?!

— Леро, ты глупая девчонка! — Кламмат рассердился и тоже вскочил. — Разведка — жупел, которым пугают всю Галактику, а почему, как ты думаешь? В чем их сила и независимость? Они копают зоны, а на-гора выдают только процентов тридцать.

— Но ведь это и так вся Галактика? — Леро перевела дух, уселась.

— Это и так вся Галактика.

— Ну, а что наш-то?

— А то. Кончилось тем, что Хайдег убил и этого, из охраны, и еще двух, которых пришлось привлечь. Снял все данные — схему, коды, прибытия — и свалил. Причем сделал

так, чтобы с ним бежало еще двадцать человек — ты понимаешь зачем.

— Ну да, толпа, суета, давка. Эти туда, эти сюда. А они сюда. У него карта, он быстро на базу. А что это за база такая?

— Контрольно-дежурная. У вас в горах тайга есть?

— Есть! — Леро вскочила. — Я сама живу у тайги! На озере! Эх, если б ты видел...

— Ну, это как бы избышка в тайге, для охотников. Поужинать, переночевать, позавтракать. Здесь сотами, каждые шестьсот километров. Из расчета двадцать два километра в сутки. Паек в стандарт-комплекте рассчитан тоже на две недели... На этом материке таких баз двадцать одна. На каждой — атмосферный шлюп, большой аварийный комплект, диапазон, все что надо.

— Атмосферный?

— Да. Но на нем можно выйти и на орбиту.

— А, так это станция, про которую Сагео говорил! Так бы и говорил — станция. А то — какая-то «база» дурацкая... А они? Поубивали кучу народа — и здесь, — Леро посмотрела на скалы в вечеряющем небе, присела. — Получается, что он убил-то своих? Своего?

— Получается. И это не в первый раз.

— Он вообще... — Леро надвинула стереомат на глаза. — Даже не знаю... Какие бывают люди...

— Люди бывают еще не такие. А зачем — подумай.

— Ой! — Леро вскочила, уставилась стереоматом в небо над скалами. — Новый кружочек, желтый! Мигает!

Кламнат вскочил рядом. Леро осторожно сцепила стереомат, протянула обратно.

— А что это? — Леро смотрела в угрюмые тучи. — Я, кажется, и так вижу! Клам, — она снова вцепилась в локоть, — оно летит к нам! Это тот паук твой, что ли, проснулся?

Кламнат принял стереомат, вернул на шлем, нагнулся, отцепил от ранца пистолет с толстой трубкой-стволом.

— Из пистолетов, я думаю, ты стрелять умеешь, хотя бы игрушечных.

— В тире стреляла сто раз. И попадала. У меня даже призы есть. Дурацкие такие, но все равно приятно... А что это?

— Ручной арбалет. Часто бывает когда карабин трогать либо нельзя, либо бесполезно.

— А почему это нельзя бить карабином? — возмутилась Леро. — Что за...

— Леро, — Кламнат положил руку ей на плечо, указал арбалетом в небо, в три черные точки, которые парили на небольшой высоте метрах в четырехстах по курсу. — Я тебе говорил, что эта гадость называется «водородный паук».

— А почему водородный?!

— Необязательно собственно водородный. Газовый состав зависит, конечно, от местности, времени года и так далее. Первый описанный экземпляр имел почти чисто водородный состав, поэтому их так называют. В любом случае, летают они превосходно... В секунду меняют рабочий объем, падают камнем, возникают из ниоткуда, — Кламнат сунул арбалет Леро в руку.

— Да, кстати! — воскликнула Леро. — Я и правда — не видела ни одной птицы!

— На этой точке из хордовых только акантоды, плакодермы, земноводные и пресмыкающиеся. Птиц нет. Летают только три вида ящеров. И такие вот газовые твари из членистоногих. Причем ящеров, говорю, известно только три вида, а тварей описали уже двадцать два. И то, что они летают здесь и сейчас — очень плохо. Слишком рано!

— Это значит?

— Это значит, что мигранты в массе уже пошли. Я тебе не говорил, просто подозревал, но в лесу, ты сама видела, пусто.

— Да, только какие-то далекие звуки, и все. А эти, — Леро махнула арбалетом, — как раз и охотятся!

— В период миграции — да. Вообще они живут достаточно высоко, — Кламмат указал на далекий снег сумрачных гор. — На высоте у них оптимальные условия для размножения. Питаются два раза в год, до и после кислот. В этом году мигранты ушли необычно рано, паукам нечего есть. Атакуют все подряд, на стереомат реагируют особенно чутко.

— Они что, и людей?..

— А люди что — не белок? Только более здесь случайный. Основная пища у них — всякие многоногие и ползучие твари, из своих же, членистоногих. Когда эти твари ползают, они излучают в определенном диапазоне. Электростатическая индукция, от пород, из которых здесь сложена поверхность.

— А вот я и поняла, что ты даже хотел снять свою штуку, — Леро указала пальцем на стереомат. — Но без нее нереально.

— Без нее мы погибнем, в три минуты. Поэтому, Леро, постоянно смотришь наверх. Включи все чутье, всю интуицию, все что есть. Повторяю — падают камнем, иногда с очень большой высоты. Поднимутся выше, — он посмотрел на черные точки вдаль, — без оптики не увидишь. Наши друзья сели на этом проходе — значит, до зоны тысяча сто. Вперед.

* * *

— Дышать осторожно. Терпи. Я тоже терплю — нейтрализатор включать опасно. Эти твари на него тоже клюют. Затем, большой расход элемента, лучше терпеть до последнего. Затем, если начнется стрельба — а она начнется, — он будет мешать.

— Вот тебе раз, — Леро неосторожно вдохнула и закашлялась. — А зачем он тогда нужен такой? Лучше уж какую-нибудь маску просто.

— Ты представляешь, сколько в Галактике точек. На каждой точке свои проблемы. Нейтрализатор один, работает по обратному принципу. Ему наплевать на состав примесей. Он просто впускает что надо. Активируешь — и вперед. Только за все надо платить. И не всегда адекватно.

— Как сейчас.

— Как сейчас. Леро, подходим к зоне. Дальше трех метров не отходить, — Кламмат замер у очередного камня, всмотрелся в темнеющую перспективу. — Ты должна быть внутри радиуса внутреннего предела. Как бы барьера защиты, потом объясню... Вообще нам пока сильно везет, с рельефом в частности. За мной, в спину.

Они побежали вперед. Почва здесь была сухой и упругой, передвигаться было легко, но измученные ноги, несмотря ни на что, горели по-прежнему, каждый шаг отдавался болью во всем измученном теле. Леро перебежала за Кламматом, стиснув зубы, и в ужасе думала, что будет дальше, когда они перейдут через кряж и там снова спустятся в лес — ведь там тоже он будет. Она сбросила истерзанные босоножки, чтобы ремешки не терли ступню, и бежала теперь босиком, кусая губу, когда в подошву впивался мелкий крошенный камень, отколовшийся от валунов и рассыпавшийся вокруг.

— Стоять, — Кламмат обернулся, посмотрел на босые ноги. — Леро, терпеть. Ничем помочь не могу. Аптека на крайний случай.

— Я знаю... Но мы их все равно уьем.

— Видишь? — Кламнат указал вперед.

— Какой-то овраг?

— Да. Вниз и влево, — Кламнат указал направление. — Смотри, он опускается с стены.

— Вижу. Слушай, а что это такое, буровато-сиреневое? Смотри, его сколько!

— Мох. Нам туда. Выше метров на восемнадцать. Нам везет — мне не везло так давно.

— Потому что мы вместе!.. А то я смотрю, ты все время туда поглядываешь.

— Разумеется. Только просто так, — Кламнат оглядел участок плато под основанием кряжа, — туда не пройти. Он выбирает позицию очень грамотно. Границу активной зоны держит в приоритете по максимуму — насколько вообще позволяет ландшафт. Но ландшафт позволяет в общем. Всегда найдется локальный объект, который можно использовать как укрытие.

— Ну что стоим тогда?

Леро, с босоножками в одной руке, с арбалетом в другой, переступила, простонала, поморщилась, побежала. Они домчались до сыпучего края. Внизу сонно булькал поток, матово-черный в наступающих сумерках, в зарослях длиннолистных кустов, таких же черных и мрачных, как воды внизу под ними. Кусты расплылись по камню как корявые кляксы; на ветках у основания листьев пучились лохматые буро-зеленые шарики паразитов, как огромные жирные бородавки на иссохших черных скелетах каких-то невообразимых тварей.

— Фу, как воняет! — Леро снова поморщилась. — Как мне это все надоело! Я домой хочу.

— Домой еще нескоро, — Кламнат достал мост, обернулся к ближайшему камню, вогнал спицу фиксатора, вручил трубку Леро. — Вниз. И от воды подальше.

— Я поняла... От кустов этих жутких тоже... И вообще не дышать. А лучше умереть, и дело с концом.

Леро спустилась. Трубка выползла по тросу вверх; Кламнат спустился следом, собрал мост, замер.

— Все. Мы внутри. Держаться прикрытий. Шаг в сторону — получаем разряд. Комплект у него обычный патрульный, если бы нам нужно было только перейти через горы, я бы экономить не стал. Загнал бы его только за счет зарядного преимущества. Только за горами — неделя дороги, по такому ландшафту. Но здесь дело еще в другом. Крайне желательно максимально долго не обнаруживаться — где именно ты вошел в активную зону. Чем глубже в активной зоне контакт — тем больше потеря энергии при защите. Поэтому если ты проникаешь как следует глубоко и ловишь оппонента в приоритет — контакт может быть выигран.

— А если он тебя ловит, в приоритет?

— Это обратная сторона медали. Хорошо помогает, когда терять уже нечего.

— И что? — Леро испуганно замерла.

— Неверный ход — и нас нет. Вперед.

Они, пробираясь вдоль сыпучей стены и держась подальше от зловонного ручейка и колючих кустов с жуткими бородавками, двинулись влево. Овраг поднимался к подножию скал; вода булькала на порогах, швыряя черные брызги. Овраг сужался, идти становилось труднее. Черные скелеты-кусты сменились жесткой сетью стеблей, которые заполнили ложе ручья и выстлали путь проволочным ковром. Кламнат шел впереди, раздвигая ботинками тугие мотки, и Леро неуклюже прыгала вслед, стараясь успеть поставить ногу на чистое

место, пока его снова не поедали холодные жесткие стебли.

— Ай! — вскрикнула Леро, прыгнув и поскользнувшись на влажной почве. — Какой ужас! — она подула на локоть. — Никогда еще в кислоте не купалась... Ну да, вместо озер как раз...

Она посмотрела наверх. Черные ветви-кости снова растопырили свои острые листья-фаланги над кромкой обрыва. Овраг почти кончился, но выйти из него, не намочившись в ручье и не исколовшись в кустарнике, было нельзя — стены смыкались, образуя узкий клиновидный разрез. Наверху, уже совсем близко, возвышались фиолетово-серые скалы с пятнами буро-сиреневых гроздьев мха. Камень стены тускло мерцал стеклянными нитями вкраплений породы — матово-полупрозрачные жилы-натеки, мягко-гладкие на грубой фактуре камня.

Кламмат снова остановился, изучая показания стереомата. Затем поднял голову и осмотрел крутые откосы.

— Стой здесь и жди.

Он прошел вперед, поднялся к выходу из оврага, погрузившись в кустарник по грудь, и исчез. Леро осталась одна и ей стало жутко. Было тихо. Ветер, где-то вверху, гудел тоскливо и глухо; порывами задевало черные скелеты кустов, и они зловеще шелестели над головой. Поток сонно булькал по камням; цепенящее эхо бесконечно перепрыгивало со стены на стену. Густая тухлая вонь лепила глаза, резь становилась невыносимой. Леро, которая последние десять минут сдерживала дыхание и уже начала задыхаться, неосторожно вдохнула глубже и надолго закашлялась.

— Мамочка... — прошептала она, отняв от лица окровавленные ладони. — Вот я и умираю, похоже...

Наконец появился Кламмат.

— Леро!

Она подняла голову в тяжелое небо — над краем оврага возник черный шлем.

— Держи.

Глухо позвякивая о камень, вниз поползла спасительная трубка моста. Леро вцепилась в темляк и через минуту была наверху.

— Дай отдышаться... — она закашлялась в окровавленные ладони. — Какой-то кошмар... Здесь все равно не так...

— Мы это сделали. Выше на восемнадцать метров.

— А где он?

Леро оглядела отлогий склон, уходящий от подножия скал. Лес на горизонте сливался с чернеющим небом. Плоскость рассыпанных валунов стелилась пестреющей лентой к востоку. Скалы впереди над головой теснили гнетущее небо назад; под ними было просторно, спокойно и тихо. Пятна мха протянулись по скальной стене буро-сиреневой дырявой лентой — от горизонта до горизонта. Мох казался пушистым и мягким, хотя гроздь как будто жестко скреблись о камень, когда их колыхал ветер. В скалах виднелись небольшие пещерки, из которых свисали на корявых стеблях цветы с матово-прозрачными лепестками. Ветер трогал цветки; листья переливались как перламутровые.

— Семьдесят два градуса, — Кламмат указал рукой влево.

— Он знает? Что мы его обманули?

— Разумеется. Он отошел, они оба — иначе мы их уже бы достали. Можешь идти спокойно. Приоритет наш. Пока, — Кламмат собрал мост, отвернулся к нависшим скалам.

— И что теперь? Давай быстрее к той дыре?

— Она дальше, и он сейчас отходит туда. Нам остается только забраться как можно выше и вдоль, — Кламнат указал стволом на подножие скал и повел вправо.

— Ну, и что будет? — Леро догнала Кламмата и пошла рядом, стараясь не дышать глубоко и почти падая от головокружения. — Клам, подожди... — она остановилась, выронила босоножки и арбалет, схватилась руками за голову. — Все. Сейчас упаду.

Она рухнула на колени. Кламнат поднял ее за плечо.

— Отдохнем с той стороны.

Леро подняла арбалет, босоножки, пошла дальше, едва переставляя горящие ноги. Наконец огромная масса камня отгородила небо — они дошли до скалы, выроставшей из скопления крошечных валунов отвесной стеной. Леро упала в россыпь камней, прислонилась к холодной колючей спине обломка, закрыла глаза. Кламнат отошел на пару шагов и снова застыл, изучая данные, в сером сумраке как черная статуя, у которой вращается голова. Затем он прошел дальше к скале, исчез, растворившись на серо-фиолетовом фоне камня, через минуту материализовался снова.

— Вперед.

Он протянул руку. Леро разлепила глаза, вцепилась в руку, поднялась, побрела.

— Осторожно.

Они пошли вдоль стены — слева серая стылость камня, справа — холод и мрак каменного плато. Ветер усилился; багровые точки кустов, уже едва различимые в наступающем мраке ночи, ходили мелкими волнами; острые зубья скал наверху гудели. Через пару минут они дошли до буро-сиреневых зарослей мха, который странным образом не растворялся в густеющих сумерках и выделялся на камне ярким пятном. Леро остановилась, оглядела мшистый ковер, полюбовалась искрами перламутра прозрачных цветков на корявых стеблях-подвесках.

— Такой пушистый! А почему так трещит, когда трется?.. — она потянулась к камню.

— Не трогай! — Кламнат схватил Леро за локоть и рванул от стены. — Потому что пропитан кислотой, как большинство местных растений. Кислота кипит на камнях и трещит. Леро, ты глупая девчонка! Подумать, немного? Ты не дома! Ты на кислотной точке.

— Он такой лапочка... — растерялась Леро.

— Леро, ты глупая девчонка, повторяю тебе! Тебе сколько лет? У вас в Ноль-восемь-четыре дети вообще взрослеют? Лапочка.

— Я не подумала что-то... Устала ужасно, голова вообще на кусочки. Он ее что, из воздуха? Он же на камне...

— Разумеется, — Кламнат воткнул ствол в небо. — Облачность сто пятьдесят метров — выше здесь не бывает. Набирает долго и медленно, но набрал — мало не покажется.

Они пошли дальше.

— Ну, и что там? Где он там?.. Долго еще?..

— Леро, стоять, — Кламнат замер. — Арбалет.

— Я ничего не вижу! — Леро подпрыгнула. — Где? У тебя есть фонарь? Обычный?

— Какой фонарь?

— Ну как! — Леро разозлилась. — В комплекте! Что, нет фонаря? Обычного?

— А, вон что, — ответил Кламнат не сразу. — Леро, какой фонарь? — он усмехнулся. — Зачем мне фонарь?

— Дурацкий у тебя комплект! Столько всякой ерунды, а дышать невозможно. И сослепу

сдохнешь!

— Три штуки, — Кламмат отвернулся во мрак и замер, вглядываясь. — Сто пятьдесят метров. Опасно.

— Убей их сам, если тебе фонарь не нужен! — Леро протянула ему арбалет.

— Леро, я не могу сидеть и ждать пауков.

— Мы.

— Мы... Не можем сидеть и ждать пауков. Они могут висеть так до завтра.

— А давай здесь останемся! До завтра!

Кламмат обернулся.

— Почему нет? Дыра за ночь никуда не денется. Мы в зоне, у нас приоритет. Если я правильно понимаю... Если он первый сунется, он труп.

— Ну?

— А пауков будет видно. Хотя бы. И передохнём. Хотя бы. Я падаю. Я вся в клочья. Дышать нельзя. А ночью облаков нет! Мне больно ужасно. Я сейчас упаду и буду реветь.

Леро упала на колени. Арбалет выпал из рук, звякнул. Кламмат подошел, присел, достал из-под клапана салфетку, вытер у Леро с губ кровь.

— Дышать здесь нельзя без разницы — есть облака или нет. Поэтому надо идти. За ночь нам надо спуститься метров хотя бы на триста. Я тоже почти на пределе.

— Ну нейтрализатор включи! У тебя есть ведь!

— Леро, я тебе говорил. Пока хоть как-то дышу, не буду. Сейчас тем более. Он создает шум. Технологический артефакт, от которого не избавиться. Как трассы разряда от карабина. В оптику видно еще пару секунд — такие лохматые спицы... Мой личный опыт — либо без него, либо полный гермокомплект. Если без него невозможно — значит, в откат.

— В бою?

— Он у расселины. Ты видела, где она начинается?

— Да. Из еще оврага какого-то.

— По-другому в нее не попасть. Теперь смотри диспозицию. Сейчас приоритет наш.

— Да я поняла. Сейчас наш. Но он может туда уйти.

— Они уже там. Мы будем идти вдоль скалы до последнего, но потом нам придется спускаться. А у входа приоритет будет у них. Потому что они уже там.

— И что же нам делать?

— Использовать местность и нервы. Прогноз, — Кламмат тронул панель стереомата, — равный.

— Это у тебя там?

— Это у меня там. За час нам надо или их убить, или перейти через скалы. Если мы останемся здесь до утра, капсулы могут оказаться без дела.

Он вытер у Леро с губ кровь.

* * *

Сумерки быстро превратились в непроглядную ночь — темнота как будто упала с неба. Только что рядом стелилась стена, с разводами пушистого мха — будто наляпаны огромные кляксы сиренево-бурых чернил, — с мутно-хрустальными чашечками цветков — будто специально рассажены по маленьким пещерам-горшкам, — и вот ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Кламмат шел впереди, в трех шагах, и его было только слышно. Хруст камней под подошвами стих. Леро наткнулась на ранец. На плечо мягко легла рука.

— Еще раз, главное — тебе не выпасть за радиус.

— Как я за него выпаду, если я его не вижу? — Леро хмыкнула. — И какой еще радиус, кстати?

— Три метра, радиус внутреннего предела, — Кламнат взял ее за правую руку. — Я уже говорил. Обулась?

— Забери железку свою дурацкую, — Леро сунула в темноту арбалет. — Мне уже надоело с ней таскаться! Зачем она мне сейчас? Завтра и дашь. Там ведь они тоже будут? С той стороны?

— Сейчас выйдут звезды и все будет видно.

— Что все будет видно?

Кламнат, не отвечая, повел Леро во мрак. Тучи не расходились; темнота была полная, Кламната не было видно вообще, хотя он шел рядом и Леро слышала каждый камешек под подошвой, каждый стук кольца карабина, каждый сдержанный вздох Кламната. Пока они шли небыстро, дышать было почти не больно, но вот Кламнат ускорил шаг, и Леро, поспевая за ним, начала задыхаться. Нос, рот, горло, легкие, грудь — до сих пор жжение можно было терпеть, но вот оно превратилось в огонь, который обжигал все сильнее, с каждым резким движением. Больнее всего было кашлять; Леро терпела, терпела, терпела, наконец закашлялась, бросила осточертевшую трубу арбалета, повалилась на землю, сплюнула сгусток слизи и крови.

— Ты хотела здесь ночевать.

— Сам дурак... — Леро поднялась, шатаясь, пошла.

Кламнат прошел дальше — камни хрустнули под ногами, — остановился — стихли.

— Все, — раздался голос из ничего.

— Что?

— Дальше вперед не пройти.

— Я ничего не вижу! — Леро топнула от бессилия. — Ай... Дура... Ноги...

— Я вижу. Направо вниз. Ноги выше, плашмя — здесь острые камни.

— Мне все равно. У меня и так от ног ничего не осталось. Так больно, что уже не болит ничего.

Они свернули на юго-восток и двинулись по слою каменных крошек. Дорогу преградил завал; битые глыбы с острыми обломанными краями — результат недавнего камнепада — рассыпались бесчисленными осколками, идти по которым было трудней и намного больней. Сухой хруст катился во тьму; в скалах над головой тоскливо гудел ветер; было холодно, было ничего не видно, было тоскливо, жутко и страшно.

Леро шла, переставляя ноги — они не ощущались давно, — как робот. Прошло какое-то непонятное время, и Леро сквозь звон в голове и туман в глазах начала различать очертания валунов, среди которых Кламнат выбирал путь. Она посмотрела вверх — плотная пелена туч начала расходиться. В неясной глубине неба появились россыпи звезд среди цветастых облаков туманностей. Звезд становилось больше и больше, Леро стала оглядываться и вскоре, наконец, всю каменную долину можно было разглядеть почти до самого горизонта. Слева черную стену скалы венчала серебряная бахрома — звезды отсвечивали на полотне стеклянных вкраплений, рисуя искрящимися штрихами ажурный узор.

— Ой, как красиво! — прошептала Леро, оглядываясь на россыпь серебристых зайчиков по плато. — Какое все как будто пушистое! Прохладное и пушистое!

— Будь начеку. Две твари нас стерегут, — Кламнат выпустил Леро. — Вперед за камень.

— За какой? И какие именно твари?

Кламнат снова схватил Леро, дернул в прозрачную темноту. Через десять секунд Леро привалилась к камню. Кламнат замер на несколько долгих секунд, выдернул Леро в прогал между высокими валунами. Они добежали до середины, когда излучатель вспыхнул горячим рубином. Разряд ушел в непонятную даль. Вдалеке зажглось неясное пламя. Леро подпрыгнула.

— Один-ноль, — сказал Кламнат.

— Убил?!

— Леро, чтобы его убить, надо истощить у него защиту и чтобы он не успел возобновить заряд. Это его барьер — рассеял мой импульс.

— А это он?

— Нет. Второй.

— Тот, с карабином... Который застрелил Корде.

— Вперед.

— Она, в общем, нормальная девочка... Они мне, знаешь, просто знакомые... Никто, конечно, почти... Но у меня больше вообще никого... Она мне нравилась, если честно... Она хорошая, вообще-то... Была...

— Леро, — Кламнат дернул Леро во мрак. — Вперед.

— Правда, резкая иногда... И красивая очень... У нее такая фигура... Такие ноги, бедра, вообще... Были... — Леро упала к очередному камню. — Мы выше... Давай уьем хотя бы кого-нибудь.

Кламнат замер, снова выдернул Леро за камень.

— Этот второй здесь. Хайдег дальше, держит выход. Третий болтается между ними.

— Косоглазый.

Небо очистилось почти полностью. Россыпи звезд искрились в черно-фиолетовой бездне; прозрачные облака туманностей сияли всеми цветами радуги. Серебристая лента плато протянулась до горизонта, окаймленная справа черной полосой леса, слева — матовой бахромой скал. Пятна мха мерцали буроватыми кляксами аметиста, чашки цветков бросали от своих пещерок мягкие искры. Кламнат двинулся вправо вперед, обходя массу обвалившихся со стены осколков, которые нагромодились здесь в треть высоты скалы. Затем карабин снова проснулся, и новый разряд ушел в прозрачную ночь. Вдалеке вспыхнуло белое пламя, рассыпалось в камнях и растворилось в сиянии волшебного неба.

— Два-ноль, — Кламнат остановился, повернул голову на призрачный сполох. — И... Он уходит. Либо жестко экономит заряд — комплекты у них патрульные... Либо в схеме у него есть кое-что, чего нет у меня. Схема у него локальная и свежее моей, это ясно. Ладно, у нас под крышкой все равно больше... Но сейчас и у нас будут проблемы.

Они одолели пятьдесят метров и остановились. Здесь плато проседало большой плоской впадиной, на противоположном конце которой виднелся разрез. Слева разрез поднимался, вонзаясь в подножие стены, и заканчивался недалеко от огромной трещины, коловшей массив больше чем наполовину. Казалось, фиолетово-черное небо, сверкающее брызгами звезд самой разной величины, мерцающее дымом туманностей самого разного цвета, вонзалось в серую полосу камня острым треугольным клином.

— Нам туда? — Леро, стараясь дышать как можно мельче, указала трубой арбалета, сверкнувшей в блеске звезд и туманностей.

— Да. Только не напрямик. Хайдег на точке, — Кламнат махнул рукой туда, где черный

разрез пронизывал скальную стену. — И он сейчас ниже. Нам придется спуститься...

— А тут еще этот, справа?

— Именно.

— А что, если там? По скалам? Посмотри, тебе же там видно все!

— Вдоль скал не пройти до конца. Вон там... И там... Стена в отвес, десять метров. Пауки рядом! — Кламнат обернулся, указал в блестящее небо. — Три экземпляра! Леро, предел внимания!

— Какой предел? — Леро в ужасе оглянулась в небо. — Я ничего не вижу!

— Вон ту группу камней видишь? Она закроет нас от Хайдега. Оттуда мы сможем подобраться почти под самую трещину.

— Но там...

— Да, там он ударит. Но, при таком ландшафте, выхода нет. Этот второй, — Кламнат указал стволом вправо, — засел там, вон в тех камнях. Это наверняка, потому что они хорошо наследили, и ландшафт такой, что экстраполятор не ошибется.

— То есть опять получится выше? Когда мы спустимся?

— Да. Сейчас общий приоритет у меня. Но пока мы будем спускаться, эти камни нас от него прикроют. Но и его от нас.

— А когда спустимся... Он ведь уже видит, что там?

— Да, там приоритет переходит к нему. А обойти, как видишь, никак. Он все держит.

— Гад! Откуда он знает?

— Это не он знает. Он там просто сидит — точка огня.

— Гады, — Леро со злостью хмыкнула, топнула, поморщилась. — Значит... Когда мы доберемся до скал...

— Будет два-два.

— А потом?

— Сейчас я знаю только то, как лежит местность. По правилам тактики, этому, — Кламнат снова указал направо, — нужно будет быстро переместиться на край, — он указал туда, где черный раскол врезался в мерцающую стену хребта. — Пока я буду двигаться к этой группе, он получит приоритет по той, своей стороне. Все, что я могу сейчас сказать. Но этот вариант сейчас самый лучший, потому что он тоже держит в уме неделю дороги... А комплекты у них все-таки патрульные.

— То есть если мы его ударим...

— Да. Сам бы он давно сыграл в плазму. Но Хайдег. Он мастер ландшафтного боя. Я, как ты понимаешь, знаю его хорошо. К тому, что схема схемой, но когда попадаешь в реальный ландшафт... — Кламнат сверкнул стереоматом. — Вперед.

Они двинулись по отлогому склону. Справа медленно уплывала назад группа расколотых валунов, за которой скрывался первый противник. Когда прикрытие кончилось, Кламнат схватил Леро за руку, и они побежали, устремляясь к такому же каменному развалу впереди слева.

Через десять метров справа пришел разряд. Сухой треск рассыпался по серебру камня. На мгновение Леро с Кламнатом оказались в центре мерцающей сферы. Противный, странно холодноватый запах раскаленного камня ударил волной, растворился в жгучем воздухе. Леро снова закашлялась.

— Клам!..

Кламнат дернул ее вперед, она чуть не упала, бросилась дальше. Через пять секунд они

влетели в щель между камнями, рухнули в острые крошки.

— Ай... — Леро отдернула руку. — На мне места живого нет! Опять порезалась! Клам! Ну что такое! У меня ведь шрамов останется! Куча... — она заплакала, сдержалась, вытерла слезы.

— Леро, нам нужно спуститься хотя бы на четыреста метров.

— Ага... — она судорожно перевела дух. — Как горит... Просто порежешься — так не горит никогда... Клам, почему он не ударил еще раз? Пока мы бежали?

— Далеко.

— То есть?

— Карабин не разрядник, — Кламат чуть стукнул прикладом в камень. — Разрядник просто бьет, с определенной силой, и все. Жмешь гашетку и лупишь, пока элемент живой. Карабин работает импульсом. Заряд нужно сначала накопить. А мгновенно этого не сделаешь. Физику никто не отменял. Зато бить можно далеко и сильно. С импульсом вообще работать эффективнее на порядок — и адресно, и можно дозировать, и вообще. Ну, ты уже знаешь.

— То есть... Или один раз далеко и сильно, или несколько раз рядом? За какое-то время?

— Да. Будь мы ближе, он бы нас тронул раз пять.

— Ага... Тогда я понимаю, почему ты выбрал именно здесь!

— Да. Максимальное удаление от точек огня. Притом, что статус моей группы питания пару ударов сглотнуть позволит — в крайнем случае. Отдышалась? Вперед.

Они протиснулись сквозь лабиринт камней и выскочили на площадку, за которой чернела небольшая пропасть. Кламат свернул налево; они побежали, по-прежнему спускаясь все ниже. Когда до скальной подошвы осталось полсотни шагов, пришел новый разряд. Радиус активной защиты снова обвололся прозрачным белым огнем; странный тошнотворный запах снова ударил волной, растворился в холоде ночи.

— Все!.. — Леро упала на острую крошку. — Вот сейчас я уже умру, — она замерла, лицом в землю.

— Последний рывок, — Кламат поднял ее за плечи, посадил спиной к камню. — Леро, сто метров. Здесь мы в экране. Сто метров — и мы наверху, снова.

— Дай мне таблетку.

— Вперед! — Кламат выдернул ее из камней. Перед ними возник последний подъем. — Строго на этот камень! — он указал на огромный булыжник, который нависал впереди над плато как голова исполинского наблюдателя. — Десять шагов в сторону — и он бьет!

Леро, собрав последние силы и уже ничего не соображая, ринулась вверх. Наконец ад закончился. Она упала под камнем на четвереньки, и снова закашлялась. Перед глазами поплыли сверкающие круги — словно туманности рухнули с горящего неба и завращались так близко перед лицом, что их можно было потрогать. Кламат поднял ее за плечи, откинул с лица волосы, вытер с губ кровь — она уже ничего не чувствовала.

— Еще немного, — только услышала она спокойный голос.

— Клам... Брось меня... Я все равно уже умираю... Внутри все горит, как... Брось...

— Леро, вперед. Все нормально, поверь, это все обратимо. Ну!..

Цепляясь за такелаж, Леро поднялась на ноги. Они пошли.

— Мы выше.

— Да.

— Теперь все.

— Нет.

— Почему.

— Потому что еще километр.

— А где косоглазый.

— Внизу.

Сколько они еще так прошли, Леро уже не соображала. Она только сообразила остановиться, когда Кламнат придержал ее за плечо и сказал:

— Они, кажется, поменялись комплектами. Обычная тактика, потом объясню... Второй, кто бы он ни был, впереди, в расселине. Держись за меня.

— И какой будет счет?..

Кламнат не ответил. Они прошли еще какое-то расстояние, и Леро, наконец, увидела по ту сторону скал ночной горизонт — они вышли в расселину. Едкий ветер ударил в лицо, взметнул волосы. Леро закашлялась, упала на колени — и тут произошел ужас. Камень под ногами поехал вниз. Леро вскочила, потеряла равновесие, снова упала, на четвереньки. Камень ссыпался, Леро ехала вниз вместе с ним.

— Клам! — в ужасе закричала Леро.

— Держи! — Кламнат рванул с ранца черный цилиндр моста. — Хватай и...

— А-а-а! — раздался вопль за спиной Леро. — Ты, там наверху, стой и не дергайся! Или я твою девчонку поджарю, поджарю!

— Клам! Это тот косоглазый придурок!.. Который Корде!.. Он тут, рядом...

Леро замерла на четвереньках. Слезы закапали на холодный камень.

— Клам! Брось меня. Я все равно еле дышу. Убей их всех и уходи. А я все равно...

— Стой и не дергайся! Девчонка у меня в кресте! А ты иди сюда. Думала — все, да? Думала — все, убежала? Нет, моя славная, мы не кончили! Вставай и иди сюда, сука! Считаю до десяти и стреляю! Раз!.. Два!..

— Клам!.. Застрели меня. Я не хочу, чтобы он.

— Три!.. Четыре!..

— Клам, ну стреляй же! Стреляй! Они сейчас все здесь будут!

— Пять! Шесть!

Леро подняла голову. Кламнат стоял наверху, на террасе под нависшими скалами; его почти не было видно — блики по шлему и по полировке поверхностей — карабин, железки комбинезона, между которыми черная пустота — загадочный призрак в серебряном свете звезд.

— Кламнат, предатель! Стреляй!

— Семь! Восемь!

— Ты думаешь, он меня не убьет? Или ты думаешь, я пойду?

— Девя-а-а-а!..

Кламнат вскинул ствол. Вспыхнул разряд. И тут же за спиной Леро что-то тягуче хлопнуло. Желтоватый огонь высветил каждый камень, каждую трещину — на мгновение Леро ослепла. Из-за спины донеслась волна мягкого бархатного тепла. Леро вцепилась в лицо руками, съежилась, а когда, наконец, смогла распрямиться, рядом о камень, блеснув кольцами, стукнулась черная трубка моста.

— Хватай и наверх!

Леро вцепилась в темляк. Трубка потащила ее наверх. Сил не было никаких — Лерс

волоклась по камням как полупустой мешок. Боли она давно не чувствовала.

— Три экземпляра? — прошептала она, когда Кламнат вытянул ее на террасу. — Чуть не потеряла... — она протянула Кламмату арбалет.

— Уже два. Так что пока не теряй. Леро, держись! Еще далеко не конец.

* * *

— Ну, и что будем делать? — Камбетэ указал стволом за плечо, где, скрючившись под валуном, стонал, мычал и ругался Гуммо. — Мы ведь не будем ждать, пока он очнется?

— Кам, если шутки в сторону, — Хайдег обернулся, бросил взгляд на покрытого копотью Гуммо, — то будем.

— Надо было нам не меняться.

— Да, и теперь это бы ты тут лежал и дымился. Или ты думаешь, что ты не такой кретин, как Гуммо?

— Нет, конечно, — Камбетэ нервно хихикнул. — Играть в заложников, в такой ситуации?

— Ты, Кам, в такой ситуации не такого бы натворил, — Хайдег подошел к Гуммо, пнул ботинком. — Ты сразу бросился бы на девчонку, и получил локальный заряд.

— В такой ситуации? Я что, по-твоему, совсем...

— Да, Кам, да, родной. Гуммо, конечно, дегенерат, но у тебя-то на самом деле вместо мозгов — что оно там, в яйцах... Вспомнить хотя бы за что ты здесь оказался.

— Ну, и какая тут связь?

— Очнется, догонит — вернешь комплект. Мы, вообще-то, досюда дошли только потому, что поменялись. Он нас уже давно просчитал. Ладно, прощаю... А-пэ-о проходят на третьем курсе, тебе это уже неизвестно... Слушай, а ты ведь даже не сосунок! И еще мне тут что-то втуляешь? Ладно... Их нет. Спустились и спрятались. Мы пойдем круче, — он указал на северо-восток. — Там есть проход, который сверху не снимешь. Внизу между скалами. Он знать не может.

— Устроим милую встречу... Твари...

Они стояли на вершине отлогого спуска, сползавшего в туманную перспективу. Над предгорьями занималось мутно-желтое утро. Небо снова затягивалось облаками — они напоздали с востока, принося тяжесть и оцепенение. С северной стороны цвет скальной стены был грязно-голубоватым. Россыпь камней, разбросанных насколько хватало глаз, была намного мощнее, чем с юга. Плотный каменный лабиринт застывшим морем стекал к подножью предгорий и растворялся между высоких каменных зубьев — они угадывались вдалеке, в мареве туманного утра. На всем протяжении северного горизонта, с запада до востока, больше ничего не было видно — стылое море излизанных ветром камней; желтовато-туманная даль, в которой рисуются конусы и пирамиды; сверху — гнетущий облачный панцирь.

— Устроим, если будешь пайнкой и слушаться взрослых, — сказал Хайдег. — Думаешь, Гуммо один такой вкусный?

— Ну, пошли, — Камбетэ сделал пару шагов, обернулся. — Гуммо! Мы уходим, ты в курсе?

Гуммо оглянулся на черный силуэт Камбетэ, очерченный мутно-желтым туманом, отмахнулся.

— Ну, догоняй, если что, — Камбетэ повернулся, зашагал вниз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хруст каменных крошек у него под ногами затих. Хайдег еще раз просканировал горизонт, подхватил прислоненный к булыжнику карабин, захрустел вслед за Камбетэ.

Гуммо, наконец, оторвался от холодного камня, встал сначала на четвереньки, затем на колени, подобрал разрядник, поднялся на ноги, кое-как зашагал. Сделав пару шагов, он упал, снова поднялся на четвереньки, на колени, на ноги, с трудом, спотыкаясь, зашагал снова.

— Подождите, уроды... Хотите бросить, уроды?.. Щас... Гуммо вас всех еще продаст и купит...

— Догоняй, покупатель, — донесся голос Камбетэ. — И заberi свой комплект. Ты убогий как... В комплекте хоть голова не так на жопу похожа.

Они погрузились в каменный лабиринт. Идти было трудно — приходилось постоянно крутить, следуя извилистому курсу, который прокладывал сквозь мешанину камней навигатор. Вдобавок часто случалось, что ход оказывался завален осколками валунов, какие навигатор так или иначе не отмечал, и приходилось подбирать альтернативный маршрут. Приходилось постоянно через что-нибудь перелезать; при этом больше всего страдал Гуммо, который едва двигался, перелезал через камни, оставляя за собой следы копоты.

— Гуммо, если замигает опять — умоляю, не нервничай, — Хайдег указал трубой арбалета в небо. — Надо спуститься метров хотя бы на сто. А это будет только там, — он указал вперед, где за толщей каменного скопления их ожидал лес конусов и пирамид.

— Сколько можно... — просипел, задыхаясь, Гуммо. — Давайте привалим...

— Через два часа, — отрезал Хайдег.

Курс забирал к востоку. Они шли уже почти параллельно кряжу, отдаляясь от него все слабее. Наконец серия поворотов увела их на север. Через два часа каменный хаос закончился; они вышли в небольшую долину, шириной метров четыреста, за которой начинались другие джунгли — скалы конусов и пирамид, что были видны в тумане с подножия кряжа. Вблизи они казались огромными — вонзались в низкие облака, протыкая желто-свинцовую толщу; облака над ними не двигались, словно на самом деле застряв на скальных клыках.

Гуммо выбрался из камней, повалился на землю, застонал.

— Расслабься, — подошел Камбетэ. — Мы пришли.

— Мы еще не пришли, — Хайдег оглядел долину. — Там трещина, — он указал на север, в середину свободного от камней пространства, — которую надо переходить. Мы хорошо помним, как переходили ту? — он указал на юг, за спину. — А у нас, спасибо Гуммо, теперь только один мост.

— А что, не хватит? — отозвался Камбетэ, прислонившись к крайнему валуну рядом с Гуммо.

— Мне — хватит. А на вас с этим, — Хайдег пнул Гуммо, который снова скорчился и не переставая стонал, — боюсь, рассчитывать уже не приходится.

— Ну, и брось нас, — Камбетэ хихикнул, — если уже не приходится.

— Пока не брошу. Еще пригодитесь, там, — Хайдег указал на восток. — Когда придет кислота. Или когда дойдем до болот — что раньше... Тогда даже от таких идиотов, как вы, будет польза. Может быть. Снимай «морду», здесь уже низко.

— А какая именно, интересно? — Камбетэ поднял стереомат, снял нейтрализатор, утер ладонью лицо, осторожно вдохнул, закашлялся.

— Скормлю тебя крокодилу, — Хайдег отошел от камней. — А пока он будет жевать, сам уйду.

— Какому еще крокодилу? — Камбетэ помешкал, вернул нейтрализатор на покрытое пылью и потом лицо. — Опять шуточки?

— Он подавится, — простонал Гуммо, — гы-гы-гы...

— Ты жив еще там?.. — Камбетэ вяло пнул Гуммо ботинком. — Прекращай уже свои шуточки, Хайде. Давно без тебя тошнит.

— В болотах живут крокодилы, которые не мигрируют.

— И что?..

Хайдег долго вращал головой, изучая долину. Наконец он выбрал место для установки моста и стал пересекать открытую зону. Пройдя метров сто, он остановился, постоял, всматриваясь, обернулся, махнул рукой.

— Видишь, Кам, как все непросто, — раздался в шлеме насмешливый голос. — Моста здесь не хватит. Трещина здесь сто сорок четыре метра. И этого я не знал.

— А как же схема твоя? — Камбетэ поднялся с камней, подхватил карабин. — Хваленая?

— Не знаю. Но в навигаторе левые данные. Прими это как факт.

— И что? — Камбетэ сделал пару шагов.

— Плохо, Камбетэ, быть дураком. Ты читал описание по комплекту? Прежде чем пользоваться?

— Хайде, хватит бесить, — Камбетэ побежал к Хайдегу, который стоял застыв черной фигурой в мутно-желтоватой серости.

— Мост — семьдесят пять метров. При том, что гарантированная фиксация только на пятьдесят.

Камбетэ подбежал к Хайдегу — тот, как оказалось, стоял на краю обрыва, за которым разверзалась пропасть. На дне, в по-прежнему желтоватом тумане, жирной широкой лентой стелился черный поток. Провал к глубине сужался, и в самом низу в ширину был метров пятьдесят-сорок. Крутые берега потока заросли бледно-фиолетовыми лианами — они сплелись в цепкий ковер, покрывший дно пропасти целиком и местами влезавший на стены.

— Пятьдесят четыре метра, — озвучил Хайдег показания дальномера. — Спуститься мы спустимся, а что будет там...

— Сука, мигает! — заорал Гуммо, подпрыгнув и схватившись за голову. — Хайде, же...

Хайдег в мгновение обернулся, вскинул карабин и выстрелил. Вязкая тишина лопнула гулким хлопком; белая вспышка вылизала детали, стерев на секунду рельеф долины и каменных джунглей в безликую плоскость.

— Надо пойти посмотреть, — сказал Хайдег, опустив карабин. — Может быть, он еще жив... Что для него только хуже. Вот только заряд жалко, но арбалетом так далеко не достанешь.

— Ну да, — хихикнул Камбетэ. — Надо было его оставить. Как это... Принести в жертву.

— Я бы так сделал. Только, Кам, можешь поверить, жертвы — они без толку. Потому что за них мозгов не дают. Я, кстати, тебе говорил снять «морду»?

Он быстро зашагал назад, к кромке каменного лабиринта. Гуммо черным комком лежал в центре черного круга — весь камень в радиусе двадцати метров был черным от копоты убитого паука. Когда Хайдег и спешащий за ним Камбетэ вернулись, он так же не переставая стонал, мычал и, едва ворочая языком, ругался.

— Или поднимайся, — Хайдег тронул ботинком черную массу, — или оставайся. Времени — ноль. Спустимся там, — он обернулся к Камбетэ и указал стволом на восток. — Там уступ, с которого можно попробовать зафиксировать мост — шестьдесят метров.

Он отвернулся и быстро зашагал назад к расселине.

* * *

— Почему ты уверен, что у него левая схема? — Камбетэ разглядывал проход сквозь лес каменных пирамид. — У Особого-то?

— Я не говорил — левая. Я говорил — орбитальная. Ты в курсе, в чем разница между орбитальной схемой и локальной? А мою, — Хайдег стукнул пальцем себе по стереомату, — к тому же, собирал Животное. Который здесь был несколько раз, лично. Когда вешали местность для новой зоны.

— Странно как-то Животное выпилился, — хихикнул Камбетэ. — Вешал-вешал, вешал-вешал... Лично. Ты-то, Хайде, конечно, знаешь? Куда делся Животное?

Хайдег не отвечал. Они лежали, спрятавшись в кустарнике, похожем на огромный моток ржавой колючей проволоки. Длинные кривые ветви скрутились в веретено, обсыпанное бледно-лимонными блестками треугольных цветков. Посередине мотка было пространство, удобное для маскировки и наблюдения; однако пробираться в него пришлось с большим трудом — противокислотная оболочка ветвей оказалась настолько прочной, что ветви удалось только прожечь разрядником, и почти на предельной мощности.

Впереди между пирамидами скал простиралось открытое место. Серо-фиолетовая земля — в цвет неба, что изредка открывалось в прогалинах облаков; черно-фиолетовая трава, жестко шуршащая в ветре, который возникал порывами в тесноте каменных переходов; булыжник, ссыпавшийся со скал. Пространство широким прямым коридором отходило вглубь скал метров на двести, затем разветвлялось в несколько рукавов. Рукава разбегались в скалах и пропадали в желтом тумане — здесь он был ощутимо плотнее.

— Они пошли через эти тущобы, — Хайдег обвел стволом карабина скалы. — А ход на восток только здесь.

— Замечательно, — хихикнул Камбетэ, вода стереоматом по основанию скал. — Они выбирают в точку, а нас тут раз — и трое.

— Замечательно? — усмехнулся Хайдег. — Я уже понял, какой ты мастер ландшафтного боя, там... — Хайдег указал стволом за спину, на бесконечную ленту скалы. — Гуммо давно не в счет... Они выбирают в точку, а я тут раз — и один. И с единственным преимуществом — у меня приоритет антуража.

— Так это и здорово?

— Камбетэ, ты все-таки дегенерат. Я не знаю, какая у него батарейка и сколько еще под крышкой. Это как минимум. Особые, Кам, — это Особые. У них даже батарейки особые, не сомневаюсь. А экстраполировать система не может. Неизвестно, сколько у него было с нуля. И неизвестно, сколько он мог потратить вне зоны. Может быть, где-нибудь накопил новую батарейку? У вылупков про Особых целая мифология. Особым даже батарейки телепортируются... Хотя, как видишь, у них иногда даже тухлая схема. В том плане, что нелокальная...

Хайдег долго вглядывался в желтый туман.

— Так что, Камбетэ, пусть счет сейчас девять-одиннадцать в нашу пользу, это не говорит ни о чем. Даже с учетом того, что пять у нас — на двоих! Ты способен это понять, двоичник? Тэ-эл-бэ начинается на втором, ты еще должен был это застать. И сдать как минимум первый контроль... Или ты «физику в туалете слушал»? Был бы на твоём месте хотя бы немного вменяемый человек... Я бы объяснил ему, что в таких случаях делается...

Хайдег замолчал, оценивая конфигурацию антуража в стереомате.

— А так... Буду использовать тебя как автоматическую установку, без головы. Видишь, проем вон там? — он указал стволом. — Сядешь там и будешь сидеть.

— Тупо сидеть? — хихикнул Камбетэ без обычного оживления. — И долго?

— Пока взрослые не скажут, что можно уйти. Пошел, — Хайдег ударил Камбетэ в плечо прикладом.

Камбетэ полез назад, продрался сквозь выжженную в мотке кустарника-провода дыру. Помешкал, обогнул веретено усыпанных треугольниками-цветами ветвей, быстро перебежал открытое место, юркнул в нужный проход под нависшими стенами скал.

— На месте, — раздался в шлеме напряженный голос. — И что?

— Повернись... — Хайдег переключился на стереомат Камбетэ. — Не верти головой! Смотри вперед, не дергайся... Нет, что за кретин! Просто сиди и смотри, говорят!

— А мне что делать?.. — простонал Гуммо, скорчившийся ничком рядом с Хайдегом. — Мне куда... Что делать...

— Тебе — быстрее сдохнуть. Лежи и заткнись. И если будешь так громко кряхтеть, я тебя сейчас и убью. Пока не подставил нас всех... Видишь камень?

— Похожий на задницу?..

— Да, Кам, да. Похожий на задницу. Садись на камень, и все.

— Просто сижу?

— Просто сидишь, кретин. На этой заднице.

— А он точно меня не... Тут со всех сторон — ничего!..

— Вот это и нужно, кретин. Потому что теперь у меня двойной приоритет антуража. А у него только один комплект. И теперь, Кам, слушай внимательно. Видишь, еще булыжник? И видишь, вон та стена, и за ней — пространство?

— Похожее на...

— Да, Кам, да. Как только он появляется в зоне, твой комплект работает первый. Я сразу получаю прогноз и...

— Прогноз? Погоды?

— Нет, Кам. Пэ-эр-эс — прогноз развития ситуации. Ничего, Камбетэ, не спрашивай, только слушай... Я сразу получаю прогноз и говорю куда переместиться. За этот булыжник, или за эту стену. Чтобы не потерять приоритет антуража. От этих объектов зону, куда они выпадают, ты видишь первый. И если, Кам, ты не обосрешься и сделаешь все как скажу... То все будет чики-пуки. Только двигай куда скажу! Был бы на твоём месте хотя бы сосунок с третьего курса, нормальный... И видишь, листья? Не трогай! Там кислота.

— И что теперь? — отозвался Камбетэ через пару минут.

— Все. Сидишь, молчишь, ждешь.

— И сколько?

— Пока взрослые не скажут, что можно уйти.

Они стали ждать — Хайдег в огромном кусте, в середине плотного веретена ветвей, Камбетэ — в проеме между зубьями каменных пирамид, в серо-фиолетовом полумраке под низким тяжелым небом. Вязкую тишину у подножия скал нарушал только ветер, шуршащий в черном фиолете травы, и Гуммо — он лежал, скрутившись в клубок, стонал, бессвязно ругался, звал Хайдега и Камбетэ, проклинал, ворочался, стонал и ругался, снова и снова, снова и снова.

* * *

За кряжем идти было легче — во-первых, было меньше мелких острых камней; во-вторых, идти было под гору. Уклон был удобный; не слишком пологий — ноги шагали сами, можно было расслабиться, дать отдых каким-то мышцам; не слишком крутой — шаг сдерживать не приходилось, можно было расслабиться по-другому и дать отдых другим мышцам. Пока спускались, Леро таким образом даже удалось отдохнуть. Она рассеянно ступала за Кламмом — тот черной дырой двигался впереди, следуя всем многочисленным поворотам, которые заставлял крутить навигатор, выбирая курс в каменном лабиринте.

Курс часто приходилось менять, так как постоянно попадались камни, какие нельзя было ни перелезть, ни как-нибудь обойти. Протискиваться в щели между такими камнями и стенами лабиринта было также нельзя — из-за росы, которая выпадала концентрированной кислотой. Почти голая Леро, в своем изодранном платице, несколько раз зацепила покрытый лоснящейся пленкой камень, добавив таким образом к многочисленным порезам и ранам несколько жгучих ожогов.

Однако, по мере того как они опускались, концентрация кислоты в воздухе уменьшалась, дышать становилось легче — Леро почти перестала кашлять, крови на ладонях, когда она отнимала их ото рта, становилось меньше. Леро несколько раз пыталась окликнуть Кламма, но поняла, что говорить не может — горло внутри горело, больно было просто глотнуть. Как хорошо, что у Кламма есть эти капсулы... Тот шел, время от времени оборачиваясь и проверяя, все ли в порядке.

Вскоре Леро заметила, что грандиозный калейдоскоп звезд и туманностей в бездонной черноте неба стал меркнуть — надвинулись утренние облака. На востоке занялся грязно-желтый рассвет. Бесформенным мутным пятном он растекался по низкому небу, фиолетово-медными бликами рисуя ландшафт — мягкие спины камней; каньоны бесконечного лабиринта, размытые перспективой в медно-жемчужный туман; под светом матово-жирной пленкой мерцает роса... Тени играют с пространством так, что было неясно, как далеко в стороне каменная стена — или десять шагов, или протяни руку — коснешься... И как далеко впереди очередной поворот — или десять шагов, или полкилометра... А там, в неясном тумане, — неясный серый абрис, за которым новый и новый; они уходят в смутную даль угасающей чередой, и им нет конца... Сверху над царством грязно-жемчужных призраков — облачное покрывало, тяжелое, густое, гнетущее...

Леро шла, озираясь на призрачный мир, и вскоре голова у нее закружилась, и она почувствовала, что сейчас упадет. Она держалась изо всех сил; но рассвет превратился в утро, свет и цвет вернулись к тому, к чему глаз здесь уже успел привыкнуть. Головокружение прекратилось; впереди надежным черным пятном двигался Кламма, и было безошибочно ясно, что до него всего лишь три метра, которые можно было преодолеть в пару секунд и вцепиться в черную руку.

Леро давно потеряла счет времени. Утро закончилось, и расползался сонный полупрозрачный день, когда Кламма остановился, и Леро снова чуть не уткнулась в черную спину. Она остановилась и тоже стала оглядываться.

Утомительный лабиринт закончился — они стояли на краю неширокой, метров не больше четырехсот, долины, за которой в тумане рисовались высокие каменные зубцы — пирамиды, конусы, узкие призмы. Они возносились ввысь и вонзались в плотность

облачного покрывала. Грязновато-желтый жемчужный свет, казалось, вытекал из пробитых в покрывале прорех и стекал по каменным зубьям, растворяясь внизу медно-фиолетовым полумраком. Новый каменный лес поглощался туманом, и было трудно представить на сколько он простирался.

Долину по всему протяжению пересекала глубокая трещина, по дну которой сонно стелилась черная, жирно сверкающая лента реки. Берега заросли путаницей лиан, похожей на гнилую изгаженную мочалку, перепачканную какой-то слизью. Моста не хватило; Кламнат долго бродил вдоль обрыва, пока не нашел пару балконов, с которых удалось зафиксировать мост — трещина книзу сужалась и на глубине была неширокой.

Перебрались без приключений; дошли до нового лабиринта, погрузились в недра каменных джунглей. Здесь идти было еще легче — ровная почва, поросшая жесткой сухой травой, шагать по которой, тем не менее, было легко; широкие коридоры, плавные повороты, пространство... Только почти отвесные стены, нависая над головой и пожирая небо, давили и угнетали.

Кламнат почти сразу повернул на восток, и они весь день шли параллельно долине с трещиной — та оставалась не более чем в километре справа. Шли молча; Кламнат только раз обернулся, когда день уже угасал и опускались лиловые сумерки, угрюмые и холодные; он сказал, что придется возвращаться к юго-востоку и выходить из-под защиты камней, так как зона скальных зубов скоро отходит на север. Но выйдут в долину они завтра с рассветом — надо устроить привал и поспать хоть немного.

Они свернули направо, и через какое-то время Кламнат притормозил, внимательно обозревая ландшафт. Долго изучав конфигурацию скал, он наконец выбрал площадку, расположенную на перекрестке пяти коридоров и отличную тем, что все пять рукавов-тоннелей контролировались из одной точки. Леро, почти не ощущая себя, доплелась до стены, рухнула, прислонившись к холодному камню спиной, и не заметила как уснула.

* * *

Кламнат разбудил ее рано, в самый разгар царства призрачных теней.

— Завтрак, — он протянул Леро шоколадную плитку. Затем отошел и, подняв стереомат, всмотрелся в глубину коридора невооруженным глазом.

Леро обнаружила, что лежит в трех метрах от мокрой стены. Не чувствуя ни вкуса, ни запаха, едва шевеля губами, засунула плитку в рот, с трудом откусила кусочек и стала держать во рту, дожидаясь, пока он растает и его можно будет как-нибудь проглотить, саднящим мучительно горлом.

— Жуй быстрее, — Кламнат оглядел Леро, как она, морщась, пытается проглотить шоколад. — Они рядом, восток-восток-юг. Пусть вне зоны, не фиксируются — но им больше быть негде. Схема у Хайдега не только локальная, но еще самая свежая, это ясно... С такими данными и с таким опытом, как у него, по антуражу он нас всегда будет опережать. А я не могу отойти от тебя больше чем на три метра.

Леро перестала морщиться и подняла вопросительный взгляд.

— Сторожевой прибор, — он тронул полусферу на макушке шлема. — Его обычно включают на время сна. Мы проснулись, но я его пока не выключил. Потому что в таком антураже, — он обвел стволом лабиринт каменных пирамид, — оппонент может приблизиться к радиусу активной защиты...

— Вот ты уже замучил... Ну неужели нельзя по-человечески объяснить...

— ...так, что ты его не определишь. Потому что он будет постоянно скрыт.

— Ладно, поняла, не дура... — просипела Леро, с трудом проглотив растаявший кусок шоколада.

— В общем, все, что сейчас попадет в это кольцо — от трех-шести до шести-двенадцати метров — уничтожается. Все живое.

— Ну, пошли тогда... — Леро, поморщившись, проглотила еще кусок. — Я еще живая пока, вроде... Сейчас встану...

Она, зажав плитку в зубах, поднялась на колени и попыталась встать. Сил не было. Леро опустила на четвереньки, бессильно вздохнула.

— Фефяф фтану...

— Давай я тебя привяжу.

— Это зачем?! — Леро выронила шоколад, подняла голову.

— Мало ли что. Теперь я его буду включать часто.

— Еще чего! Я тебе что, собачка?

— Мало ли что!

— Нет, вот ты хам! Я что, дура какая-то? Или слепая? Не знаю, что такое три метра? Нет, вот ты хам все-таки... Вот тебя еще надо воспитывать... Ну ничего, я этим еще займусь...

— Меня пугает, что нигде ничего, — Кламнат сбросил на нос стереомат. — Поэтому пусть работает, даром что сосет батарейку... Он устроил засаду и нас уже ждет, я в этом уверен. И устроил, я уверен, здесь — на выходе из этих камней в долину. Потому что в обход я уже не пойду, — Кламнат указал на северо-восток, в глубину скал. — В обход — плюс неделя. А кислота уже здесь.

— Я тебе все испортила... Без меня ты бы его уже грохнул... А теперь я тут болтаюсь... В обход какой-то еще...

— Леро, ты себя плохо чувствуешь и плохо соображаешь. Дорога у нас одна! До базы. Мы пересечемся — без вариантов.

Леро все-таки поднялась, дошаталась до Кламмата, упала на него, прильнув горячей щекой к гладкому прохладному материалу костюма, бессильно скользнула вниз, на колени.

— Так бы и умереть...

Она закашлялась, выплюнув недотаявший кусок шоколада. Кашлять было уже не так больно, и крови почти уже не было. Кламнат мягко отстранил ее, взял за руку, потянул, поднимая, повел через площадку.

Едва они выступили в коридор и свернули на восток, вправо, как раздался характерный холодный треск, белым огнем вспыхнула сфера защиты, нахлынул тошнотворный запах. Кламнат дернул Леро назад, под прикрытие стен; она упала плечом на камень, обожглась кислотной росой, вскрикнула.

— Ага, — сказал Кламнат через пару секунд, изучив данные в стереомате. — Он почти у активной зоны. И приоритет у него, я понимаю, двойной. Поэтому он так спокойно рискует. То есть, в общем, и не рискует... У нас только один маршрут.

Он снова схватил Леро за руку и потащил за собой вдоль камня в противоположную сторону. Когда камень кончился и они оказались на перекрестке с ближайшим поперечным тоннелем, Кламнат дернул Леро в левый, южный рукав. Леро слетела с ног, поволоклась по земле, обдираясь колючей травой — боль снова запылала огнем, — через несколько метров защита сработала снова. Кламнат уволок Леро влево, в нишу под камни.

— Обложили... — прохрипела Леро в сухие стебли и прикусила от боли губу. — Гады, да?..

— Да. Кто-то сидит вон там, — Кламнат указал стволом влево вдоль коридора. — Если там, — он перевел ствол за спину, — был Хайдег, а там, — он снова указал на юг, — кто-то из тех...

— Тот, второй?..

— После такого — вряд ли... Скорее, другой. То у нас шансы есть. Потому что второго, скорее всего, он воткнет как палку, посадит как автомат.

— Как палку?.. А что это?..

— Как диспоз. Шток временного базирования. Одноразовый посадочный шток — когда машина уходит, он остается... Потом, Леро! Отдай гашетку, угомонись! И так еле дышишь. А если наоборот — будет намного сложнее. Даже если на месте этого, — Кламнат опустил ствол, — война будет какой-нибудь сосунок с третьего курса — уже будет намного сложнее.

— Сосунок?.. Это как?.. С вами разговаривать невозможно... — Леро закашлялась. — А почему ты не выстрелил? Ведь интервал ведь? Можно было его подстрелить? Или как? Не угомонюсь, дурак...

— Нет смысла. Конфигурация. Только потратишь заряд.

— Зато он испугается...

— И что? — Кламнат усмехнулся, но сразу погасил усмешку. — Хотя, Леро... Знаешь... Может быть, ты и права.

— Это ведь даже не сосунок... С третьего курса.

— Может быть, ты и права, — Кламнат замер, изучая данные в стереомате. — Схемы у нас хватает, чтобы устроить травлю... Но. Только если он испугается. Только если там, — он указал стволом, излучатель которого тлел мрачным рубином, — не он сам, а кто-то из тех. А там кто-то из тех... По схеме, там, — Кламнат снова перевел ствол в ту сторону, где их настиг первый разряд, — сектор контроля намного шире, и таким олимпийцам такую зону он, разумеется, не доверит... Хайдег, по сути, один. С такой публикой не навоюешь. Сам себя как палку он не воткнет.

— Ну, так давай тогда!.. Этот дурак испугается и убежит!..

Кламнат долго молчал.

— Проблема в том, что конфигурацию с орбиты снимаешь — и все, — он посмотрел в угрюмое небо. — А тэ-гэ-эс — величина динамическая. Если за эти четверо суток она изменилась... Риск будет необъективный. А необъективный риск...

— Ты меня уже так замучил, что я тебя сейчас сама убью, как-нибудь, — Леро заплакала. — Где здесь твой объективный риск? — она вытерла слезы, размазав по щекам розовое пятно. — Ты пень.

— Я не обиделся, — сказал Кламнат и поднял ствол к голове. Огонь излучателя замерцал теплыми бликами на черной панели стереомата. — Потому что я пень, это правда. Но это все из-за тебя. Один я рисковал бы, конечно, сильнее.

— А я тебе говорила — брось меня на фиг... Я и так уже мертвая... Таскаешься с трупом...

— Отставить! Мы это уже обсудили. Я не брошу тебя.

Он взял Леро за руку, поднял, подвел к краю стены, затем дернул влево в полумрак тоннеля. Треск, белый призрак огня, тошнотворная вонь — Кламнат помчался по тоннелю вперед, волоча за собой Леро мешком — та сбилась с ног при первом же шаге. Ответный разряд Кламната ушел сразу. Впереди, метрах в пятидесяти, больно ударив в глаза, полыхнул жесткий белый огонь. На карабине Кламната замигал злой красной звездой разряженный

накопитель. Кламнат на мгновение замер, затем помчался — добежал до края очередной пирамиды, и замер снова. Леро наскочила на него, привалилась, вскрикнула, задев ссадиной на виске кольцо такелажа.

Какое-то время Кламнат молчал и не шевелился. Затем — красный огонь сменил цвет на зеленый и перестал мигать — снова схватил Леро за руку. Снова рванул, снова помчался по коридору — сфера защиты снова треснула белым огнем, — проволока Леро сквозь новую вонь и устремился по коридору — навстречу невидимому стрелку.

Никто не стрелял. Они, не покидая прикрытия, добежали до крайней каменной пирамиды, за которой расстилалась долина с трещиной, растворяясь по сторонам в тумане. Кламнат снова замер у кромки стены, прижавшись плечом к влажной поверхности. Он огляделся, поднял стереомат на шлем, вытер ладонью брови.

— Если бы он не удрал, мы бы остались на том перекрестке, — Кламнат обернулся назад, в глубину коридора. — Допустить разряд в интервал накопления...

— Даже не сосунок с третьего курса, — засмеялась-закашлялась Леро.

— Так точно, — сказал Кламнат, вернув на нос стереомат. — Сейчас он ушел, потому что мы вышли в долину. Где будет ждать теперь — пока не представлю. Скорее всего, до реки он в зоне и не появится. Такой ландшафт он, разумеется, не прогадит. Ландшафт что надо — ускориться и за рекой контролировать приоритет. А это особенно важно потому, что там — преимущественно низина. Вперед.

* * *

Идти по этой долине, вдоль бесконечной трещины — которая, по мере того как день разгорался и становилось теплее, стала густо парить, — было легко и даже весело. За пятеро суток Леро вытерпела столько боли, что места для новой уже, наверное, не осталось — очередные порезы, ссадины и ожоги Леро просто перестала отчетливо воспринимать. Когда кончалась очередная капсула, очередная боль наливалась тупым оцепенением, в котором все ощущения были перемешаны, смазаны, сдавлены — не разберешь.

Леро только смотрела на новую кровь и старалась не плакать, представляя, сколько шрамов и пятен на коже останется, когда (если вообще когда-нибудь) это все заживет. Кламнат сказал, что если они успеют вернуться на борт за семь-восемь суток и обработать кожу как надо, шрамов и пятен не будет. Только Леро, оглядывая бескрайний камень и неисчислимые веретена кустов, уже не верила, что от этого нескончаемого кошмара можно уйти, как-то избавиться — даже за две недели, даже за месяц, за год.

Идти, тем не менее, было нетрудно; приходилось лишь огибать эти причудливые кусты, разбросанные тут и там мотками ржавой колючей проволоки. Буро-черные ветки пестрели бледно-лимонными треугольничками цветков, неестественно беззащитных среди вязкой беспросветности камня и туч. Цветки были такие милые и домашние — Леро хотелось остановиться и насобирать охапку, чтобы просто смотреть на нее и забыться... Но Кламнат спешил и спешил.

Вскоре ландшафт изменился. Слева массив пирамид и конусов стал забираться в сторону и вскоре ушел на север. Справа за дымящей пропастью каменный лабиринт стал также отодвигаться дальше, и вскоре пропал из вида. Леро и Кламнат вышли на уступчатое плато — оно скатывалось к востоку, растворяясь под горизонтом. По правую руку расселина, покинув расступающуюся долину, теряла напряженный бег и расходилась широкой ложбиной с осыпающимися краями. Было видно, что вдалеке она полностью уплощалась, а черная лента реки расходилась в несколько рукавов.

По плато были рассыпаны группы камней — почти так же, как с южной стороны кряжа, которого сейчас почти не было видно в тяжелой дымке, но здесь камни были крупней, раза в два, и не темно-серые, а матово-черные. Они были похожи на огромные толстые лепестки, словно опавшие с каких-то волшебных растений и застывшие вертикально, сгруппированные по простору плоскости в некоем хитром порядке. Расстояние между кучками групп было большим и позволяло наблюдать плато до самого горизонта. Почва плато была пепельно-черной — как видно, песок, образовавшийся от эрозии каменных «лепестков»; он мерцал под фиолетовым небом как перламутр. Леро оглядывала огромный простор и вдруг схватила Кламмата за руку — ей показалось, что впереди, метрах в двухстах, в черно-фиолетовой обманчивой перспективе, одно из пятен сдвинулось с места и поползло.

Кламнат сцепил стереомат и дал Леро. Она надвинула на нос прибор — тот сейчас же удобно аккомодировался, так, что не хотелось снимать, — поймала в поле обзора черную точку. Прибор выделил движущийся объект и вывел увеличение. Леро даже подпрыгнула. Это была огромная — стереомат определил три метра — шестиногая черепаха. Она неторопливо брела по своим делам, передвигая конечности в своем алгоритме, мерцая черным полированным панцирем, сонно вращая сплюснутой головой.

Леро с восторгом разглядывала диковинное животное. Панцирь был так похож на черные камни, что, казалось, из него же был выточен — только блестел полировкой и тем самым производил несокрушимое впечатление. Лапы и голова сверху имели привычный здесь фиолетово-серый оттенок, но снизу были палево-серые — очевидно, такое было и брюхо под панцирем. Лапы и голова были покрыты узором из черных крапинок и полосок; на голове — две черные бусины глаз. Черепаха была ужасно милая; Леро смотрела и не могла оторваться; ей хотелось догнать это восхитительное существо, приласкать, поиграть как с котенком — даром что котенок был трех метров в диаметре.

Кламнат забрал стереомат; они вышли из долины и направились по плато.

* * *

Несколько часов они шли с прежней скоростью. Затем уступчатый спуск прекратился; плато вылилось в плоскость, продавленную плоскими впадинами. Группы черных камней на время кончались, затем, после плоскости впадин, продолжали пестрить до самого горизонта. У края ближайшей впадины Кламнат остановился и стал оглядываться.

— Привал? — Леро доковыляла до Кламмата, уткнулась щекой в плечо.

— Дело плохо, — сказал Кламнат, подняв стереомат на шлем и утирая брови. — Разбросанные группы объектов на базе блюдчатой плоскости — хуже ничего нет. Желторотик, который позволяет себя увлечь в такой антураж в одиночку, до сосунка... До третьего курса не доживает.

— То есть? — Леро захлопала ресницами.

— Не пройдет ни одного теста, — Кламнат улыбнулся. — Это тип антуража с фактором два. Приоритет сразу двойной, — он указал на дно впадины, — и, что главное, мелкомасштабный. Намного выгоднее, — ответил он на вопросительный взгляд, — чем, например, просто стоять на холме и контролировать окружение. Здесь постоянно есть точка, с которой получаешь общий приоритет высоты. Только правильно перемещайся и учитывай группы, — он поднял ствол на ближайшее скопление черных камней.

— Ничего не поняла... Только — что пойдём по гребням? — Леро смотрела на плоскость неглубоких кратеров.

— Там дальше есть несколько мест, где так или иначе придется спуститься. Но меня

беспокоит не это.

— Геомагнитная?

— Да. Моей схеме четверо суток. А тэ-гэ-эс не живет больше трех. Теоретически может держаться неделю, и больше, но практическая гарантия — трое. Поэтому все операции рассчитаны на этот срок. Падаешь на точку с проверенной свежей схемой и, пока она дышит, работаешь.

— А что может быть, вообще? — Леро посмотрела в небо. — Я не понимаю, технически...

— Видишь, спуск и первая группа? — Кламнат перевел ствол. — Допустим, я решил потратить заряд, чтобы перейти через блюдце, туда, — он перевел ствол дальше. — От трассы до группы... Сто сорок три метра. У меня в схеме тэ-гэ-эс — ноль-ноль-два-пять.

— Ну, а нельзя, что ли, сейчас и померить? Этот тэ-гэ-эс твой дурацкий? Что за глупость такая?

— Тэ-гэ-эс детектится геомагнитным локатором. Это такая антенна в чехле, девять метров длиной самая маленькая.

— Эх ты, — потухла Леро. — То есть, только с машины?..

— Да. Либо с орбиты, либо локально, но однозначно не своим прибором, — Кламнат тронул полусферу на шлеме.

— Ну, а почему ты не можешь его получить с орбиты?!

— Потому что мне неоткуда его получать! Здесь нет ни одного стационарного зонда. Спутника, если по-вашему. На таких точках обычно вешают временный — если почему-то нужна поддержка когда уйдет базовый борт. Временный тухнет сам по себе, когда кончается сессия. И такое бывает редко, потому что обычно хватает сессии со своей машины.

— Ну так вот! Со своей машины! Почему свои не сбросят тебе этот твой тэ-гэ-эс, с орбиты?

— наших нет, Леро. Говорю же тебе, база ушла! В Галактике много проблем.

— То есть... Вас тут просто бросили, чтобы вы тут сами, с этими...

— Да. Будет через шестнадцать суток.

— А почему вам не оставили зонд, какой-нибудь, маленький? Все-таки? — Леро снова посмотрела в небо. — Бросили вас, и даже тэ-гэ-эс нет?

— Говорю же, расчетный срок операции — трое суток. И тех остальных, — Кламнат кивнул на юг, — всех, уже собрали в банку и засолили. Это мы с тобой здесь играем в войнушку. На свой страх и риск.

— А связь как же? А следить как же?

— Связь ведется в эр-диапазоне — ему ретрансляторы не нужны в принципе.

— Ну, а следить как же? За этими? — Леро обернулась назад, где, где-то далеко за кряжем, находился рудник.

— Для этого спутник не нужен. Есть много других способов. Кстати, более эффективных. Так вот. При ноль-ноль-два-пять я рассчитываю, что на таком удалении моя защита — сто пятьдесят шесть.

— Тринадцать в запасе?

— А тэ-гэ-эс актуальный — ноль-ноль, скажем, два-восемь. Моя защита будет только сто сорок. При том, что шесть метров в край — зэ-эн-пэ.

— ?!

— Зона нестабильного определения. Как повезет. Второкурсники по этому пункту

всегда получают двойки. Они считают, что им повезет.

— А тебе везло, хоть раз?

— Леро, — Кламнат опустил голову и посмотрел на нее без улыбки. — Ты балда. У вас ведь так говорят? Я жив до сих пор потому, что никогда не рассчитываю на везение. У меня есть оптика, — он тронул стереомат, — есть прибор, — он тронул полусферу на шлеме. — Ну, и мозги, — он тронул сам шлем.

— Ну не ругайся, ладно, — Леро вздохнула, присела на корточки, посмотрела в землю. — Я просто устала. Я так устала, вообще, что хочу умереть. А ты не разрешаешь! И даже шоколадки не дал.

— Шоколад вечером, как привалим.

— Ну, а куда сейчас? Если без тэ-гэ-эс? Как без нее, вообще?

— Как минимум учитывать, что показания могут врать — сильно. Есть специальный режим для таких ситуаций. Если им осторожно пользоваться — осторожно... Вперед.

Они пошли. Кламнат двигался медленно, останавливаясь на каждом перекрестке гребней и исследуя конфигурацию, прежде чем выбрать очередной поворот. Они прошли так еще около часа, как калейдоскоп кратеров-блюдец закончился — Кламнат остановился на последнем гребне, который расплывался в равнину. Черные камни пестрели по новой плоскости в своем прежнем ритме.

— Разумеется, — Кламнат невесело усмехнулся. — Двойной фактор лучше всего контролировать там, где он возникает.

— Опять? — Леро похолодела.

— Они там, — Кламнат указал стволом на восток, — и там, — он перевел ствол на юг.

— А тэ-гэ-эс...

— А тэ-гэ-эс мы не знаем.

— Мы, — улыбнулась Леро и взяла Кламната за руку. — Исправляешься...

Кламнат, не отпуская Леро, двинулся вниз. Они добрались почти до подножья отлогой стороны гребня, как с юго-востока пришел разряд. Кламнат замер и после того, как сфера защиты рассеялась, долго стоял, уставившись стереоматом в пространство. Затем медленно двинулся к северу, влево, обходя палец гребня с востока. Дойдя до точки, равноудаленной от трех ближайших каменных групп, две из которых были выше, он снова надолго замер. Затем обернулся вверх и назад, на гребень, откуда они спустились. Затем снова посмотрел на восток. Затем снова долго стоял и молчал.

— Леро, я в тупике, — сказал наконец он. — Сто пятьдесят четыре, сто пятьдесят девять, сто шестьдесят четыре.

— Минус двенадцать?..

— Это по умолчанию.

— А если снова на этого? — Леро оглянулась назад. — Он ведь струсит, струсит опять!

— Во-первых, два раза подряд не везет. Во-вторых, если они поменялись? Это обычная тактика, говорю... Экстраполятор, — Кламнат тронул стереомат, — просчитывает а-пэ-о достаточно быстро. Поэтому группа обычно меняет комплекты, через какое-то время. А может только просимулировать. Тогда еще хуже — пока система не пересчитает а-пэ-о заново, — он посмотрел на Леро.

— Ну, а вдруг повезет? Все-таки? Второй раз?

— Леро, ты просто правда устала. Назад, — он дернул ее наверх, на вершину гребня.

Леро, давно не помня себя от усталости и оцепенения, закарабкалась по крутому здесь

склону — если бы Кламнат не волок ее за руку, которой она не чувствовала, она бы скатилась вниз. Почти на самом верху она ударилась коленом о камень, вскрикнула, дернулась. Потная ладонь выскользнула из перчатки; Леро покати́лась вниз. Она скатилась к подножию и застыла в черном песке.

— Лежать, тварь! — раздался ликующий вопль. — Лежать, говорю!

Леро подняла голову. Из-за валуна, буквально в пяти-шести метрах на север, выскочил тот, другой, — который с косоглазым, тогда на поляне... Он был в таком же комбинезоне, как тогда косоглазый, — очень похоже на Кламната, — только ни ранца, ни карабина, ни черной полосы-панели на шлеме. В руке у него было хорошо знакомый Леро разрядник. Ствол оружия нацелился Леро в грудь.

Сверху пришел разряд. Кламнат стоял черной статуей на фоне угрюмого неба, ствол поднят. По жару огня, каким полыхнул излучатель, Леро поняла, что мощность разряда была максимальной.

Но камень — двухметровый валун, из-за которого возник привидением этот, второй, и который отгородил его от разряда — остался несокрушим. Разряд, не тронув матовый черный бок, разлетелся слепящими жгущими искрами.

Тогда Кламнат бросился вниз, словно нырнул, упал в трех метрах от Леро, сдвинул кольцо браслета. Придурак в комбинезоне вспыхнул неярким факелом, в секунду сгорел и растворился без следа.

В ту же секунду непонятно откуда пришел новый разряд. Сфера защиты — Леро оказалась почти на самой границе — на этот раз полыхнула так ярко, ударила по чувствам так больно, что Леро ослепла, оглохла, потеряла сознание.

* * *

— Привал, — сказал Хайдег.

Он присел к камню, прислонившись спиной, вытянул ноги. Гуммо черной грудой рухнул в трех метрах, полежал, поднялся на четвереньки, подполз, волоча карабин, позвякивающий такелажем. Привалился спиной рядом, застонал.

Было поздно. Сгустились липкие сумерки. Уступчатое плато закончилось; впереди во мрак на востоке простиралась равнина, на которой не было ничего — ни камней, ни деревьев, ни травы — только дресва и щебень. На севере голая плоскость упиралась в уступчатый склон — плато забирало к востоку и растворялось в недоступной для оптики дали. Отдохнув, Хайдег поднялся, долго сканировал антураж, затем снова упал, откинулся спиной к валуну.

— Пять километров как по столу. Нехорошо.

Гуммо в ответ промычал нечленораздельное.

— Расслабься, — Хайдег усмехнулся. — Никого нет и до утра не будет. Завтра день хода — и выйдем к крайним скалам, — он посмотрел в восточную тьму. — Там снова эта проклятая ерунда, — он стукнул локтем валун за спиной, — но это все. Предгорья кончаются. Дальше — река и джунгли.

Гуммо замычал.

— Да, Гуммо, но ты только не нервничай. И там еще трое суток, по этим джунглям, и мы на точке. Или даже двое, если спустимся по холмам — по тому коридору. Только вот нам надо успеть первыми. А успеем мы только в каком случае? Правильно.

Гуммо заворошился. С трудом скинув ранец, он стал его открывать. Провозившись пару минут, он бросил ранец, откинулся спиной к камню. Хайдег хмыкнул, открыл клапан на ранце, достал пайковый брикет, сунул, не открывая, Гуммо в зубы. Тот долго сидел не двигаясь, затем заворошился снова, распаковал брикет, откусил, зачавкал. Хайдег сдернул клапан аптечки, достал контейнер, вытащил блистер, отделил капсулу, засунул Гуммо в рот:

— Глотай. Иначе не дашь спать до утра.

Гуммо вскоре перестал стонать, и вскоре затем уснул. Когда стемнело совсем, облака разошлись; небо засияло звездами, Хайдег поднялся снова и снова долго стоял, изучая равнину. Затем вернулся на место и быстро уснул.

Проснулся он на рассвете, когда облака уже появились, и желтый жемчуг здешнего солнца разлился по унылому покрывалу неба. Он встал, сделал пару шагов, разминаясь, и замер. Уходящей на восток пустоты, которая вчера обещала легкую, наконец, дорогу, не было. Вместо нее бесконечной стеной простиралась полоса странных оплывших столбов. В высоту столбы были от трех до пяти метров, в ширину — от метра до двух; поверхность их была черно-зеленой — такого цвета здесь встречались только листья кустарника, в том обрае, с той стороны хребта, — и тускло блестела.

Странные образования стояли так густо, что протиснуться между ними могла только кошка. Частокол стоял идеально правильно; некоторые столбы отклонялись от вертикали, касаясь соседей, но исключения только подчеркивали дьявольскую геометричность. Рассеянный свет, падавший с облаков, очерчивал круглые вершины столбов мягким контуром; у корней этого странного леса царил черно-зеленый мрак.

— Это что за новости? — Хайдег сделал пару шагов и остановился, подняв стереомат.

— Гуммо! — он обернулся, подошел к Гуммо, растолкал, вздернул за такелаж на ноги. — Проснись. Кажется, мы меняем маршрут.

За ночь, тем более после капсулы, Гуммо восстановился — взгляду вернулось осмысленное выражение. Он долго стоял, разглядывая частокол, затем хмыкнул:

— Это что — за ночь?

— То есть ты помнишь, что здесь было вечером?

Гуммо долго молчал.

— Это камни.

— Почему ты так думаешь? — Хайдег посмотрел на Гуммо и хмыкнул еще раз.

— Я не пойду.

— Куда?

— Это камни. Их надо сжечь.

Хайдег взгляделся Гуммо в лицо, подошел, покрутил ладонью, проверяя рефлекс.

— Гуммо, очнись, — он опустил ладонь. — Нам идти и идти.

— Это камни! Их надо сжечь!

— Если камни, почему похожи на огурцы? Мне, Гуммо, не нравится, что они появились за ночь. Поэтому мы ничего делать не будем. В идеале, ничего даже трогать...

Хайдег, тем не менее, направился к крайнему столбу, остановился в трех метрах, подобрал кусок щебня и бросил в матово-блестящую стенку.

— Он пустой, — сказал Хайдег, прислушавшись к звуку. Затем бросил камень еще раз.

— Во всяком случае, там не то, из чего сделаны стенки... Гуммо, меняем маршрут.

— Это камни. Их надо сжечь.

Гуммо вскинул карабин. Хайдег бросился прочь от черно-зеленых столбов, упал на землю и распластался. Раздался приглушенный хлопок. Хайдег подождал десять секунд, огляделся, поднялся. На месте крайнего столба, в который он кидал камни, торчал обугленный пень-обрубок. В воздухе над пнем росло густое облако точек — они парили, дрожа и вибрируя, хаотично двигаясь, но не покидая пределов облака, которое раздувалось и поглощало все больше пространства. Гуммо стоял в шести метрах от сбитого «огурца» и смотрел в этот рой.

— Гуммо! Ты сбрендил очень не вовремя.

Хайдег поднялся, подбежал к Гуммо, собираясь отдернуть в сторону. В этот момент облако роящихся точек, распухнув, коснулось Гуммо. В пару секунд весь рой подтянулся к Гуммо и собрался вокруг. Хайдег замер на месте. Гуммо закричал.

— Кажется, я знаю про такую штуку.. Видел что-то такое в Три-три-один. Это семена, Гуммо, не парься.

Семена быстро осели на Гуммо, превратив его в неуклюжее вздутое чучело, почти безрукое, безногое и безголовое. Гуммо заорал, пытаясь стряхнуть с себя плотную липкую сеть, но только нелепо топтался на месте, едва шевеля руками, и кричал как помешанный.

— Там тоже растут какие-то пузыри... Когда созревают — лопаются только тронешь. И выпускают все семена на какую-нибудь тварь. А тварь их разносит. Тоже липнут всем роєм... Гуммо, кретин, не ори. Не поможет.

Хайдег подошел ближе и оглядел липкий кокон. Внимательно присмотревшись, он поднял ствол и осторожно потрогал бугорчатую поверхность.

— Гуммо, кретин, не двигайся. Семена какие-то странные — живые... Или нет, Гуммо, — он убрал ствол и оглядел прилипшую к нему чешуину. — Это даже не семена. Это

личинки. И тебе лучше от них избавиться пока они маленькие.

Гуммо, наконец, перестал орать и стоял, не двигаясь, неким лесным чудовищем. Хайдег надвинул на нос стереомат, просмотрел схему.

— Вот здесь есть река. Течет с гор — значит, течет с кислотой. Рукав той, которую мы переходили. И попробуем по ней пройти. Из-за вашего кретинизма у меня осталось двенадцать явных зарядов. Двенадцать!

Хайдег озабоченно оглядел статус-табло карабина.

— Если у него под крышкой останется хотя бы на один больше... Мне всегда везло на дегенератов. Не мычи, идиот. У тебя под крышкой еще немало, но — повторяю! — это ничего не значит. Особенно если учесть, что счет в данный момент пятнадцать-тринадцать, Гуммо, — ты в курсе? Не в нашу пользу. У нас в легионе даже самые поганые трусы так не сволочили заряд — как ты. Это я, например, про того паука — там, за хребтом. А он жарит и не жалеет! Повторяю, батарейка у него — не эта сопля, которую ставят в патрульный комплект.

Хайдег стукнул стволом карабина Гуммо по ранцу.

— Мой расчет только на то, что у него уже протухшая схема. Особым на операцию дают трое суток, и этого им всегда хватает. Даже на таких дегенератов, как ты. Поэтому они и Особые. Наша толпа давно в аккуратной кучке — можешь не сомневаться, — а мы тут играем в жмурки. Хотя на тэ-гэ-эс мне тоже рассчитывать не приходится. Она и так плохо живет, а здесь вообще болтается как шарик в периметре. Но вот схема у него без кое-каких деталей, и без существенных. У него схема с орбиты, а у меня локальная. Ты, Гуммо, в курсе, какие это дает преимущества? В общем, нам сейчас надо пройти через это, — он оглядел частокол угрюмых столбов. — А там он свое получит. Ладно... С тобой и так разговаривать — что с чучелом, а сейчас тем более.

Они двинулись вправо на юг, вдоль черно-зеленой стены. Кожура «огурцов» играла тусклыми бликами. День разгорался, время шло, Хайдег торопил Гуммо, но тот едва двигался, едва переставляя облепленные личинками ноги. Наконец, уже в полдень, они вышли к реке. Это был неширокий, метров тридцать, желто-серый поток; он глухо булькал по камням, рассыпая тусклые брызги и испуская прозрачный дымок. Хайдег, подталкивая стволом, подвел Гуммо к воде и заставил войти по горло. Личинки пару минут держались, но затем начали отцепляться; поток уносил их прочь, и минут через двадцать Гуммо выбрался из воды без посторонней помощи. То, что осталось на шлеме и стереомате, Гуммо содрал руками; отмыл перчатки в маслянистой воде, упал на прибрежную гальку спиной, раскинул руки и ноги.

Хайдег не дал ему отдохнуть и снова погнал вперед. Поток рассекал чащу зеленых столбов извилистой трещиной. Они шли по левому берегу — вернее, у самых столбов по колено в воде, стекавшей по материалу костюма мутными жирными каплями. Гуммо брел спотыкаясь, падая на четвереньки, роняя карабин, который втыкался стволом в каменистое дно, поднимался, брел снова, чтобы снова упасть через полсотни метров.

Когда температура достигла дневного максимума, из леса столбов стал доноситься треск. Хайдег внимательно оглядывал черно-зеленую стену, ожидая новых проблем. Проблема явилась с неожиданной стороны — сверху. Хайдег, наконец, посмотрел в небо и увидел, как на высоте метров двенадцати плывет, дрейфуя по ветру, огромный столб-огурец. Пока Хайдег соображал, чем это может закончиться, столб разорвался, и туча личинок стала распространяться в воздухе.

Это произошло в двадцати метрах по курсу; Хайдег остановился, ожидая, куда понесет адскую сеть ветер. Личинки понесло навстречу — облако распухало и вот-вот должно было коснуться реки. Хайдег окрикнул Гуммо и бросился вправо. Облако поравнялось с ним когда он оказался в дымящей воде по горло; сеть личинок пронеслась мимо. Гуммо спасло то, что он в очередной раз оступился и рухнул на четвереньки — сеть личинок проплыла не задев никого. Хайдег поднялся, подошел к Гуммо, выдернул из воды, подтолкнул, пошел дальше.

Теперь каждый раз, когда над полосой реки появлялся очередной столб, Хайдег и Гуммо отходили по пояс в воду и садились, погружаясь почти по горло — глубже было нельзя, комплект был обычный, негерметичный, с неинтегральным шлемом. Гуммо, который все с большим трудом контролировал происходящее, пару раз набрал за ленту воротника кислотной воды и жил только за счет очередной капсулы.

В таком режиме идти пришлось до самого вечера. Когда опустились очередные сумерки, черно-зеленая масса кончилась так же внезапно, как началась. Поток плавными петлями стремился дальше вперед и терялся в наступающей с востока ночи. Хайдег и Гуммо не останавливались — надо было отойти от моря взрывающихся столбов как можно дальше. Они выбрались из воды только когда облака начали расходиться и на небе появились звезды. Хайдег даже не стал сканировать антураж; пропустив эту обязательную перед привалом рутину, он включил сторожевой прибор и уснул.

* * *

Утром он осмотрелся и обнаружил, что они наконец вышли на крайнее в предгорьях плато. Еще день пути, и они должны будут выйти к той цепи скалистых холмов, за которой скрывалась река. Они спустились достаточно низко — равнину покрывали кусты с плотной бокаловидной кроной; кусты теснились друг к другу сбитыми группами, по-прежнему составляя главную трудность для ландшафтного боя. Но в радиусе обнаружения было пусто. Хайдег подождал, пока Гуммо, который проворочался и простонал всю ночь, придет в себя и поднимется, сунул ему очередную капсулу, и они двинулись дальше.

Капсула скоро подействовала; Гуммо перестал стонать и кряхтеть и шел, переставляя ноги как автомат. Вскоре появились черепахи.

— Гуммо, — Хайдег остановился и обернулся. — Ты слышишь? С этими тварями поосторожнее. Не вздумай стрелять! У них в панцире и в чешуе есть пара соединений... Если пальнешь карабином, будет хуже чем с пауком. Наш друг задетектит тебя до миллиметра. К тому же, на штатной мощности ты его не прострелишь. Голову с первого раза ты не пробьешь, а она сразу спрячется. Как понял?

— Понял, — Гуммо отмахнулся вяло. — Не буду я в них стрелять...

— Вот и умница, — Хайдег отвернулся. — Без экспериментов. На этот раз спасти тебя я не буду.

— А что с ними такого? Черепахи как черепахи. Они съедобные хоть?

— Если решишь проверить — подождешь, пока я уйду.

— Ты не бросишь меня. Ты говорил. И вообще...

— Что вообще? — Хайдег обернулся снова.

Гуммо не отвечал. Он смотрел в сторону черепахи, неспешно передвигающейся между кустов метрах в семидесяти.

— Может, и брошу? Пользы от тебя — минус один. Там внизу, в джунглях, один пропадешь. Это так, сто сорок шесть процентов. Но с тобой я, похоже, не просто один, а реально минус один.

— Ну, бросай?

— В смысле, тебя пристрелить? Но это же тратить заряд. А про заряды я тебе говорил. До точки доберется тот, у кого на этот самый заряд больше. Дело идет к тому.

Хайдег отвернулся и направился в обход очередной группы кустов. Здесь, с северной стороны хребта, растения были другого рода — тугие сухо блестящие ветви сплетались как волокна мочалки, и сплетения имели четкую внешнюю форму, будто подстрижены виртуозным садовником. Группы кустов были похожи на букеты бокалов, выращавших ножками из одного пучка — волокна мочалок унизаны маленькими треугольными листьями. Между такими букетами было метров по тридцать-сорок; в свободном пространстве иногда образовывались коридоры, вдоль которых было видно далеко вперед, до самого горизонта. На востоке под небом уже виднелась полоса скалистого кряжа — за ним протекала река, и за ней начинались джунгли.

Хайдег шел торопясь — пусть они сильно забрали к югу, он все равно хотел перестраховаться и добраться до скал как можно быстрее, надеясь занять контролирующую позицию у подножия. Гуммо едва тащился — Хайдег постоянно останавливался и окрикивал. Равнина отлого стелилась вниз, и, наконец, они опустились так низко, что осточертевший нейтрализатор можно было содрать насовсем и не дергать туда-сюда, как только появлялся прогноз атаки. Гуммо поднял стереомат и шел, бессмысленно пялясь по сторонам.

За очередным букетом бокалов-кустов появилась огромная черепаха. Гуммо замедлил ход еще больше, подошел к черепахе метров на шесть и остановился.

— Гуммо, вперед! — окрикнул Хайдег, остановившись также и обернувшись. — Соберись!

— А они съедобные? — Гуммо подошел к черепахе и стукнул стволом в сверкающий панцирь.

— Гуммо. Я бросаю тебя и иду.

Из-за кустов с другой стороны неторопливо подплыла вторая. Она остановилась рядом; огромная сплюснутая голова обернулась и дружелюбно оглядела Гуммо. Тот повернулся к новой и также стукнул карабином в панцирь.

— Кретин, — сказал Хайдег и отвернулся.

Черепahi спокойно глазели на Гуммо. Первая медленно развернулась и приблизила голову, словно ожидая подачи. Гуммо вращал головой между животными и вдруг осатанел.

— Что смотришь, сука? — он ударил животное в нос прикладом.

Голова неуклюже отдернулась. Черепаха, помешкав, стала отворачиваться. Гуммо прыжком догнал голову и ударил прикладом еще раз. Вторая черепаха, вмиг переступив шестью лапами полтора метра, переместилась к Гуммо и ударила головой под зад. Гуммо шлепнулся и закричал. Первая повернулась назад и резким ударом огромного носа отшвырнула Гуммо на несколько метров. Карабин отскочил на полметра страховки и звякнул.

— Хайде!..

— Гуммо! — Хайдег, увидев, как Гуммо тянется к карабину, прыгнул вперед. — Не стрелять, идиот! Не прострелишь! Получишь рефлекс — костюм не поможет... Кретин...

Хайдег не добежал — первая черепаха с неожиданной ловкостью переместила голову и ударила в пах. Хайдег согнулся и рухнул, успев заметить, как вторая обрушила такой же удар лежащему Гуммо в живот. Удары были настолько концентрированы и сильны, что

кинестазис костюма с ними не справился; Гуммо заорал и затих. Хайдег встал на четвереньки и замер — голова черепахи смотрела в упор; было件нятно, что приблизиться к Гуммо она не даст.

— Пусти меня, — сказал Хайдег. — Я заберу карабин и уйду. А вы делайте с ним что хотите.

Он пополз на четвереньках к Гуммо. Черепаха не нападала, но вела за ним головой. Хайдег обернулся — вторая также, с настороженной угрозой, вела огромную голову вслед. Хайдег дополз до Гуммо, который лежал без движения, сцепил карабин с такелажа, осторожно поднялся на ноги.

— Ухожу.

Медленно пройдя между двумя фиолетово-серыми головами, настороженно следящими черными блюдцами глаз, Хайдег отошел на безопасное расстояние и обернулся. Гуммо по-прежнему лежал без движения между животными. Черепахи потеряли к Хайдегу интерес и обернули головы к Гуммо. Потыкав его носами, они отвернулись и неспешно побрели дальше своей дорогой — первая проползла мимо Хайдега и скрылась за ближайшей группой стволов под букетом ветвистых бокалов, вторая неторопливо уползла в противоположную сторону.

Хайдег дождался, пока черепахи исчезнут, вернулся к Гуммо, пнул ботинком, перевернул. Гуммо застонал и пошевелился. Хайдег пнул еще раз. Гуммо закопошился, собрался, поднялся, уселся.

— Суки... Вот суки ведь, суки...

— Они тебя пожалели, кретина — не обзывайся.

— Как больно... — Гуммо застонал, потирая живот.

— Да, такой удар весит немало. Да еще вдруг вот так, — Хайдег хмыкнул. — Поднимайся, — он снова пнул Гуммо и швырнул ему ствол.

— Как больно... — Гуммо поднялся только с третьей попытки. — Суки, поганые, сволочи...

— Заткнись, праведник. Это во-первых. Во-вторых, я тебе говорил. Это на вид они тупые и неповоротливые. Вообще они развивают шестьдесят километров в час. Если тебе неизвестно. А биодинамика у них такая... От импульса боли до полной группировки в панцирь — шесть десятых секунды. При том, что весят под полторы тонны. А ты, как я понимаю, не в курсе, каков минимальный интервал накопления на этой модели? — Хайдег повертел карабином. — Увы, Гуммо, хреново быть идиотом. Если в локальном бое не отключаешь очередь — наслаждаешься своим вторым же разрядом. Рефлекс, как тебе, может быть, неизвестно, теоретически может равняться разряду. А разряд, Гуммо, получен не откуда-то из под радиуса. А вот он, тут, рядом и свеженький. Первый рефлекс твой барьер разливает и уходит в глубокое накопление. Ты в курсе, что бывает вообще? Когда получаешь разряд в интервал накопления? Правильно, Гуммо, — очень часто играешь в плазму. Оно, Гуммо, вообще так. Чем ближе источник разряда, тем глубже пробой. А тут, считай, поджариваешь сам себя. Вероятность игры в плазму зашкаливает за сто сорок шесть процентов. С какого курса Академии тебя прогнали? Ах, это не тебя, это Камбетэ. Земля ему пухом.

— Нам еще долго?..

— Это зависит от тебя, Гуммо, — хмыкнул Хайдег. — Мы здесь в гостях, и встретим еще не одну. Знаешь, иди впереди. Если решишь пристать еще к одной... Я тебя пристрелю

сразу, чтобы больше никаких эксцессов. Только не забудь выйти из радиуса, — Хайдег поднял на Гуммо ствол. — Ну! Встал и пошел. Впереди.

— Хайде!.. — Гуммо уставился на карабин, затем на Хайдега. — Ты...

— Встал и пошел. Ну! — Хайдег ткнул стволом Гуммо в грудь.

— У меня тоже. Есть. Ствол, — Гуммо сжал рукоять карабина.

— Ну, так стреляй. Охотник на черепах. Ну?

Гуммо молчал, не разжимая руки.

— Встал и пошел. И быстро. Я тебе говорил, что после такой пачки по этому панцирю мы засветились конкретно. Он теперь скорректируется и где-нибудь схватит приоритет. Нет, я тебя все-таки пристрелю. Что я с тобой разговариваю, вообще?

Они шли весь день, петляя между кустов; восточный кряж приближался. За день им встретилось еще несколько черепах; Хайдег каждый раз предупреждал, что если Гуммо вздумает к ним подойти, то Хайдег заряда не пожалеет. Когда надвинулись сумерки, заросли бокалов-кустов закончились, Хайдег и Гуммо вышли на бугристую плоскость. Вершины бугров поросли пучками полупрозрачной травы, которая сходила на нет к подножиям, обнажая темную серость камня.

Хайдег остановился, Гуммо стал рядом, тупо оглядываясь. Впереди, метрах в пятнадцати, пространство между буграми пересекла черепаха. Гуммо стоял и таращился вслед скрывшейся черепахе, Хайдег озабоченно изучал антураж.

— Привал, — сказал наконец он. — Устал и не соображаю. А антураж самый левый. Это называется «дисперсные группы объектов на базе блюдчатой плоскости». Кам, прости его Космос, уже должен был знать... Поднимаемся вот на этот, — он указал стволом, — и спим.

Гуммо, звеня карабином по гравию, заполз на верхушку бугра и рухнул. Хайдег был уже наверху; пару минут он стоял, все также осматриваясь, затем, наконец, скинул ранец, присел в колючий ковер травы.

— Гуммо, если завтра будешь так же тупить, мы погибнем, — он открыл клапан, достал новый брикет, распаковал, откусил. — Антураж левый, дальше, — он кивнул на восток, жуя, — еще хуже, чем было. Спуститься с предгорий можно только здесь. Завтра мы их обязательно встретим. Как понял? Ты слышишь вообще, кретин?..

— Понял, заткнись... — Гуммо поднялся на четвереньки, с трудом скинул ранец, привалился к нему спиной.

— Ты хотя бы сиди на месте, куда посажу, — усмехнулся Хайдег скривившись. — Как минимум больше шансов выжить. Если еще не понял.

— Понял, заткнись, — Гуммо с третьей попытки отодрал клапан, выдернул свой паек, разодрал упаковку, зачавкал. — Сколько еще идти?

— Это зависит от тебя, если еще не понял.

Они молча дожевали паек, улеглись в стеклянной траве и уснули.

* * *

— Пока никого, — сказал Хайдег. Он стоял на вершине бугра, в очередной раз осматривая горизонт. — Мы хорошо забрали на юг. Теперь, Гуммо, главное — не просволочить запас.

— Не просволочим, — угрюмо отозвался тот снизу. — Сколько еще?

— К вечеру будем, — Хайдег подхватил ранец и, хрустя стекловолоконистой травой, стал спускаться.

— Будем где?

— В скалах.

— В каких скалах?

— За которыми та река.

— Какая река?

— Та.

Хайдег спрыгнул со склона, ткнул Гуммо стволом.

— Вперед.

Они шли и шли, петляя между бугров. Каждые пятнадцать-двадцать минут Хайдег поднимался на очередную вершину и делал очередной скан. Антураж был спокоен; можно было идти дальше, не меняя направления и не сбавляя скорости. Хайдег спускался, подталкивал Гуммо стволом, они шли дальше. Гуммо вскоре снова перестал реагировать на окружение и шел, механически переставляя ноги и уставившись в точку перед собой. Стало темнеть; Хайдег сделал очередной обзор; Гуммо очнулся, посмотрел на вершину, с которой спустился Хайдег.

— Что ты носишься, как шарик в периметре?.. Мы же их хлопнули, там, — он махнул вялой рукой на запад.

— Очнулся? Может быть, хлопнули. А, может быть, нет. Ты видел био? Парный разряд. В общем — ноль шансов, да, только ты знаешь, что такое уравнение эффекта воздействия? Чем дальше под радиус, тем больше роль внешних факторов. В частности, тэ-гэ-эс. Ты, кстати, знаешь, что такое тэ-гэ-эс? Прости, конечно, за глупый вопрос. Вперед, — Хайдег воткнул ствол Гуммо в спину.

Наконец, цепь скалистых холмов приблизилась и выросла над поросшими стеклянной травой буграми. Хайдег взбежал наверх для очередного осмотра и на этот раз стоял дольше обычного. Гуммо, проскучав вниз, вскарабкался тоже.

— Ну? — сказал он безучастно, оглядываясь.

— Там ход, про который я говорил, — Хайдег указал на юго-восток. — Про который ему неизвестно. Сворачиваем.

— Спасибо Животному за такую четкую схему, — вяло гикнул Гуммо. — Будет земля ему пухом.

— Я бы на твоём месте не веселился. Земля пухом должна была быть тебе. Ты считал, сколько раз?

Они спустились, пошли. Хайдег свернул на юго-восток, и через час они вышли к подножию скалистой гряды. Свернули на юг, двинулись параллельно цепи сплюснутых скал и шли еще час. Затем Хайдег снова изменил маршрут; свернув на восток, он стал пробираться вверх по склону, с трудом выбирая дорогу в крупном отломе. Гуммо, ругаясь и возмущаясь, потащился за ним.

Они выбрались в небольшое ущелье между крутыми боками холмов и двинулись, переступая через зубья разбитого камня. Гуммо спотыкался, падал, ронял карабин, подбирал; скулил, ныл, ругался. Наконец Хайдег свернул направо в узкий проход; протиснувшись, они выпали в коридор, уводивший на юг сквозь скалистый массив кряжа. Они шли какое-то время, стиснутые с боков коричнево-серым камнем, пронизанным мелкодисперсной породой, которая светилась и бросала сухие искры, пронзающие полумрак тусклыми звездами. Вдруг Гуммо завизжал как резаный.

Хайдег обернулся — Гуммо стоял, замерев, в шести метрах, вскинув ствол карабина.

Посередине между ним и Хайдегом в камнях затаилась змея. Черное туловище с цепочкой бледно-фиолетовых звезд тускло блестело. Раздвоенный хвост замер над камнем, обе головы нацелились в Гуммо. Гуммо визжал; тошнотворный визг резонировал в каменном коридоре и бил по ушам.

— Не стрелять! — заорал Хайдег. — Кретин! Ты в комплекте! Не стре...

Гуммо всадил разряд. Хайдега отшвырнуло; он, успев сбросить стереомат (чтобы не сцепило с шлема) и не успев поэтому сгруппироваться, воткнулся головой в скалу. Полминуты он лежал, не в силах пошевелиться; затем, с третьей попытки, поднялся на четвереньки, затем на колени; сел, прислонившись спиной к стене. Осмотрел костюм — визуальных повреждений нет; огонек статуса в поле стереомата — «норма», зеленый. Затем огляделся — камень метров на двадцать в каждую сторону был обуглен; в месте, куда вошел фокус разряда, дымилась воронка. Остывающий камень трещал.

Хайдег, шатаясь, встал — Гуммо лежал навзничь, метрах в десяти за воронкой. Хайдег добрал до недвижимого тела, ударил ботинком в бок. Гуммо не подавал признаков жизни.

— Кретин, — сказал озабоченно Хайдег. — Не мог подождать хотя бы до завтра.

Он посмотрел на восток, в стену тоннеля. Там, за хребтом и рекой, совсем уже близко, начиналась низина и джунгли, в которых — три дня хода, если поворачивать прямо здесь, — скрывалась дежурная станция.

— Нет, это я кретин. Надо было его обесточить к дьяволу. Одному все-таки будет проще. Чем с таким идиотом. Только где брать не-идиотов? — он ткнул Гуммо еще раз, со злостью. — Выбрал себе компаньонов. Взял бы лучше Животное, земля ему пухом. Один был хоть какой-то вменяемый.

Он пнул Гуммо опять. Тот зашевелился; Хайдег схватил его за грудной клапан и вздернул. Гуммо встал на колени и сразу упал, ничком, как набитый мешок. Хайдег оглядел зеленый огонь статус-табло костюма, посадил Гуммо снова, сорвал клапан аптечки, вытащил голубой контейнер, достал баллон.

— Я не понимаю, почему тебе так везет. Ты даже панель как следует не нацепишь! Или ты так и не понял, что значит эта мигалка, там в уголке? У тебя щель в полтора метра, ты в курсе? Ты хоть что-нибудь видишь? Закрой глаза, идиот, — он поднял стереомат Гуммо и пустил струйку пены в пространство между панелью и фланговыми щитками. — Как ты вообще жив остался... Кстати, — он оглядел статус-табло карабина, — еще одна долька... И тебе, на таком расстоянии, не помог бы никакой комплект.

— М-м-м... — стонал Гуммо.

— Сиди, пока не впитается, — Хайдег засунул баллон обратно, щелкнул клапаном. — Охотник на пресмыкающихся.

Он упал к стене и замер, прислонившись спиной к камню. Гуммо дополз до стены, уткнулся шлемом в камень, застыл, зашевелился снова, скрючился, подтянув ноги, при всем этом не переставая кряхтеть и стонать.

— Заткнись, — не вытерпел Хайдег. Он поднялся, подошел к Гуммо, ткнул в бок ботинком. — Удивляюсь, откуда у меня столько терпения.

— Ты не бросишь меня... — простонал Гуммо.

— Не брошу, не брошу, — Хайдег посмотрел вверх, в полоску пустого неба между стенами коридора. — Сдохнешь сам. Может быть, уже этой ночью. Со следующей кислотой.

* * *

Утомительный коридор, после долгого спуска, вылился в небольшую долину,

обрамленную овалом каменных зубьев, основания которых были источены, будто подмытые снизу. Под этой стеной рассыпалась чешуистая крошка, бросая в отсвете вечернего неба угрюмые искры. Хайдег оглядел изъеденный камень, посмотрел в небо, затем поднял стереомат и оглядел антураж невооруженным глазом. Обернулся к Гуммо, который тащился вслед шатаясь и спотыкаясь.

— Веселое место, — он обвел стволом периметр чешуистой крошки. — Мы сейчас на дне блюдца. Когда пойдет кислота, здесь будет, я понимаю, по горлышко. А стекает сюда все так резво, что даже камень здесь не выдерживает, — он снова указал на подточенные основания зубьев. — Поэтому быстро вперед, — он перевел ствол по курсу, где вдали, в противоположном конце долины, расплывалось в вечернем сумраке устье нового коридора.

Он зашагал вперед, рассыпая трескучее эхо шагов по овалу сумрачных стен, и вскоре остановился перед расселиной, коловшей дно блюдца-долины бездонным мраком. Гуммо подтащился вслед, застыл, пошатываясь, у кромки обрыва, бессмысленно завертел головой. Хайдег долго сканировал стереоматом противоположный обрыв, оглядывая стены.

— Плохо, — обернулся он, наконец, к Гуммо. — Порода везде тягучая, фиксатор может поплыть, — он тронул подцепленный к ранцу мост. — Пошли к стене, может быть, поймем что там.

Он свернул вправо и зашагал вдоль расселины. Гуммо, так же пошатываясь и так же бессмысленно озираясь, так же спотыкаясь и так же постанывая, поплелся за ним. Когда стена оказалась рядом, он шлепнулся на колени, перевалился на бок и замер в россыпи крошева.

— Не спать, — Хайдег пнул Гуммо ботинком. — Кислота может рухнуть в любую минуту. Ты знаешь, как здесь это бывает. А здесь, говорю, будет так весело... Что без гермокомплекта просто выкопай себе могилу сразу. И поглубже, — он взрыхлил ботинком изъеденную породу.

Расселина здесь вонзалась в каменную стену, рассекала ее узким каньоном, продолжалась и растворялась в опускавшейся ночи, теряясь из вида уже в тридцати метрах. В стереомат было видно, что в поле зрения она не имела конца, нигде не сужалась, и перебираться через нее так или иначе нужно было по воздуху. Хайдег долго сканировал породу у основания и, наконец, выбрал место, куда можно было рискнуть воткнуть фиксатор моста.

С первой попытки фиксатор вернул неопределенный ответ и отцепился. Хайдег вытянул трос из черной бездны и воткнул фиксатор на три метра справа. Огонь снова запульсировал красным, и Хайдег снова потащил трос вверх. Мост закрепился только с пятой попытки, и то вернув ограничение по весу и по динамике. То же самое было и с этой стороны провала.

— Дьявол, — Хайдег покачал головой. — Надо быть осторожным, крайне... Ты, Гуммо, вообще как мешок с, прости, сам знаешь чем. А сейчас... — он оглядел лежащее скрючившись тело. — Ты слышишь? Я иду первый.

Хайдег высвободил темляк, просунул руку в петлю, осторожно повернул кольцо и медленно двинулся по натянутой струне моста. Фиксаторы по обеим сторонам расселины пронзали мрак опускавшейся ночи тревожными желтыми точками. Хайдег, застыв, избегая малейших движений, медленно двигался над черным расколом. Когда он миновал половину дистанции, противоположный фиксатор вспыхнул красным. Механизм заблокировал ход, и Хайдег повис в пространстве. Хайдег рискнул подтянуть трос, рассчитывая обмануть обстоятельства за счет уменьшенной амплитуды раскачки. После недолгого колебания

фиксатор вернул положительный результат; статус снова замерцал желтым, и Хайдег продолжил медленное движение.

Наконец он осторожно ступил на камень с другой стороны провала.

— Гуммо! — позвал он. — А ну, встал! Слышишь, кретин?

— Заткнись, — едва отозвался Гуммо. Он кое-как поднялся на ноги, подошел к краю, остановился, высматривая цилиндр, который неспешно скользил по неразличимой струне обратно.

— Гуммо, повтори что я говорил. Ты соображаешь, что вообще происходит?

— А что происходит?..

— Какого цвета сигнализация?

— Какая сигнализация?..

— Гуммо. Сцепи стереомат и посмотри на меня. Сцепил? Посмотрел? Своими родными глазами? Видишь, куда направлен мой ствол?

— Какой ствол?..

— Или ты сейчас крайне — крайне! — осторожно цепляешься и пересекаешь препятствие... Или я тебя, наконец, убиваю. Просто так я тебя там не брошу, мне нужна твоя батарейка.

— Хайде, я больше не потерплю, чтобы ты надо мной издевался.

— Ух ты! Какая долгая, сложная, осмысленная фраза. А как так?

— У меня тоже есть ствол.

— И что?

— Я тебя тоже убью. Наконец.

— Не надо, Гуммо. У нас осталось мало зарядов.

— А ты? Будешь тратить заряд? Где логика?

— Гуммо! По-моему, это называется не логика, а шизофрения. И самое плохое, что я с тобой тоже становлюсь шизофреником. Мне на самом деле надо тебя быстрее убить. Из соображения собственной безопасности. В радиусе я тебя замочу на минимальной мощности. Ты это знаешь? Хреново быть необразованным идиотом. От шести до двенадцати метров, Гуммо, — хватит и минус трех... Ладно, хватит болтать! Меня эти ясли уже резко достали. Я еще никогда не болтал столько, как с вами... Взял мост. Ну!

Гуммо вцепился в цилиндр.

— Кретин, — сказал Хайдег без выражения, посмотрев на горящие желтым огни за спиной и над головой Гуммо. — Я, кажется, тебе сказал. Крайне осторожно. Крайне! Отпусти мост. Дальше я иду один. Отпустил мост! Ну!

— Не отпущу.

Хайдег хмыкнул и опустил ствол. Гуммо помешкал, повернул кольцо и покинул обрыв. Кольцо он ввернул сразу в упор, пропустив буферные позиции; механизм, пусть учитывал нестабильность фиксации, на такой вандализм, тем не менее, рассчитан не был, и Гуммо начал движение с критическим моментом старта. Фиксатор со стороны Гуммо вспыхнул красным и запульсировал; шлемы продублировали сигнал зуммером, и Гуммо, заорав, ухнул в неопределенный мрак.

Хайдег успел схватиться за трос со своей стороны и сумел удержаться на ногах, когда вес Гуммо дернул его к обрыву. Трос проскользил в перчатках, спица фиксатора ударила в пальцы. Хайдег застыл, упав на колени и стукнув прикладом карабина в крошево эрозии под ногами. Гуммо, поорав еще пару секунд, затих.

— Если бы не твой комплект, — сказал Хайдег без выражения, — в частности, твоя батарейка... Я бы, наверно, давно со всем этим покончил. Удивительно, почему ты еще жив, и я тут с тобой... Не двигаешься! — он подтянул трос, доводящий судорожные телодвижения Гуммо.

— Хайде, тяни!..

— А у нас впереди еще одна нескучная ночь с кислотой.

— Хайде, тяни же!..

— Нам еще искать пещеру, чтобы дожить до утра...

— Хайде, тяни же, урод!..

— Потому что, друг Гуммо, — Хайдег поднялся с колен и стал отходить от обрыва, вытягивая скулящего Гуммо, — тут никакой комплект уже не поможет.

— Хайде, тяни же, урод, я убью ведь!..

— Здесь, друг Гуммо, будет по горлышко... Ну, мне так кажется... — Хайдег продолжал пятиться, скользя подошвами в податливом крошеве. — Это тебе не полянка с черепашками...

— Хайде, тяни же, урод, я убью ведь тебя, убью!..

— Вот, друг Гуммо, ты уже и свихнулся. Я тебя уже вытащил, ты в курсе?

Гуммо выкарабкался из провала, вскочил на ноги, поскользнулся, упал, вскочил снова, бросился от края, завяз в чешуинах-крошках, упал снова.

— Хайде, ты сволочь... Ты сволочь... Сволочь... — он затих.

— Я пошел, — Хайдег собрал мост. — Спокойной ночи. Дьявол, так ведь и самому с ума можно сойти. Без шуток, — он хмыкнул, вернул мост на место. — Рекомендую, кстати, натянуть нейтрализатор... — он повел носом воздух. — Пока наш друг далеко. Иначе скоро закашляешь кровью. А еще искать крышу.

* * *

Весь следующий день они шли по узкой долине-коридору, отграничивающей параллельные кряжи, сверкавшие под тускло-фиолетовым небом яркими колкими медно-золотыми огнями. За день перекинулись несколькими словами — Гуммо молчал, тупо переставляя ноги, взметая кислотные брызги высыхающих луж, по-прежнему безостановочно спотыкаясь и временами падая на колени. Хайдег посматривал на статус группы питания Гуммо. Автомат констатировал повышенный расход энергии на механизм кинестазиса, благодаря которому Гуммо еще не превратился в калеку с раздробленными коленями, — Хайдег только хмыкал и качал головой.

— Гуммо, — не выдержал он наконец, когда день уже подходил к концу. — Перестань постоянно падать. Батарейка у тебя не бездонная. Особенно учитывая сколько ты ее, прости термин, уже прогадил.

Гуммо не отвечал. В очередной раз он споткнулся посреди очередной лужи и свалился на четвереньки; замер едва не клюнув в кислотную грязь. Хайдег присел рядом у камня, наблюдая безучастно за тем, как Гуммо, не поднимаясь на ноги, выкарабкивается из едкой жижи. Оказавшись на камне, он упал ничком, звякнув стволом карабина, и долго находился в таком положении, не шевелясь, только тяжело дыша. Хайдег поднялся, подошел, потыкал Гуммо ботинком.

— Теряю ощущение реальности, — сказал он в пространство. — И уже не верю, что где-то остались нормальные люди, — он ткнул Гуммо еще раз и отошел.

— Ничего... — отозвался вдруг Гуммо. — Дойдешь до точки... Будет тебе там

нормальный...

— Не поверишь, Гуммо, — обернулся Хайдег, — как я этого сильно хочу. Не представляешь, насколько один вменяемый оппонент лучше десятка невменяемых компаньонов. По жизни, Гуммо, вообще.

— Сколько еще... Идти...

— Тебе этого лучше не знать.

— Сколько еще идти?

— Вставай, и пошли.

— Сколько еще идти, ты, сука?.. — Гуммо оторвался от камня, поднялся на колени, навел ствол на Хайдега.

— Два дня, Гуммо. Устроит? Ночь спим, день идем. И еще раз — ночь спим, день идем. Согласен?

Гуммо поднялся на ноги, постоял, шатаясь, побрел. Они продолжили путь, и вскоре искрящийся коридор, круто свернув налево, вывел их на другую сторону цепи холмов. Они оказались над узким балконом-плато, бегущим вдоль подножия цепи, загибающей здесь на восток и затем, в четырех километрах справа, снова забирающей к югу. Надвинулись очередные сумерки; перспектива размазалась мраком, но было видно невооруженным глазом, что за балконом, который имел в ширину триста метров, мрачнеет океан джунглей.

— Пошел, — Хайдег воткнул Гуммо ствол между лопатками. — Ну!

— Туда?.. — Гуммо обернулся назад, помешкал, повернулся вперед снова. — Опять?..

Хайдег, не отвечая, ударил Гуммо ботинком под зад. Гуммо заковылял вниз, спотыкаясь, падая, хватаясь за обломки породы, звеня карабином по камню. Они пересекли плато; Гуммо остановился у края крутого спуска и обернулся снова. Хайдег, оттолкнув Гуммо, прошел вперед и начал спускаться, прыгая по отломам, срывая потоки щебня, скользя и пытаясь сохранить равновесие. Наконец он оказался внизу, на неширокой полосе берега. За спиной зазвенел карабином Гуммо — прикатился кубарем через десять секунд и распластался на гальке.

Они оказались на берегу реки, которая отделяла предгорья от покрытых лесом низин. Поток шириной двести метров струил тяжелую воду с севера, глухо булькающую на мелководе. Угрюмые джунгли на том берегу стелились бесконечной лентой, разделяя мир на две половины — скальную и лесную. Хайдег подошел к воде, вошел по колено в вязкую жидкость, нагнулся, вдохнул.

— Гуммо, не парься, — он выпрямился, вернулся на берег. — Река с севера. Даже когда придет кислота, вода будет чистой. Может быть, только слой сверху. Сейчас даже этого нет, — он нагнулся, подобрал камень и бросил в черную воду. Камень погрузился в толщу, на мгновение задержавшись на поверхности — будто упругой пленке. — Вперед.

— Туда?.. — Гуммо стоял, пошатываясь, и пялился в тягучий поток.

— Гуммо, — сказал Хайдег жестко. — Ты свой мост потерял. Река — двести метров. Поток достаточно быстрый. Плюс к тому, что вода в полтора раза плотнее обычной. Мы доберемся до середины вон там, — он указал на юго-восток, — а дальше берега как такового нет. Вода уходит в деревья, и, скорее всего, дальше до самых болот. По схеме — «не определено»... Поэтому сразу, как только достанет, я выпущу мост, — Хайдег указал на стволы, видневшиеся на том берегу. — Вперед!

— Не пойду, — сказал Гуммо.

— Как хочешь, — Хайдег отвернулся и вошел в воду. Он погрузился почти по горло,

когда Гуммо заговорил снова. Хайдег обернулся — Гуммо стоял на прежнем месте, подняв на Хайдега ствол.

— Хайде. Ты не бросишь меня, — ствол нацелился Хайдегу в грудь.

— Я сделал все, чтобы не бросить тебя. А ты тупишь, как сосунок на тэ-гэ-эс-симуляторе.

— Ты не бросишь меня.

— Я беру тебя за шиворот и перетаскиваю на тот берег, — Хайдег высунул из воды руку с мостом. — Вперед!

— Не пойду, — сказал Гуммо. — Мы не дойдем, — палец на спуске дрогнул.

Хайдег нырнул. Разряд, чиркнув о шлем, разлетелся о воду снопом белых комет. Вспышка озарила берег, черную фигуру Гуммо у кромки воды, полыхнула сетью прозрачных зайчиков по черной поверхности, отразилась строем вертикальных полос на стволах за рекой. Хайдег отплыл под водой на несколько метров, сбалансировал мощность разряда, вынырнул, выстрелил в Гуммо. Тот упал как подкошенный, головой в воду.

Хайдег подошел, нагнулся, отцепил карабин, повесил себе на шею. Гуммо заворочался, застонал. Хайдег сорвал с ранца клапан, вытащил группу питания. Гуммо приподнялся на локтях, снова упал лицом. Лишившись питания, костюм потерял гидрофобность, стал пропитываться водой, которая, несмотря на вязкость, впитывалась быстро и глубоко. Хайдег выпрямился, потер пальцами — пленка воды на перчатках держалась как намагниченная. Хайдег хмыкнул и качнул головой.

— На этот раз повезло мне, — он снова нагнулся, отцепил арбалет, перевесил на свой такелаж, пнул Гуммо ботинком. — Гуммо! Или встаешь и мы идем дальше. Или остаешься здесь. Я вытащил твою батарейку — так сволочить заряд больше нельзя! Отдам если очухаешься и перестанешь себя вести как... А пока помокни, подумай, как правильно себя вести. Если уж воткнулся к большим мальчикам... Знаешь, вообще, что за такой сволочизм у больших мальчиков делают? — он снова ступил в черную воду. — Я, конечно, кретин, что не забрал батарейку раньше... Да и ствол у тебя было бы неплохо забрать. Три локальных заряда! Только я о-пэ-вэ-бэ, Гуммо, не нарушаю. Поэтому жив до сих пор, — он пнул Гуммо снова. — Повторяю в последний раз. Или встаешь, или остаешься здесь.

Гуммо поднялся.

— В эту воду, Гуммо, нельзя стрелять под таким углом. Хотел убить — воткнул бы палку из арбалета. Только стрелу запитать не забудь, это тебе не паук... Чтобы пробить костюм. Тебя даже двоечником не назвать. Ты неграмотный идиот.

— Подожди, — промычал Гуммо.

С трудом рассекая вязкую воду, он догнал Хайдега и вцепился в ранец. Хайдег поплыл, стараясь держать шлем над водой. Течение повлекло тягуче, неодолимо — пересекать поток удавалось под острым углом, добраться даже до середины казалось почти невозможно. Гуммо, одной рукой впившийся в ранец, другой пытался грести, болтал ногами, но в результате огромной пиявкой только тянул на дно. Он окунул шлем несколько раз; вода проникла в костюм, который и так уже начинал промокать. Наконец, Хайдег пересек мертвое расстояние, навел мост и отстрелил фиксатор. Спица улетела во мрак; фиксатор надежно вошел с первого раза, и через минуту Хайдег с Гуммо были на берегу. Гуммо в изнеможении рухнул на глину. Хайдег вздернул его за клапан воротника.

— Отойдем от воды. Там будешь сохнуть...

Хайдег сбросил на нос стереомат и вошел в лесной мрак.

* * *

Леро очнулась, когда был день и привычно-унылый свет сонно стекал с облаков. Несколько минут она лежала, соображая и вспоминая, затем с трудом поднялась на колени, стала оглядываться. Здешнее солнце стояло почти на юге, рассылая своей размазанной кляксой привычный грязно-желто-жемчужный свет — он растекался между пятен черных камней, покрывавших равнину с востока. Леро окинула взглядом бескрайний пепельно-черный ковер. Ей подумалось, что каждая группа глыб когда-то была одним здоровенным камнем — который со временем, под действием солнца, ветра, дождей раскололся, разъединился, раскрылся лепестками причудливого цветка. Времени, можно предположить, прошло очень немало — Леро вспомнила, как почти максимальный разряд разбился о такой вот фрагмент — вот он, в трех метрах, даже ни пятнышка...

Кламнат! Леро обернулась на запад. Кламнат лежал под самым подножием гребня. Она вскочила с колен — и сразу упала. Ноги почти не чувствовались, не держали. Попыталась ползти на четвереньках — то же самое. Пару минут посидела, растирая руки и ноги, сгибая и разгибая. Наконец смогла встать и доковылять до Кламната. Подошла, упала на четвереньки. Прошептала:

— Без паники...

Кламнат лежал на боку. Карабин, угрюмо мерцая кольцами такелажа, лежал у Кламната под рукой. Огонек мерно мигал желтой звездочкой — теплой, приветливой и уютной среди бескрайнего холодного черного камня. Леро поежилась — очередная капсула кончилась, болезненная чувствительность возвращалась; по мере того как Леро приходила в себя, ей становилось хуже. Боль ощущалась тупо, от количества полученных травм тело саднило насквозь. Леро почувствовала, что ее начинает трясти.

— А я не знаю, какую таблетку взять... — Леро посмотрела на ранец. — Хорошо, хоть не холодно, — она оглядела изодранный кусок материала, который когда-то был опрятным нарядным платьем. — Скоро разлезется, пойду вообще голая... Да ладно. Все равно никто не видит, пока. Хорошо, что все-таки это купила... Крепкое, не обманули...

Она присела, склонилась над Кламнатом.

— Он сказал, что если не очнется через сутки... — Леро подняла голову в небо. — А сколько я пролежала? Сутки прошли или нет?

Тогда она расцепила клапан на воротнике, как показывал Кламнат в лесу, когда она подстрелила непонятно кого. Леро подумалось вдруг — как она изменилась, за эти каких-то несколько дней! Тогда, пять дней назад (или сколько уже? Леро потеряла счет времени), ей действительно хотелось узнать, что это было. Сейчас тот переход по лесу почти потерял реальность; только факты — видела, слышала, было больно... Никаких эмоций, как будто тогда в том лесу была не она. Или это сейчас уже не она? Какая разница — что там было?

— Дура, — Леро усмехнулась горько.

Она сцепила эту плоскую металлическую коробку, сдвинула квадратик задвижки, достала маленький черный диск. Он оказался тяжелым, гладким — и теплым. Леро задумалась — куда приложить диск. Кламнат лежал повернув голову; между щитком шлема и лентой воротника образовалось пространство. Леро просунула пальцы, долго щупала и, наконец, ощутила прозрачное биение пульса. Приложила диск, потрогала — диск перемещался по коже, но отодрать его было, кажется, невозможно. Аккуратней приладила к

месту, где пульс ощущался сильнее всего. Поднялась, огляделась, решила взобраться на гребень и осмотреться оттуда. Кламмат сказал, что диск будет работать сутки; надо исследовать место, чтобы хоть как-то что-то предполагать — что откуда может возникнуть.

Леро отцепила самый знакомый клапан на ранце — вытащила плитку пайкового шоколада.

— Кламмат, я возьму кусочек, ладно? Маленький... А потом ты очнешься, съедим еще по кусочку, вместе. Попробуй только не съесть! Не любит он шоколад. Вот тебя надо еще воспитывать, все-таки...

Леро вытерла слезы, поднялась, посмотрела наверх — здесь не подняться. Обошла палец гребня, закарабкалась там, где они вчера (или когда там?) спустились. Поднявшись, выпрямилась во весь рост — закашлялась.

Ветер, холодный и хлесткий, принес с востока знакомую едкую вонь. Леро всмотрелась в мутную перспективу. На востоке, пока еще над горизонтом, небо пересекала тяжелая желтовато-сажевая полоса — она раскинулась с севера, через весь мир, на юг, над бесконечной чередой скалистых холмов, за которой, как говорил Кламмат, заканчивались предгорья, начинались джунгли и с ними, чуть дальше, болота низин. Леро показалось, что под полосой полыхают прозрачные аметистовые огоньки (молнии?), но расстояние пока было очень большое, а воздух — по-странному непрозрачен. Леро осторожно вздохнула еще раз — и еще раз закашлялась.

— Мамочка, — прошептала Леро. — Это что, и есть кислота? Она точно придет раньше, чем через сутки...

Она посмотрела вниз, на Кламмата, лежащего у подножия гребня.

— Надо ведь что-то делать... Тогда...

Она оглядела равнину, бесконечную сеть рассыпанных глыб. Ей показалось, что в одном месте продолговатые «лепестки» образуют некое подобие шалаша, в котором можно укрыться. Леро бросилась вниз и, увязая в черном песке, побежала, чтобы осмотреть находку. Основания каменных плит заросли таким же черным кустарником, от которого рассыпались колючие ветки, соря черной треугольной листвой. Леро, не разбирая дороги и не обращая внимания на очередные уколы, быстро нашла своеобразный цветок, сложенный лепестками камней, но осмотрев вблизи, убедилась, что укрыться под ним не получится.

Она побежала назад, снова взобралась на гребень, снова стала осматривать местность. Ей показалось, что полоса желтовато-сажевых туч распухла, стала ближе, надвинулась. Успокаивая себя, что это лишь кажется, в таком воздухе на таком расстоянии, Леро обернулась на запад и стала смотреть, в отчаянии, — нельзя ли где-нибудь спрятаться там. Но там не было ничего и быть не могло — впадины, которые превратятся в огромные кислотные лужи; гребни, с которых в эти лужи хлынет поток.

Ветер приходил с востока порывами; характерная вонь с каждым разом ощущалась все жестче. Дышалось пока терпимо (если не дышать глубоко), совсем не так, как под небом на крыже, когда каждый вдох отдавал болью в груди, животе, голове. Но что будет уже через пару часов? А к вечеру? Леро подумала, что «к вечеру», наверно, не будет уже ничего. Полоса туч вырастала; глупо пытаться себя убедить, что ей это «кажется».

— Спокойно, дура, — голос дрожал.

Леро еще раз внимательно оглядела группы камней. Вон там, метрах в двухстах дальше, похоже, есть еще вариант... Леро, снова сбивая пальцы, бросилась вниз. У подножия рухнула на колени, вскочила.

— Все ногти переломала, — заплакала Леро, оглядев кровь на ногах. — Что за дура такая... — она нагнулась, потрогала сколотые края. — Обрезать ведь нечем...

Она подбежала к Кламмату, внимательно осмотрела его, чтобы все было в порядке, побежала искать камни. Побежала и заблудилась; долго бегала между черными «лепестками», пытаясь сопоставить расположение групп с картинкой, которую видела с гребня. Драгоценное время текло. Наконец Леро нашла нужные камни. Здесь было, похоже, как надо — почти плоские плиты камней склонились друг к другу в некое подобии домика; одна словно подпирает другую — край верхней выдается метра на два, образуя навес-козырек; щель между плитами, таким образом, была нестрашна.

И вроде как надежная крыша, и достаточная ширина плит — но ведь всегда найдется такое, что все испортит. Как раз перед удачными плитами равнина начинала спускаться. Леро уже поняла, что это будет не просто кислотный дождь. Это будет кислотный ливень, ливень как из ведра — с кислотой. Дышать становилось трудней уже здесь, внизу.

Укрытие должно быть такое, чтобы не было никаких щелей. Нужен какой-то чехол, колпак — чтобы не было щелей. Комплект у Кламмата негерметичный — он говорил, что герметичный потребляет столько энергии, что здесь его применение не оправдано, несмотря на кислотное окружение. Нужно либо часто обновлять группу питания, либо работать в зоне индукции. К тому же «сессия» должна была закончиться до кислотных дождей... Про Леро и говорить нечего.

Она оглядела цепь скалистых холмов на востоке — здесь, где равнина начинала отлого катиться вниз, они были видны хорошо. До них было полдня быстрой ходьбы — уже можно было быть там и найти какую-нибудь пещеру... Леро посмотрела назад на запад — крайний гребень маячит над камнями, две сотни метров — дотащит за десять минут... Только толку. Снова обошла-оглядела каменное укрытие. Больше ничего не было. А время идет. Она посмотрела в восточное небо. Время идет.

Она побежала назад. Обогнув очередные обломки, Леро чуть не врезалась в черепаху, неторопливо пересекающую пространство между камнями. Купол — три метра в диаметре и полтора в высоту — медленно плыл черной глыбой, играя серо-фиолетовым перламутром узора, радостным в безликой черноте антуража.

— Ой, лапочка! — Леро остановилась, подпрыгнула. Затем подошла ближе, потрогала сверкающую поверхность, стукнула костяшками пальцев. — Какая у тебя обалденная шкурка! Такая красивая и... — она посмотрела в восточное небо, вдохнула воздух, от которого уже снова начинало жечь в легких. — Нам бы такую...

Леро, перескакивая через лапы, обогнула купол панциря, присела у головы. Черепаха остановилась, обернулась, уставив на Леро черные блюдца глаз. Леро погладила чешуины кожи, такие же гладкие и сверкающие, как покрытие панциря, шлепнула голову по круглому носу, поднялась.

— Ладно, я побежала... Надо что-то делать. Я побежала!

Черепаха проводила Леро плавным движением головы, продолжила свою дорогу. Леро добежала до гребня, подбежала к Кламмату. Она ощутила, как отчаяние сжимает рассудок, вытесняя выдержку и соображение — ей захотелось куда-нибудь побежать, неважно куда, — в надежде на то, что там «что-нибудь, может быть, будет». Она снова взлетела на гребень, снова уставилась на восток. Полоса надвигалась. Воздух набряк липкой едкостью; Леро сразу закашлялась, а отняв руку от губ, расплакалась снова — кровь открылась опять.

— Живало, живало... — говорить она не могла, снова получалось только шептать —

полушептать-полухрипеть. — Ну что же мне делать?

Она сорвалась вниз, схватила Кламмата под мышки и потащила к каменному шалашу. Карабин волокся, звякая такелажем — эхо рассыпалось вокруг, подчеркивая тягостную тишину. Протащила метров тридцать, упала без сил. Подхватила снова, снова поволокла, снова упала; снова, снова и снова. Промучилась, наверное, полчаса, а одолела сто метров... Только все равно — толку?..

Домчавшись дотуда, где она встретила черепаху, Леро упала, прислонилась спиной к камню, вздрогнула. Заплакала — тащить не оставалось ни сил, ни смысла... Интересно, где эти черепахи живут? У них ведь есть какой-нибудь дом, какая-нибудь нора, просто какое-нибудь укрытие? Они приспособлены к кислоте, им этот дождь — Леро подняла голову на восток — просто водная процедура...

А как они выхаживают потомство?.. Яйца, наверно, кладут в особенном месте, или закапывают?.. Или у черепашек сразу такая же шкура, такой же стойкий к кислотным осадкам панцирь?.. Или они вылупливаются в сухой сезон... Потом, к кислоте, подрастают и гуляют себе где угодно... Когда начинается дождь, просто прячутся в панцирь... Глаза, уши, всякие другие физиологические отверстия... Которым нужна защита от кислоты... Или кожа на лапах и голове все-таки не такая, как панцирь... Несмотря на монолитную чешую...

Леро почувствовала, что засыпает — и засыпает как-то неправильно, как-то не так, как надо, — не засыпает, а отключается, теряет сознание — мягко, покойно, растворяя боль, обжигающий звон в голове... Похоже, система устала справляться с болью и напряжением... Да еще капсулы... Кламнат ведь говорил, что много их принимать нельзя... Только когда терпеть действительно нету сил, когда мешает просто идти... Сейчас Леро отключится, и укрытие никому не будет нужно... Надо собраться, собраться и встать, встать и идти, идти и искать... Ведь не может быть так, чтобы ничего не нашлось... Обязательно что-то найдется... Что-то придумается...

* * *

Леро очнулась. Пару секунд соображала, где находится, что вокруг. Оглядела плиты камней, увидела лежащего под ними Кламмата. Вскочила, вдохнула, схватилась за грудь — в легких полыхнуло огнем. Черная поверхность камней стала сочнее, покрывшись пленкой конденсированной из воздуха кислоты. Кламнат, там, наверху, говорил, что около скал дышать легче, потому что камень собирает росу; перед фронтом, который насыщает перед собой воздух, камни будут конденсировать кислоту до тех пор, пока она не начнет стекать.

Мост крепился на ранец слева. Кламнат лежал на левом боку; Леро перевернула его на правый, сцепила черный цилиндр с первой попытки. Кламнат не показал, как пользоваться мостом, но Леро помнила, как Кламнат работал кольцами. Она прижала холодную трубку к груди, огляделась. Вот следы черепахи, в черном песке, в обломках палых стеблей, в россыпи иссушенных треугольников-листьев.

Леро нагнулась над карабином. Желтый теплый огонь пульсировал в мерном ритме. Леро долго смотрела на усыпляющий огонек и почувствовала, что сейчас снова потеряется и упадет. Она сняла карабин с такелажа, выпрямилась, огляделась, посмотрела в глухое небо. Тучи сгущались. Восток почернел; фронт был уже близко. Леро сдвинула ползок разряда. На всякий случай, сказал тогда Кламнат. Всего семь позиций. Какую выбрать? Чтобы все получилось, с первого раза...

Леро выбрала третью, посередине. Затем побежала, стараясь дышать часто и мелко. Стержни стеблей захрустели под истерзанными босоножками. Леро подумалось — какой

замечательный материал этот пробковый бук; лес такого был в ста километрах от дома, на берегу больших ледниковых озер, куда она ездила несколько раз, в одиночестве... Когда это было, и было это вообще? Замечательный материал, выдержал весь этот ад, и, может быть, продержится до конца... До какого конца?

Черепаша оказалась неподалеку. Она брела своим сонным шагом, неспешно вращая сплюснутой головой, подолгу останавливаясь перед тем, как свернуть в обход новых камней. Леро обогнала животное, остановилась. Черепаша обернулась к Леро; черные блюдца глаз смотрели спокойно и безмятежно. Леро упала на колени, заплакала. Бросила мост, карабин, закрыла лицо руками.

— Ну что же такое... Прости меня, ладно? Прости...

Леро сидела и плакала. Черепаша ткнулась холодным носом Леро в мокрую щеку. Прикосновение было легким, живым, ласковым. Леро обняла огромную голову.

— Прости меня, девочка... Ладно? Что же такое... Что же мне делать... Девочка, ты простишь меня, ладно? Простишь?..

Она взяла мост, карабин, поднялась, отошла. Черепаша смотрела на Леро. Перламутр на чешуинах кожи переливался волшебными искрами, панцирь также мерцал чудесным симметричным узором, разгоняя тяжесть и мрак — казалось, что здесь, рядом с ней, было легче дышать.

Леро подняла карабин. Рука дрожала. Слезы застилали глаза. Леро опять опустилась в колючий ковер стеблей; черепаша плавно двинулась к ней, но Леро вспрыгнула, отскочила. Черепаша остановилась, не сводя блестящих ониксов глаз, моргнула.

— Не смотри! — Леро почти закричала. — Не смотри, дура! Ну пожалуйста, не смотри... Отвернись там, куда-нибудь...

Леро стала обходить черепаху, но та плавно вела головой вслед за ней.

— Ну что же такое! — Леро топнула. Ну не смотри... Ну что же мне делать... Ну не смотри сюда, девочка...

Леро отошла на несколько метров, подняла ствол, долго держала дрожащей рукой, опустила.

— Я не могу! — закричала она черепахе. — Отвернись, дура! Я тебя сейчас тресну! — она замахнулась стволом. — Я не могу так!.. Ну что же мне делать!.. Зачем я раньше не сдохла, сама...

Она стояла, опустив руки, под чернеющим небом. Дышать стало уже невозможно; огонь в легких пылал, хотелось кашлять, только кашлять было так больно, как не было никогда в жизни. Леро вспомнилось, как однажды, когда она была совсем маленькой, они ездили всей семьей куда-то на отдых, и ее укусил песчаный паук. Тогда она пролежала целые сутки; все тело горело так, что было больно просто пошевелиться. А страшнее всего был свет — он бил по глазам с такой силой, что голова разрывалась на части. А потом еще четверо суток Леро промучилась в темной комнате — от любого движения глаз тело пронзало иглами, никакие таблетки не помогали... Леро казалось, что сейчас было больнее. Или она просто устала терпеть?

Леро вытерла слезы костяшками пальцев. Рука бессильно выпустила карабин; ствол звякнул о камень. Леро опустилась, подобрала оружие. Тут, наконец, черепаша что-то почувствовала или услышала — голова переместилась, животное посмотрело вперед, в полумрак между черными плитами. Леро, не помня себя от ужаса, навела ствол на ушную мембрану, которую обводил узор, текущий по голове от глаза, закрыла глаза и нажала на

спуск.

Разряд обжег вспышкой сквозь закрытые веки. Леро долго стояла, белые искры в глазах давно растворились, но она все стояла, не разжимая век. Наконец открыла глаза. Панцирь возвышался над слоем стеблей сверкающим куполом. Из-под панциря растекалось озеро темной крови. Леро смотрела на кровь и чувствовала, что сейчас потеряет сознание.

Тогда она бросила карабин, навела мост, повернула кольцо. Фиксатор впился в узор. Леро обошла панцирь, стараясь не наступать на кровь, наметила каменную плиту, повернула второе кольцо. Вторая спица со звоном вонзилась в камень, выдернув свою порцию троса. Леро повернула первое — до первого щелчка, осторожно. Трос натянулся, мост выскочил из дрожащей руки. Панцирь перевернулся, рывком проволока за тросом несколько метров, замер. Леро схватила цилиндр, повернула кольца назад; фиксаторы отцепились и вернулись на место. Леро бросила мост, побежала назад, к карабину.

Подняла карабин, задумалась. Перевела полозок разряда еще на позицию вверх. Подскочила к обломку камня, вскарабкалась, поскользнулась на влажной поверхности, обожглась о кислотную пленку, все-таки забралась. Ударила по сложенной в панцирь фиолетово-серой массе — лапы еще подергивались, голова была изувечена — обугленная масса кожи, плоти и кости. Разряд выжег туловище с первого раза. Когда чад рассеялся, перед Леро лежала только чаша пустого панциря; внутренний костный слой, с креплением лопаток, таза и позвоночника, выгорел вместе с плотью. От черепахи остался только несокрушимый слой панциря, который сохранял ее и от хищников, и от кислотных дождей.

Тогда Леро побежала назад к Кламмату. Схватила под мышки и, теряя последние силы, поволокла. Небо чернело все больше; на мокрой поверхности камня Леро почудились отблики молний. Легкие раздирали; Леро кашляла, от боли почти теряя сознание. Воздух насытился кислотой в такой степени, что до кожи было больно дотронуться; в глазах жгло непереносимо, слезы текли по щекам кипящими струйками.

Наконец вот он, панцирь. Леро подволокла Кламмата, опустила, метнулась за карабином (ведь может от кислоты испортиться?), метнулась и подхватила мост (он точно!), бросила рядом. Обогнула чашу панциря, ухватилась, пытаясь перевернуть. Панцирь перевернулся легко — лежал на выпуклой стороне, и сам оказался неожиданно легким.

Панцирь колпаком накрыл Кламмата. Вспышки молний бегали по узору жемчужными бликами, превращая купол в какой-то волшебный фонарь. Леро подскочила, рухнула на колени, просунула руки под панцирь, приподняла — нижний край оказался упругим и гибким, повторяя изгибы почвы, плотно прилегая к поверхности, намертво впиваясь в песок. Леро пролезла внутрь, скрючилась рядом с Кламматом. Она лежала, смотрела на огонек карабина, который снова стал желтым, думала — хватит ли под куполом воздуха? И вскоре забылась.

* * *

Леро очнулась. Долго лежала, соображая, где находится, что вокруг. Оглядела плиты камней, посмотрела на небо. Смотрела долго, не понимая — был день, но облаков не было. Безоблачное, непривычно пустое легкое небо было похоже на высокий матовый потолок — огромную световую панель, льющую с высоты светло-фиолетовый свет. Неба без облаков днем здесь Леро еще не видела.

Леро, продолжая оглядываться, привстала на локте. Черные плиты, торчащие в серо-фиолетовый потолок, снова отдавали сухим матовым блеском. Палых колючих стеблей и листьев не было — песок мерцал чистотой и даже какой-то свежестью. По обширным

наносам можно было представить, как потоки дождя неслись на восток, куда понижалась равнина.

Леро осторожно вдохнула — дышать было по-прежнему больно, но огонь в легких погас, просто саднило; если дышать осторожно, то кашель не впивался в грудь жгучей судорогой. Леро присела, оглянулась назад. Неподалеку лежал перевернутый панцирь. Леро смотрела на панцирь, и слезы снова потекли по щекам.

Из-за камней показался Кламнат. Увидев, что Леро очнулась, он подошел, присел, осторожно оттянул ей нижние веки.

— Все нормально, — он убрал пальцы, сдержанно улыбнулся. — Ожог легких — не самое страшное. Эта ерунда токсична и плохо выводится. А печень убивается на ура.

— Я убила ее, — сказала Леро, утирая запястьем слезы.

Кламнат секунду соображал, потом обернулся на панцирь.

— Я представляю, чего тебе это стоило, — он кивнул. — Теперь мне осталось ответить тем же... И мы с тобой будем контуберналы.

— Это как раз я ответила... Без тебя от меня бы давно ничего не осталось. Или уволок бы паук, или тот... Косоглазый... Контубернал — это как?

— Так на Флоте называются те, кто спас друг друга от смерти.

— Я и так к тебе прилепилась — не отдерешь. И не отлеплюсь теперь.

— Теперь моя очередь, — кивнул Кламнат. — По-настоящему.

Леро смотрела на панцирь.

— Я убила ее, — слезы не переставали течь. — У нее, наверно, где-нибудь черепашата... Ждут, ждут...

— Нет, — Кламнат взял Леро за руку. — Они кладут яйца после сезона.

— Ну да, наверно... Такого кошмара они, наверно, не выдержат. Им надо вырасти... Такой панцирь красивый. Такой легкий и такой... Неубиваемый! Я ведь в него стреляла, — она посмотрела на карабин, висевший у Кламната на обычном месте.

— На этой точке эволюция защитных средств пошла по физическому пути, — Кламнат поднялся, отошел к панцирю. — В материале образуются такие хитрые связи, что он не проницаем почти ничем. Самое интересное — чем сильнее воздействие, тем сильнее защита. Я думаю, что он выдержит даже максимальный разряд, — Кламнат положил руку на карабин. — С тех пор, как эту точку открыли, регулярно пытаются синтезировать что-то подобное, — он положил руку на упругий край панциря. — И, разумеется, без толку. Механизм связей понятен, свойства материала известны, а синтезировать не удастся. Его можно только расплавить или разбить. Расколоть как орех. Он необыкновенно прочный, но предел прочности, конечно, имеет... Леро, ты как? Надо дойти до холмов, у нас сутки, — Кламнат указал на восток. — Там есть пещеры, нужно успеть до дождя.

Леро с трудом поднялась.

— Дай таблетку. У тебя осталось еще? Или я всё уже съела? Твое тоже?

— Есть. И капсула, и шоколад.

— Вот и дай. Как хорошо, что зеркала нет, — сказала Леро, сделав пару шагов нечувствующими ногами. — Страшно подумать, на что я похожа.

— Не думай. А зеркало у меня есть.

— Тебе-то зачем? — Леро заулыбалась.

— Подумай, — Кламнат улыбнулся в ответ. — Есть такая штука, называется «самоосмотр». Дать?

— Не надо! — Леро перепугалась. — Потом как-нибудь... Может быть.

Кламнат протянул капсулу, шоколад. Леро проглотила капсулу.

— Потом, — сказала она, не распаковав новую плитку. — Там где-нибудь. Дальше...

Они снова пошли. Леро смотрела в небо — здешнее солнце оказалось непривычно большим; бледное, угрюмое, неприветливое — было странно, как лучи этого холодного диска могли как-то греть. Но они грели, и даже чуть-чуть припекали, и Леро была очень рада — она шла, нежась в прохладном тепле, и ей было лучше и лучше — капсула начинала работать, и настроение улучшалось, и шоколад, который Леро подолгу держала во рту и затем глотала маленькими глоточками, казался вкуснее всего на свете, что ей доводилось пробовать. Она шла, смотрела в фиолетовый потолок неба, на бесконечные лепестки плит вокруг, на черную спину Кламмата, шурилась на прозрачные зайчики солнца — прыгают по такелажу ранца, как по ряби мягкой воды — как на озере, около дома, где-то там, далеко...

Равнина шла под уклон, идти по вычищенному кислотой камню было легко. Леро шла и радовалась, просто так, — как хорошо, что у Кламмата есть эти капсулы; можно хоть на полдня забыть про всякую боль, просто идти и радоваться — тому, что на небе светит — пусть холодное, пусть чужое — но солнце, что идетя легко и спокойно, что эти придурки где-то там, вдалеке, и никто не стреляет, что впереди — только три шага — Кламмат.

— Клам, а почему нет облаков? — Леро догнала Кламмата и пошла рядом. — Первый раз такое.

— Я тебе потом покажу, как выглядит кислотный циклон с орбиты. Похож на галактику. Спиральные рукава, между ними пустое пространство. Как бы антирукава с высоким давлением.

— И долго мы еще будем? — Леро посмотрела в небо. — В таком рукаве?

— До вечера. Ночью опять будет дождь. Нам надо успеть до холмов.

Солнце поднималось все выше; воздух становился суше, дышать становилось легче. Равнина продолжала отлого стелиться вниз; впереди, над черными верхушками плит, вырастали сплюснутые вершины скалистой гряды. Полоса плоских конусов, отражая бледно-жемчужный свет, рисовалась четким узором на бледно-фиолетовом небе. Жемчужно-серая, в тон цвету солнца, гряда иногда бросала алмазные искры; по мере того как расстояние сокращалось, искры становились крупнее и ярче.

Холмы вырастали, отгораживая восточную половину мира. Вскоре равнина прекратила свой спуск и выкатилась к подножию. Черные камни закончились; Леро с Кламматом вышли на открытое место. Впереди, до самой подошвы плоского кряжа, простиралась блестящая плоскость. Небо, что отражалось в этом огромном зеркале, было плотнее, а перевернутая гряда — контрастней и ярче. Вся картинка — небо и искрящийся кряж, со своим отражением, полированно-металлическая поверхность зеркала — была странно прозрачной; все казалось каким-то льдистым, хрустальным, хрупким.

Кламнат сбросил на нос стереомат и долго вращал головой, рассматривая панораму.

— Нигде не пройти, — он поднял стереомат и обернулся к Леро. — Глубину отсюда, под таким углом на таком расстоянии, не измерить. Придется подходить вплотную. Дышать осторожно.

— Опять?.. — Леро похолодела. — Это что, кислота?

— Да. Обрати внимание на прозрачность. Она испаряется, и у паров — при такой комбинации внешних факторов — коэффициент преломления образует с ambientным необычный эффект. Как будто кусок пространства влит в некий особо прозрачный кристалл.

Кстати, поэтому реальное расстояние намного меньше, чем кажется.

— Опять кислота... А так все красиво... И небо здесь, правда, кажется выше.

Кламмат остановил Леро метрах в пятнадцати от кромки кислотного озера. Затем прошел вперед, вошел в вязкую черно-прозрачную жидкость почти по пояс. Это оказалось так далеко, что Леро испугалась — как бы он не пропал, оставив ее тут одну, пусть даже на полминуты... Долго стоял, осматриваясь по сторонам, развернулся, медленно прошел обратно.

— Нам повезло, — сказал он, вернувшись. — Искать дорогу в обход времени так или иначе нет, — он поднял руку на западный горизонт, к которому уже катилось бледно-жемчужное солнце. — Самое глубокое место — два метра, — он указал на восток, — и обойти его можно просто.

— То есть? — Леро не сообразила.

Кламмат стал на колени.

— Садись мне на шею. Осторожнее, я мокрый по пояс... И не вертись. Если свалишься, я тебя вытащу, но концентрация здесь слишком высокая... Получишь такой ожог — капсула не поможет. Будешь гореть. А если попадет в глаза...

— Хватит каркать! — Леро шлепнула Кламмата ладонью по шлему. — Попробуй только меня урони, индюк.

— Держись за прибор, — Кламмат поднялся и осторожно пошел.

— За шишку? Как? Она плоская...

Кламмат медленно шел, рассекая поверхность веером тяжелой волны. Леро не могла избавиться от ощущения, что сидит на дне огромной стеклянной чаши, искажающей перспективу диковинным образом. Искажение было слабым, почти незаметным, но угнетало глаза в такой степени, что голова начинала кружиться. Леро крепче вцепилась в шлем.

— Падаешь?

— Дышать тяжело. И голова кружится — в глазах все плывет.

— Здесь можешь вообще не дышать. А глаза можешь закрыть.

— Не закрою. Я такого никогда не видела. И, наверно, никогда не увижу. А буду падать — поймаешь.

Кламмат пересекал озеро плавной дугой — иногда блестящая плоскость почти доставала Леро до ног, но в общем глубина была ровной, Кламмату все время было по пояс, иногда по колено. Леро осторожно оглядывалась — цепь искрящихся конусов нависла над головой; казалось, что озеро давно должно было кончиться, но Кламмат все шел, а озеро не кончалось. Сплюснутый кряж не приближался, а словно бы вырастал, расползаясь на половину неба и расплываясь, теряя правильность очертаний слева на севере и справа на юге.

По кряжу бегали огромные сочные искры, полыхая в заходящем солнце оранжево-синим огнем. Небо на востоке, над сверкающим кряжем, темнело и, казалось, становилось выше. Вдруг стеклянная чаша вокруг рассыпалась. Кламмат вышел из волшебного озера, прошел пару десятков метров. Цепь холмов собралась, все вернулось к привычному виду. Искры на склонах сухо сверкали в жемчужно-оранжевом свете скользящего солнца; камень склонов словно парил над берегом, подсвеченный снизу лучами, которые отражались от плоскости кислотного моря. Леро не могла отвести глаз от игры холодного света.

— Слезай осторожно, — помешал любоваться Кламмат. — У нас максимум четыре часа. Новый фронт совсем рядом, просто не видно, — он указал на восток. — И мы под

кряжем, ветра здесь нет, иначе уже было бы трудно дышать. Надо подниматься и искать пещеру.

Леро спрыгнула; Кламнат поднялся с колен, осмотрел склон. Наметив дорогу, двинулся дальше. Они поднялись метров на сорок, когда облитый оранжевым жемчугом склон разошелся глубокой расселиной. Перед тем как погрузиться в фиолетовый сумрак, тоскливый и леденящий в контрасте с греющим светом заката, Леро остановилась и обернулась.

Сплюснутый диск светила повис в молочно-фиолетовом небе, почти трогая горизонт. Густо-оранжевый круг обводила корона — диск будто сиял с поверхности расплывчатой кляксы, посаженной на матовом бархате неба. Лучи, почти отлого стелившиеся вдоль земли, зажигали в сумерках яркие точки и крапинки. Далеко-далеко — цепочка огней-вершин кряжа, через который Леро и Кламнат перебрались трое суток назад; он стремился наискосок, с юго-востока на северо-запад, уменьшаясь и растворяясь в правой, северной половине мира. Чуть ниже — звезды-вершины тех конусов-пирамид, где они дрались в коридорах; еще ближе — черно-фиолетовая полоса; перед ней — мелкая россыпь искр, почти до подножия этого склона, откуда Леро смотрела, — гроздь черных каменных плит-лепестков, сеть которых закончилась перед кислотным озером. Безупречно гладкая плоскость леденела внизу, под ногами, странным образом отражая первые звезды — сверху, на небе, их еще не было видно.

На этот угрюмый холодный мир опустилось оцепенение, которое странным образом расслабляло, успокаивало, отвлекало. Леро стояла, нежась в холодеющих лучах заката, оглядывая бескрайнее царство созвездий, раскинувшееся под ногами на весь горизонт и угасающее вместе с солнцем, что опускалось в бездну... Наконец темнеющий оранжевый диск исчез. Океан огоньков под ногами потух. Опустились прозрачные сумерки. Ажурно-зубчатый горизонт отсекал сиренево-красное мерцание неба от густой черно-лиловой тени внизу. Кламнат, остановившийся рядом, тронул Леро за локоть. Они развернулись и погрузились во мрак расселины.

Искры звезд и облака туманностей, которые отсюда были видны очень ярко, струили хрупкий бриллиантовый свет. Стены ущелья, пронизанные загадочным минералом, сверкали в ответ небесам самоцветовой паутиной — когда глаза забыли свет заходящего солнца, им хватало этого бледного блеска, чтобы находить дорогу среди крошенных камней. Кламнат шел, останавливаясь у черных провалов пещер; направив стереомат, он изучал интерьер, шел дальше, исследовал новый вход, пока, наконец, не нашел что было нужно.

— Переночуем здесь, — он обернулся к Леро. — Она неглубокая, но дно внутри поднимается. Не утонем, — он указал на восток.

Леро посмотрела вперед — над дальним концом ущелья звездный ковер растворялся в неясном мраке.

— Ветер сюда не проходит, — кивнул Кламнат. — Можно дышать. Внутри вообще будет нормально, — он повернул и прошел под свод.

Они присели, прислонившись спиной к стене. Капсула переставала действовать; тело снова наливалось болью, камень пронзал вяжущим холодом.

— Дай таблетку... — язык еле двигался.

— Пока можешь — терпи.

Кламнат встал, отцепил карабин, снял ранец. Расстегнув клапаны, снял костюм, вывернул наизнанку и устроил из него подобие кресла — сиденье-подстилка на пол и

подкладка-спинка к стене. Леро пересела на плотную, какую-то как бы упругую ткань.

— Такой обалденный... Так тепло и уютно.

— Не выдумывай, — Кламнат отстегнул клапан на ранце. Во тьме засиял зеленый огонек статуса группы питания. Глазу, давно привыкшему к темноте, огоньков ранца и карабина вполне хватало.

— Клам, а что там случилось? Перед камнями, когда сгорел этот другой, с разрядником...

— Парный разряд, — сказал Кламнат, присев рядом и вытянув ноги. — Бери шоколад.

— Кламнат вытащил плитку. Упаковка замерцала мягко в свете маленьких огоньков.

— Нет... Что-то не хочется... А ты почему не ешь?

— То же самое.

— Ты уже несколько дней «то же самое». Разве так можно?

— Можно.

— Ну, и дурак... Ну ничего, когда отсюда выберемся, я за тебя возьмусь. Сейчас устала...

А ты таблетку еще не даешь.

— Леро, я тебе говорил, — сказал Кламнат устало. — Постоянно нельзя. Только когда невозможно терпеть. Так, что, например, мешает идти.

— А что может быть?

— Можешь просто упасть и дальше ни шагу.

— А ты меня понесешь... Парный разряд — ну да, вокруг тогда вспыхнуло как-то странно... Ну, а с тобой что случилось?

— Индуктор защиты на самом деле — костюм. Радиусы защиты — как бы его «аура». Не знаю, как объяснить без терминов... В трех словах, есть такое понятие — радиус. Оно определяет тактику ландшафтного боя. Радиусов бывает четыре — два внешних, два внутренних. Внешние радиусы определяют эффекты атаки, внутренние — эффекты обороны. Костюм непосредственно определяет внутренние. Радиус активной защиты — от шести до двенадцати метров, и радиус внутреннего предела — от трех до шести. Между ними получается зона активной защиты. Начинается, усредненно, здесь, — Кламнат потрогал подстилку, на которой расслабилась Леро, — а заканчивается, соответственно, там — где радиус активной защиты.

— Тэ-гэ-эс?.. — пробормотала Леро.

— В том числе. Пришедший заряд проникает под радиус активной защиты — на определенную глубину — и там как бы вязнет. Посредством такого проникновения заряд собственно и нейтрализуется. Это проникновение называется «пробой». Есть такой термин — глубина пробоя...

— И если глубина до радиуса внутреннего предела...

— Плазмостатический шок. При определенной конфигурации разрядов плазма в зоне активной защиты как бы «становится». И костюм, как связанный индуктор, «перегревается». Не в прямом смысле, конечно, ты поняла... У сосунков это называется «хлебнуть нирваны». Очень неоднозначное состояние — не мертвый, но и не живой как следует. Все реакции заторможены, происходят, но медленно и нестабильно. Через сутки эта «нирвана» проходит — иногда дольше, зависит от магнитного поля точки. Обычно проходит. Если нет — нужна специальная камера, в стационаре... Иногда помогает.

— То есть? — Леро бессильно повернула голову.

— Летальность — шестьдесят восемь процентов. Это все обратная сторона медали,

потому что, повторю, индуцирует шок костюм, — Кламнат снова потрогал ткань, на которой расслабилась Леро, коснулся колена. — Мне повезло, — сжал колена спокойными пальцами. — И особенно повезло, когда лежал без сознания, — Леро различила, как он улыбнулся. — Теперь моя очередь.

— Лучше не надо, — Леро положила свою ладонь на ладонь Кламмата. — Давай без контуберналов. Ведь можно и так быть вместе, — она сжала ладонь. — Без плазмостатических шоков. Без глубины пробоя...

— Я буду рад, если получится. Нам идти почти сто километров. Там будут болота — уже с кислотой. И там будут они.

— Ну и пусть. Здесь их нет, — Леро придвинулась к Кламмату. — Давай я тебя покормлю, все-таки, — она забрала у Кламмата шоколад, распечатала. — Спасу во второй раз. А то умрешь теперь с голоду, — она отломил кусочек, поднесла к губам Кламмата. — Ешь, и не спорь.

— Я не хочу, правда, — он взял Леро за руку, прижал к губам. — Давай завтра. Сегодня твоя очередь, — он отобрал кусочек, положил Леро в рот.

— Все съем, и тебе ничего не останется... Я так устала, — Леро положила голову Кламмату на плечо. — А еще идти столько...

Во мрак пещеры ворвался сиреневый призрак — отсвет молнии. В тишине послышался шелест подходящего ливня.

— Леро, иди ко мне, — Кламнат перетянул ее на колени, взял костюм, развернул, накрыл. — И так нежарко, а ливень холодный.

— Мне тепло, — Леро обняла его и приникла, не выпуская ладони. — Ты ничего не понимаешь... Ты мне, кстати, про себя ничего и не рассказал. Вообще ничего...

— Ты не спрашивала. Это во-первых. Сама про себя тоже ничего не рассказала — во-вторых.

— Ты не спрашивал... Это во-первых.

— Неправда, — Кламнат обнял ее за плечи, прижался щекой к щеке. — Спрашивал.

— Что-то не помню... Что именно?

— Где ты живешь.

— Я сказала? — Леро повернула голову, их губы встретились.

— Сказала...

— Ну да... — прошептала Леро неслышно. — Правда... Помню. Так домой хочется... Я живу в горах и на озере... Знаешь, как у нас здорово...

— Леро! Ты горячая и дрожишь.

— Мне не холодно... Мне хорошо...

Леро поцеловала его. Долго не убирала губ; наконец, отвернулась, перевела дыхание, вернула голову на плечо. Кламнат взял ее руку и снова прижал к губам.

— Там уже дождь, — прошептала она.

Они долго сидели, слушая шелест дождя. Отблики молний рисовали на стенах расплывчатые узоры. Гром пробирался сквозь дождь мягкими глухими толчками. Сухой холодный воздух пещеры застыл, словно остекленел. Зеленые звездочки элемента и группы питания, зеленый глаз статуса карабина светились спокойно и мягко.

— Мне так хорошо... — прошептала Леро в плечо. — Как не было никогда, в жизни... — она старалась справиться с дрожью, но тело не слушалось. — Я, наверно, хочу умереть... — шепот тоже дрожал. — Потому что так больше никогда не будет...

— Мы сделаем так, что будет, — сказал Кламнат, поглаживая изрезанное плечо. — Только потом... Сейчас спи.

— Сделаем... — Леро поняла, что по щекам текут слезы. — Только я не умею... Ты мне расскажешь?.. Покажешь?.. Я только мечтала... Так хочется, а так боюсь...

— Я тоже не очень умею... — сказал, помолчав, Кламнат. — Жизнь, в общем, ушла в никуда. Даже этому не научился как следует.

— Вот будем учиться, вместе... — слезы стекали с горячих щек, падали в темноту. — Есть ведь такое, что одному вообще не получится...

— Есть, — Кламнат приник губами к плечу, замер. — Если теперь мы дойдем, то только потому, что вместе.

— Я не брошу тебя... — прошептала, забываясь, Леро.

* * *

Утро пришло сухое, прозрачное, ясное. Бледный диск солнца только что выбрался из-за горба, в который упиралась расселина, и посылал косые лучи вдоль стен. Сверкающий минерал переливался в утреннем свете, бросая теплые зайчики в холодные тени. Все было влажное, но идти было безопасно — вся кислота стекла, камень под подошвами почти не скользил.

Леро и Кламнат продолжили путь. Вскоре ущелье закончилось, расколовшись на два рукава. Кламнат пошел направо. Еще полчаса дороги вывели на другую сторону кряжа, в нагромождение глыб, рассыпавшееся осколками по восточному склону. Под ногами стелился каменной лентой узкий — метров пятьдесят — скальный балкон. Балкон обрезался обрывом, за которым на весь горизонт расстилалось коричнево-бурое море. Бледный белесый диск солнца, застывший над лесом, наполнял желтовато-сизым сиянием дрожащую дымку — она трепетала в воздухе, скрадывая детали и размывая угрюмую перспективу. На горизонте, однако, градусов тридцать к востоку, различалось нагорье, выступавшее из плоскости лиственной массы сплюснутой кучкой бугров.

— Нам туда, — указал Кламнат. — Еще трое суток. Если ничего не случится.

— Пусть только попробует, — хныкнула Леро, осторожно шагнув на выступающий камень и оглядывая простор — впереди, под ногами, по сторонам. — А почему станцию поставили там, а не здесь? — она оглянулась на склон холма, который рассекало выведшее их ущелье.

— Причин много. Например, самое сухое место.

— Ну, отсюда тоже быстро стекает?

— Стекает еще лучше, но здесь выше. Джунгли ниже, низинный ветер гораздо слабее. Для навигации чем слабее низинные ветры, тем лучше.

— И видно оттуда получше, чем здесь, — Леро обернулась назад.

— Да, вокруг ничего нет, тоже причина. Еще важно — при аварийной посадке падаешь в лес, а не в камень, — Кламнат перевел руку на скалы. — Больше шансов сохранить машину в накале. В рабочем состоянии, если по-вашему... Еще много чего.

Спустившись сквозь россыпь, Леро и Кламнат оказались на скальном балконе. Кламнат пересек полосу, остановился на кромке обрыва, стал изучать ландшафт. Леро доковыляла за ним, долго стояла, вглядываясь в дрожащую желтовато-сизую пелену. Внизу, в головокружительной глубине, в трепещущей дымке, вдоль обрыва стелилась жирная черная лента. Река была неширокой — или так казалось с высоты обрыва? — и на другом берегу, сразу в воде, начинался угрюмый буро-коричневый лес.

Плотной волной ударил холодный ветер; Леро закашлялась, схватилась за грудь.

— Опять...

— Сейчас будет еще тяжелее, Леро, — Кламмат оглядывал кромку обрыва. — А я даже нейтрализатор не могу отодрать.

— Что за дурацкий комплект, — Леро смотрела на мрачное море леса. — Нет ничего запасного.

— В комплекте все работает до тех пор, пока работает сам комплект, — Кламмат поднял стереомат на шлем, обернулся, усмехнулся мягко. — В комплекте ничего не ломается, Леро. И все интегрально. Кроме стереомата — он снимается потому, что привязан к боевой единице.

— Как бы личный?

— Да. Когда, например, меняешь комплекты — свой оставляешь себе... А нейтрализатор — на тебе он просто не будет работать. Зона питания — тридцать сантиметров от костюма. Поэтому потерпи еще трое суток. На борту починим тебя и почистим, будешь как новая. Нам еще трое суток — до критики не дойдет, даже шрамов не будет.

— Ну, будут — и пусть, — Леро вытерла слезы. — Мне уже все равно. Я все равно дура и никому не нужна. Раз в жизни захотелось какого-нибудь приключения... На тебе приключения, идиотка. Съездила на озера, — она опустила глаза, вздохнула. — Ну, дай таблетку тогда хотя бы. Ну три ведь дня осталось. Не умру я от твоей таблетки за еще трое суток.

— Да, внизу. И то, когда будешь падать. Леро, ты на самом деле не знаешь. Плюс к тому, что это сама по себе гадость, капсулы рассчитаны на определенный метаболизм. Эти — на мой. Это не стандарт-комплект, это наш, особый. У нас даже в кинестазис костюма вшивается пэ-пэ-эр — персональная плазмостатическая реакция. Вероятность рекуперации намного выше... Тебя никто не сканировал, тебе нужен другой состав. Работать они работают, но вероятен алиенарный шок. А ты их уже целый блистер.

— Если на твой, все будет нормально, — ответила Леро вредно. — Я тебе говорю, что ты дурак и ничего не понимаешь. Я тебя сейчас тресну. Дай таблетку. У меня уже нет сил, терпеть. Честное слово. Смотри, — она протянула руки, — видишь, уже не заживает, вообще ничего. Кровь идет и не сворачивается. Если думаешь, что это не больно, ты индюк. А дышать вообще уже не могу. Сейчас спустимся, — она махнула на лес, — опять кровью буду плевать. Я удивляюсь, что еще говорить могу. Ты дурак. Дай таблетку.

— Тащи, — Кламмат обернулся ранцем.

Леро отцепила голубой клапан, достала аптечку.

— Я правда всё съела... Тут четыре осталось... Все, больше не буду, — она защелкнула клапан.

— Бери.

— Не возьму. Вдруг тебе надо будет? А там только четыре осталось.

— Бери!

— Не возьму! — Леро шлепнула Кламмата по плечу. — Вдруг ты, дурак, еще в какой-нибудь шок попадешь?

— Не попаду. Бери!

— Обещай!

— Обещаю. Бери капсулу и пошли.

— Все, обещал, — Леро вздохнула, взяла капсулу, помешкала, все-таки проглотила. — Попробуй теперь попади только. Осталось три. А нам идти еще. По этому аду, — она обернулась на дымчатый лес.

Они пошли вдоль обрыва на юг. Леро едва ковыляла, с каким-то остервенением ожидая, когда, наконец, начнет действовать капсула, и леденя от мысли, что капсула вдруг не подействует. Сегодня стало понятно, что сил идти нет, просто нет сил. Боль уже не пугала; Леро вытерпит все, даже в три раза больше, чем уже натерпелась — просто не было сил. Какой ужас — зависеть от какой-то маленькой белой пилюльки!

Леро подумала — за всю жизнь она выпила пару десятков таблеток, всего; и то обезболивающих, когда получала травму, — чтобы легче было терпеть. Опять терпеть... Вот она, в этом адском кошмаре, сейчас как-то идет, как-то бормочет, как-то соображает — наверно, некий запас здоровья у нее все-таки неплохой. Во всяком случае, сейчас стало ясно, как правильно поступала Леро, когда всякий раз старалась здоровье беречь. Лишний раз не съесть чего-нибудь «вкусненького», лишний раз не «побаловать себя любимую», как-нибудь, и, самое главное, лишний раз не потратить нервы — сердясь, обижаясь, доказывая, что кто-то неправ... Какое мне дело, что кто-то неправ? Главное, права я сама, и я это знаю. А остальные — придурки.

Ну когда же подействует капсула... Идти не могу, упаду... Вот, падаю наконец...

— ...Леро, — она очнулась оттого, что Кламнат поднял ее с земли. — Леро!

Она замерла на коленях, оглядываясь и соображая.

— Сил нет... Упала... Сейчас, подожди, таблетка подействует... Пять минут...

— Леро, проблема, — Кламнат в который раз оглядел высокий обрыв. — Нет ни одного нормального спуска. Обрыв понижается, сходит на нет, но это там, — Кламнат указал на юг, — километров двенадцать. Крюк, какой мы не можем себе позволить.

— Я не дойду...

— Видишь, утес?

Кламнат указал на каменный выступ, торчащий над сально блестящей гладью реки. Он нависал огромным клыком, выступая из массы обрыва, образуя под собой многометровую пустоту.

— Нет стены и хорошая глубина. Леро, мы будем прыгать.

— Что?! — она в секунду очнулась. — Там высота километр!

— Семьдесят восемь метров.

— Ты что, дурак?! Я не смогу! — Леро поднялась, едва устояв на ногах, закашлялась. — Семьдесят восемь метров! Ты что, дурак, что ли?! Нет, мы пойдем в обход! Я лучше бегом, но в обход...

— Леро, мы потеряем день. И там, — Кламнат перевел руку снова на юг, — там идти намного труднее! Там лес почти целиком на болоте! Потеряем даже не день! Будем прыгать.

— Я не буду! — Леро закрыла руками лицо. — Ты что, дурак... Я умру.. У меня ведь сердце порвется... А как прыгать, куда?! — она отняла руки, подскочила к обрыву. — В кислоту?!

— Это не кислота, Леро, спокойно, — Кламнат подошел за ней, посмотрел в дымчатую глубину. — Течет с севера, там кислоты не бывает. В кислоту я бы прыгать не стал и сам — комплект у меня обычный.

— А почему, кстати?! Бросили, и даже без герметичных комплектов?! Ведь кислота! И тэ-гэ-эс нет! Ложись умирай?

— Леро, я тебе уже говорил. Все сидят и ждут базовый борт — давно. Который, кстати, будет вот-вот. Это мы с тобой, повторяю...

— Я не буду прыгать, дурак! — Леро в ужасе продолжала оглядывать жирную ленту реки. — Я лучше умру, честное слово!

— Леро, — Кламмат взял ее за руку, привлек, обнял. — Одна ты, конечно, не будешь. Я тебя одну не пущу, даже если захочешь.

— Я не захочу, дурак... — прошептала Леро в плечо. — Только если ты прыгнешь... Я за тобой, конечно... Я же не брошу тебя...

— Это не то, к чему ты привыкла. Это не ваша вода. Об эту воду ты разобьешься, или что-то сломаешь.

— Я и так не умею прыгать... А с такой высоты — это ужас какой-то!.. Я не могу даже представить!.. Семьдесят восемь метров!..

— Пошли.

Кламмат, не отпуская руки, повел Леро к утесу. Они вышли на край. Кламмат долго смотрел в глубину. Ударил тяжелый ветер, наполнив легкие характерной разъедающей тяжестью, забыть какую было нельзя. Там внизу, в джунглях, должно быть полегче — все-таки в лесу не бывает ветра, такого ветра... Хотя теперь может быть хуже от испарений — уже кислота... Леро зажала ладонью рот, сдерживая сжигающий кашель — капсула начинала действовать, но каждое движение легких все еще отдавалось болью. В глазах резало, слезы текли по щекам жгучими струйками. Удивительное явление — живой организм... Откуда, например, у него такие ресурсы... Ведь проело всю насквозь, в кровавую тряпку...

— Ладно, — прохрипела она чуть слышно. — Может быть, хоть умру, наконец.

Кламмат отвел Леро от края обрыва, обнял, крепко прижав к себе. Леро обняла его так же, соединив руки над ранцем, прильнув мокрой щекой к плечу.

— Ноги мне за спину. Волосы на руку. Не дыши. Это недолго.

Леро намотала волосы на плечо, сплела за спиной Кламмата ноги, застыла, закрыла глаза, задержала дыхание. Тогда Кламмат разбежался и прыгнул. Леро, чтобы не потерять от страха сознание, стала считать секунды. Досчитала до десяти, сбилась, мысли оцепенели, прошло какое-то неопределенное время — удар оглушил. Леро все-таки удержалась, чтобы не закричать, не захлебнуться в непривычно вязкой воде, больше похожей на какой-то расплавленный лед, чем воду.

Леро показалось, что она уже теряет сознание. Но вот, наконец, они поднялись на свет, вернулись под блеклое небо. Она очнулась на илистой полоске берега и обнаружила, что Кламмат прыскает на нее вонючим составом и растирает липкую гадость по измученной, потерявшей чувствительность коже.

— Все?..

Она попыталась подняться, присесть, но только смогла вытянуть руки. Кламмат приподнял ее, посадил. Она снова упала щекой ему на плечо, придавив истерзанную мокрую прядь, снова заплакала.

— Отдыхаем, десять минут. Надо идти.

— Сейчас... Как раз таблетка твоя подействует... Что-то она долго сейчас...

— Привыкаешь. Нужен какой-нибудь перерыв. Суток хотя бы трое. А ты в день по три штуки.

— Неправда, по две... Вчера вообще только одну...

Ее начинала бить дрожь, которую унять было невозможно. Но липкая гадость начинала

действовать — по коже расползлись мурашки, кусая приятным глубоким теплом, растворяя судороги и боль. Леро сидела, уткнув в плечо мокрый нос, и чувствовала, что снова теряется, засыпает...

Кламмат разбудил ее, мягко выудив из топкого ила. Леро поднялась, постояла, пытаясь что-то сообразить — бесполезно. Когда Кламмат ее отпустил, она смогла простоять пару секунд — упала в грязь, на колени, на локти. Кламмат отцепил клапан.

— Возьми вот это, — он протянул светло-лимонный шарик. — Стимулятор другого рода. У нас называется «минус второй» — когда статус системы «минус два». Когда возникает угроза коллапса. Действует по-другому, сильнее и жестче, и если твоя система его отторгнет... Не знаю, чем может закончиться. Даю только потому, что твоя реакция на мои персональные капсулы просперативна — странным образом.

Леро не смогла даже протянуть руку. Кламмат положил шарик ей в рот, присел, обнял, замер, поглаживая по плечу, по измученным спутанным волосам. Леро снова забылась. Но вот снова очнулась — новая капсула заработала. Посидев еще десять минут, Леро поднялась на ноги, осмотрелась.

Под обрывом, занимавшем полнеба, неторопливо текла река — черная масса вязкой, маслянисто блестящей воды. Поток тихо булькал у корней крайних деревьев, навевая еще большую дрему. Дышать опять было тяжело, но боли Леро уже не чувствовала. Лес впереди был негустой и прозрачный; листья не казались страшными жалами, как тогда, в том жутком лесу, с той стороны, с чешуйчатыми стволами... Когда это было?... Неделю назад, или больше?... Восемь дней, кажется... Или сколько... И, главное, палых листьев под деревьями было намного меньше — два дождя сделали свое дело. Леро поежилась, вспоминая острые листья, по которым тогда пришлось идти целый день, пока не поднялись выше...

— Два дождя, — Кламмат кивнул в коричневый полумрак. — Идти будет намного легче. Им тоже, — он сбросил на нос стереомат, перевесил удобнее карабин. — Вперед, — он шагнул под угрюмую сень леса.

* * *

— Гуммо, вставай и пошли! — Хайдег схватил Гуммо за клапан воротника и вздернул.
— До каникул еще дожить надо. Ну!

— Куда ты меня привел? Все продумал! Все, чтобы меня здесь бросить!

— Я не брошу тебя. Сейчас тем более. Хотя очень хочется. От тебя становится больше проблем, чем может быть пользы. Встал и пошел, — Хайдег ударил Гуммо ботинком в бок.

Гуммо застонал, поднялся, закашлялся.

— Подфикси нейтрализатор, — хмыкнул Хайдег. — Даже этого не знаешь как сделать?

Он просунул палец Гуммо под фланговый щиток и подоткнул полозок. Гуммо закашлялся.

— Сейчас будет легче... Пошел.

Они пошли, погружаясь в мясистую кашу по середину голени. Вскоре идти стало еще труднее — каша все больше превращалась в болото, и вот Хайдег, который шел впереди, иногда оборачиваясь на Гуммо, завяз по колено и стал. Долго стоял, исследуя стереоматом заросли с востока и юга.

— Придется двигать на север, — он обернулся налево. — Дьявол. Сколько у него осталось под крышкой? Реально? Не двенадцать — тринадцать, что у тебя там в оптике, а реально, Гуммо? Не знаешь?

— Отдай батарейку, Хайде.

— Чтобы ты еще раз в меня пальнул? Еще в задницу два разряда? Гуммо, я тебе говорю. От тебя проблем становится больше, чем может быть пользы, — Хайдег поднял стереомат, утер брови. — Идиотский комплект. Лоб постоянно потеет.

— Догони, отбери... Гы-гы-гы...

— Догоню, — Хайдег снова сбросил на нос стереомат. — Отберу.

Они свернули на север и пошли, чавкая в гниющей жиже. Хайдег старался гнуть курс на восток, к станции, но все попытки кончались тем, что он погружался в кашу так, что идти было невозможно, и приходилось снова пробираться на север. Наконец они вышли на большую сухую поляну, от которой в лес под равным углом разбежались прогалы — три прямые широкие полосы. Одна уходила на северо-запад, вторая — на юго-запад, третья шла на восток. Тоннели прогалов терялись в угрюмой туманной мути; наверху в чистом от леса пространстве сияло неярко сиреневатое небо.

— Какой-то выход породы, — Хайдег просканировал стереоматом открытый участок. — Полтора метра вниз... Просто подарок, — он посмотрел в мутную даль в перспективе восточной прогалины.

— Ну пошли, что стоим? — Гуммо двинулся на восток.

— Знаешь, чем это может кончиться, Гуммо?

— А схема?

— Этот участок снимали двенадцать дней назад. А ты знаешь, что такое болота, да еще когда пошла кислота? В лучшем случае потеряем время — километра четыре туда-обратно.

— А в худшем?

Хайдег не отвечал. Он долго молчал, изучая данные схемы, сопоставляя с видимым антуражем.

— Ладно, рискнем. Мы почти у подножья этих камней. На которых, друг Гуммо, база.

Он обернулся, отразив стереоматом полосу яркого над лесным полумраком неба, пошел, почти не чавкая грязью. Часа полтора идти было очень легко — слой перегноя, еще не вытравленный первыми двумя дождями, только упруго пружинил на каменной жиле. Им удалось держать хорошую скорость и пройти несколько километров.

Затем случилось то, чего Хайдег боялся. Жила пошла под раскисшую почву; Хайдег зашел в болото по середине бедра и стал, вглядываясь вперед. Затем обернулся, не без труда вернулся на камень, зашел Гуммо за спину, дернул на ранце клапан, разблокировал бухту ауксилларного троса и сцепил ее с ранца.

— Повернись.

Он дернул Гуммо за локоть. Затем, подцепив к такелажу крепление бухты, вывел несколько метров троса, зафиксировал на себе. Затем обернулся к Гуммо, оглядел статус-табло группы питания.

— Ты в курсе, что у тебя желтенькое? Через день замигает, и начнешь пропитываться кислотой. А идти нам еще двое суток. Охотник на членистоногих и пресмыкающихся.

— Что за комплект идиотский, — прохрипел Гуммо и снова закашлялся.

— Батарейка охран-комплекта гарантирует девять суток, — Хайдег пошел вперед, — рациональной работы. Пошли, Гуммо, какие сутки? Двенадцатые, не рациональной. Отвалили мы уже двенадцать суток назад — ты в курсе? Если бы ты, кретин, хотя бы разок послушал, что говорят взрослые... Или хотя бы разок заглянул в учебник по элементарной физике... Стрелок по воде.

Гуммо не отвечал. Он брел вслед, стоная и бормоча. Хайдег шел осторожно, с обеих сторон обвешанный карабинами, с каждым десятком метров погружаясь в жадную жижу все глубже. Когда стало снова по середине бедра и идти дальше нельзя, Хайдег остановился и стал оглядываться.

— За то, что ты потерял мост, — сказал он, оглядывая над собой деревья, — тебя мало под шарик.

Он снова всмотрелся вперед, в неясную перспективу прогала, подсвеченного сиреневым небом, мерцающим сквозь негустую здесь с края листву. Затем подцепил мост к такелажу, навел на группу деревьев, выступающих из общей стены в шестидесяти пяти метрах. Долго целился, выбирая, на каком стволе остановить квадратик захвата, повернул кольцо.

Фиксатор покинул трубку и через пару секунд вонзился в коричневый ствол. Хайдег повернул кольцо; трос натянулся, и мост потащил Хайдега, за ним кряхтящего Гуммо, через топь. Спустя двадцать секунд Хайдег оказался на толстой руке корня. Выудив за собой Гуммо, он вытянул спицу фиксатора и собрал мост.

— Какой ты, Гуммо, везучий, — он вгляделся вперед, исследуя очередной участок, прицелился, выбрав толстую ветку, торчащую из лесной стены почти на предельном для моста расстоянии. — Только, боюсь, ненадолго.

Он повторил операцию; проскользив на костюмах очередные семьдесят метров, они выбрались на очередной остров-корень, где Хайдег наметил очередной ствол.

Однако в третий раз все вышло не так. Когда трос почти подтянул Хайдега к следующей остановке, произошло непонятное. Справа из-под лесной стены в сторону Хайдега метнулось непонятное тело. Скорость, с которой Хайдег скользил по болоту, была немалой, и напавшая тварь промахнулась.

Однако в следующую же секунду в локоть Хайдегу впиалась длинная зубастая морда. Костюм, в мгновение став непробиваемо жестким, сковал руку металлической хваткой.

— Дьявол! — заорал бешено Хайдег. — Еще этого не хватало! Заряд!.. Итак ничего не осталось!..

Хайдег, Гуммо и аллигатор завязли в тягучей жиже — прочность фиксации для подобной нагрузки была недостаточной, и мост застопорил ход. Тварь, вцепив челюсти в локоть намертво, застыла как каменная. Аллигатор сжимал буро-коричневые, такие же, как всё вокруг, зубы все крепче. Хватка становилась сильнее и сильнее — Хайдег с тревогой отметил, как статус ресурса защиты уходит в красную зону и рядом также разгорается индикатор предела прочности.

— Гуммо! — свободной рукой Хайдегу удалось швырнуть тому карабин. — Гуммо, стреляй! Ноль-три — и топишь гашетку! Ну!

Гуммо смотрел на Хайдега и аллигатора как заколдованный и не двигался.

— Гуммо, кретин! Он сожрет всю защиту! Ты что, идиот, совсем? Стреляй в эту тварь, скорее! Дьявол!.. Я не выдерну карабин! Он под тварью... Да и не могу, ты в курсе? Рефлекс — и у меня вообще ничего не останется!..

Гуммо таращился на аллигатора и не двигался. Хайдег сорвал с такелажа нож, воткнул аллигатору в шею. Разряд треснул по панцирю сиреневой искрой, рассыпался в сизый дым; аллигатор не шелохнулся.

— Этих тварей тут ничем не пробьешь!..

Хайдег ударил еще, стараясь попасть аллигатору в глаз, но свободной рукой добраться до глаз он не мог. Тварь смотрела сквозь Хайдега, и показатель расхода защиты три раза мигнул.

— Гуммо! — заорал Хайдег. — Ты хочешь сдохнуть?

Гуммо медленно взял карабин и оцепенело навел на длинное туловище, застывшее в мерзкой каше бурым бревном.

— Бей в глаз, как раз с твоей стороны... Ноль-три — и в глаз!.. Ну!..

Гуммо направил ствол и долго соображал, как зафиксировать квадрат захвата в поле стереомата. Наконец дрожащий палец сжал спуск, и разряд разорвал рептилии голову. Трос сейчас же пошел и вытянул Хайдега с Гуммо на корни.

— Дьявол, сколько заряда сожрал, — процедил Хайдег со злостью, согнутым локтем обтирая с панели стереомата слизь, мясо и кровь. — Если мы перейдем им дорогу, теперь, — он указал на север, — нам жить полчаса.

— Что это за тварь такая? — спросил Гуммо, разглядывая в болоте обрубок шестилапой туши. — И откуда взялась?

— Она здесь живет, кретин. А мы у нее в гостях. Этот еще ерунда — сопляк. Вырос бы — стал метров двенадцать. И весил бы тонны три. Шевели яйцами, у нас времени в ноль.

Посредством моста им удалось преодолеть два километра топи и добраться до новой поляны. Выбравшись на сухое место, Хайдег рухнул на бок и долго лежал, уставившись в покрытые слизью и гнилыми листьями корни крайнего дерева. Гуммо кряхтел и стонал за спиной. Хайдег, наконец, поднялся, осмотрел антураж, подошел к Гуммо, нагнулся, взялся за карабин. Гуммо вцепился в ствол.

— Не отдам! — прохрипел он. — Уйди, сволочь... Не дам...

— Отдыхаешь десять минут, — Хайдег дернул приклад, подцепил карабин к такелажу. — Проклятая геология, — он посмотрел на восток, отрезанный глухой стеной леса. — В учебниках, Гуммо, эта штука называется гексагональной структурой. Камбетэ об этом уже должен был знать... Прости его Космос, золотого курсанта... Теперь нам или на юго-восток,

или туда, — он посмотрел в глубину полосы, которая рассекала лесной массив северо-восточным лучом. — Двинем туда, потому что в болотах, — он указал стволом карабина в юго-восточный прогал, — смерть сто сорок шесть процентов. Там, Гуммо, могут быть такие твари... По сравнению с которыми наш товарищ, — он перевел ствол на запад, назад, — слепой лягушонок.

Чем дальше они уходили на север, тем суше становилась дорога и прозрачнее лес. Хайдег шел постоянно настороже, опасаясь и ожидая, как прозрачный квадрат противника в поле стереомата вспыхнет желтым. Спокойно и быстро им удалось пройти только полтора километра — жила породы снова уходила вниз, и незаросшая полоса закончилась, растворившись в лесу без следа.

Они снова погрузились в жижу, идти снова стало труднее. Однако в сравнении с тем, что им пришлось натерпеться на юге, внизу — когда они шли от реки, выбираясь из прибрежных топей, — это было просто прогулкой. Гуммо повеселел, почти не кряхтел, шел резво. Им без проблем удалось пройти еще полтора километра, как вдруг жижа закончилась снова, и они вышли на каменную подошву нагромождения скал.

— Дальше либо туда, — Хайдег поднял ствол в небо, к вершине скалы, — либо туда, — он перевел ствол на север, вдоль мокрой стены, заросшей отвратительными гнилыми лианами, с узлами желто-зеленой слизи на разветвлениях. — Я, Гуммо, туда, — он посмотрел в небо, — а ты — как желаешь.

— И что там, наверху? — Гуммо тоже посмотрел вверх. Панель стереомата отразила тусклый сиреневый отблеск.

— Наверху, Гуммо, просто кусты и дорога по камню. И наверху мы — наверху. Что очень важно, когда у тебя под крышкой, — Хайдег хлопнул ладонью по статус-табло группы питания у Гуммо на ранце, — ноль минус один. Если ты, практик, сначала не подружился с теорией, то критериев истины у тебя уже было достаточно.

Хайдег снова приготовил мост, отошел от скалы как можно дальше и отстрелил фиксатор. Трос улетел наверх; фиксатор, вернув неопределенный ответ, открепился и упал назад. Хайдег перешел на несколько метров в сторону, снова навел мост, снова повернул кольцо. Фиксатор снова не стал крепиться и вернулся назад.

— Дьявол!..

Хайдег озабоченно огляделся. Обнаружив в стене деревьев еще одно удобное место, он отошел туда, долго выбирал участок скалы, зафиксировал цель, повернул кольцо. Трос повис вдоль стены. Хайдег суеверно подергал несколько раз, окрикнул:

— Что там стоишь, кретин? Опять затупил?

Гуммо подковылял, уставился вверх.

— Лезешь первый.

Хайдег подцепил цилиндр моста к такелажу Гуммо, второй фиксатор подцепил к своему, щелкнул кольцом. Мост начал медленно поднимать Гуммо, который повис на тросе набитым мешком, дергая нелепо конечностями. Он выпустил карабин; ствол повис на ремне, поволокся за Гуммо, застревая в лианах, звеня по мокрому камню.

Когда Гуммо поднялся на восемь метров, от скалы отделился обломок, и Гуммо полетел вниз. Хайдег бросился в сторону; нижний трос натянулся и выдернул Гуммо из-под самого камня. Обломок хлестким ударом вцепился в тонкий слой перегноя, пробив его до скального основания. Гуммо замер и замычал.

— Не везет — так по жизни, — хмыкнул Хайдег, вздернув Гуммо за клапан воротника.

— Или наоборот везет? Ты за эту неделю должен был отбросить копыта раз семь. С тех пор, как тобой хотел закусить первый паук. Помнишь?

Он щелкнул кольцом, освобождая фиксатор, дернул трос, пытаясь выдернуть из-под обломка. Спица застряла.

— Вот это уже настоящая задница, — произнес Хайдег медленно.

Огонь статуса фиксатора пульсировал в поле стереомата желтым. Гуммо, шатаясь, вцепился в трос рядом, они дернули, трос отцепился.

— Без комментариев, — Хайдег повертел пустым концом троса. — Такое бывает, — он отключил мост от системы, стянул трос, повесил изгаженный карабин на место. — Вторым рисковать не буду. Что впереди — неизвестно. А у тебя, Гуммо, видишь, какая судьба? Ни себе, ни людям. Вперед.

Он направился вдоль ковра гниющих лиан на север.

* * *

— Стоять, — Хайдег замер, сканируя антураж. — Вот и он. Пока еще далеко, только вот заморгал. Проклятая сволочь, — он оглядел стену сброса, идущую все так же на север. — Если так будет дальше... То пока эта проклятая сволочь закончится, — он указал стволом в стену, — у него будет полный приоритет. Но нас, Гуммо, двое. Формально, конечно, но само число два... Само по себе, дает определенные преимущества. Ну, если говорить строго, может... Знаешь, что в таких случаях делают?

Гуммо остановился рядом, тупо уставился стереоматом в Хайдега.

— В таких случаях, Гуммо, берут в угол. Как я не сомневаюсь, Гуммо, ты очень хорошо умеешь брать в угол.

— Говори что делать.

— В этой тактике есть один очень полезный аспект. Кретины в группах бывают часто, друг Гуммо. Один из берущих может быть просто «мешком». То есть просто сидеть как диспоз и собственно ничего не делать. Но даже такой очень полезный аспект не всегда эффективен. Как ты, может быть, помнишь, один раз мы уже попытались... Взять в угол.

— Нашел кого посадить, — Гуммо гикнул. — Этого дезертира.

— Ты, Гуммо, тогда храбро воевал с пауками, тебе было не до углов, — Хайдег задумался, снова исследуя антураж. — Стена кончается через полтора километра, до него самого вектором — три. Значит, когда мы выйдем из тени, он будет... — Хайдег обвел стереоматом линию горизонта. — А у нас слева есть повышение, пятнадцать метров. И в очень удачном месте. В общем, Гуммо, если ты не ступишь, мы его сделаем. Даже если он выиграет бой — а он его, формально, и выиграет... Мы все равно оттиснем его на север, километра на полтора. А этого нам и хватит. Успеет пройти к подошве, а там три километра вверх — и точка.

— А на точке... — Гуммо вяло гикнул.

— Как ты прав, Гуммо. На точке — да. На точке я его кончу. Но до точки идти еще день, еще день — по болотам, и идти в зоне. Потому что все — мы пришли, все траектории в эту точку, зона со всех сторон. У меня осталось шесть явных зарядов. У тебя — три, охотник на пауков и змей. Заткнулся и двинул.

Хайдег ударил Гуммо прикладом в плечо. Гуммо поплелся дальше, спотыкаясь о камни, упавшие со стены. Они прошли еще полкилометра, когда Хайдег снова остановился. Приказав Гуммо следовать дальше до поворота стены, он свернул влево на северо-запад и стал углубляться в лес.

— На точке, — раздался, наконец, ломаный голос Гуммо.

— Стоишь, ждешь, пока взрослые не прикажут.

Хайдег, наконец, достиг подножья пригорка, деревья на котором были реже и ниже, и стал подниматься.

— Дьявол, он не уходит, — сказал Хайдег со злостью, остановившись. — Ты еще не понял, храбрец? Что у него под крышкой хватит на нас двоих и намного больше? Я на точке. Пошел вперед. Медленней!

Хайдег напряженно следил за кружком-Гуммо на схеме и за картинкой со стереомата Гуммо. Дождавшись момента, он сорвался и побежал наверх. Он не успел добежать до вершины, как сфера защиты с треском рассеяла пришедший разряд. Карабин Гуммо отработал через четыре секунды.

— И что? — захрипел Гуммо.

— Не знаю!.. Поганая схема — не понятно, выше он, или ниже!..

— А почему ты сам не стрелял?

— Гуммо, я сейчас вернусь и пристрелю тебя. Я тебе сорок раз объяснял, что значит «приоритет». Поэтому мы разделились, кретин! И если схема не врет, или врет хотя бы наполовину... Счет один-ноль в нашу пользу. Заочно, кретин, без выстрелов! Пошел вперед, медленно, ну!

Хайдег взбежал на вершину. Квадрат противника запылал красным.

— Гуммо, пошел! Он выпал в радиус! За угол, и просто бежишь! Бежишь и ничего не делаешь, он сам на тебя наткнется... Дьявол!.. Это еще что такое?..

Квадрат противника разделился на два треугольника. Один треугольник продолжил движение, второй остался на месте и загорелся белым.

— Он что? Отдал карабин девчонке? Дьявол! Вот об этом я не подумал... Что он так-то рискнет! Гуммо, стоять! Откуда сейчас будут сыпаться плюшки — не знает сам дьявол! Ни с места, стоять! Он отвлечет, а она подбежит и поджа...

Ближний треугольник полыхнул синим. Новый разряд ударил по Хайдегу. Затем еще один ударил по Гуммо. Тот в панике заорал, сорвался и побежал вперед. Через восемь секунд получил новый с такого близкого расстояния, что статус ресурса защиты ушел в красную зону, мигал несколько долгих секунд и восстановился только до желтого. Гуммо заорал сорвав голос, бросился в сторону; отбежав от каменной полосы под стенкой плато, провалился в болото.

— Хайде, тону!.. Хайде, ты где?.. Тону!..

— У тебя остался заряд, — сказал Хайдег спокойно. — Тебе лучше оставаться в болоте, Гуммо. По горло. Если вылезешь хотя бы по пояс... Надо же, тебе опять повезло! Он уходит. Тот проход мы, в общем, прогадали.

— Хайде... Ты не бросишь меня...

— Я не брошу тебя. У тебя остался заряд — целый явный заряд! Конечно не брошу...

Первый треугольник замигал желтым; затем пульсация прекратилась. Второй по-прежнему горел белым в том месте, где они разделились.

— Вышел из зоны. Где девчонка — известно одному дьяволу. И, может быть, уже вышла из зоны. Одно утешает — накопитель у нее пустой. Локальный элемент больше трех разрядов не даст. Физика — она во всей Галактике физика. Иду.

Хайдег сбежал с повышения и помчался в сторону Гуммо. Через пару минут ближний треугольник запульсировал снова и, почти без промежуточной красной зоны, полыхнул

синим. Хайдег только успел свернуться клубком, чтобы, упав, не сломать себе шею. Он лежал между ветвями корней, приходя в себя и пытаясь что-то сообразить.

— Хайде!.. — раздался отчаянный окрик Гуммо. — Ты где? Я тону ведь, урод!..

— Поганая схема! — заорал Хайдег в ответ. — Они не выходили из зоны! И ствол уже у него! Они где-то прячутся! Какой-нибудь камень, элементарно... Все врут, все поганые лживые твари... Животное, поганая тварь, клялся, что схема свежайшая!.. Протухла полгода назад!.. — Хайдег ударил кулаком в корень.

— Хайде, ты где?.. Я тону!..

Хайдег, наконец, собрался, поднялся, сделал шаг — и вскрикнул. От динамических травм кинестазис костюма защищал только частично; эффективность нейтрализации зависела больше от вектора силы, чем от величины. Хайдег сделал еще пару шагов и упал — колено отдало резкой болью.

— Хайде!..

— Дьявол... Гуммо, ждешь! Я, похоже, разбил колено. Болит как какая-то сволочь.

Хайдег долго возился, расцепляя костюм. Кинестазис определил травму как угрожающую и применил иммобилизацию; Хайдег отключил автомат и стал обрабатывать опухающее колено вручную. Наконец, все было сделано; проглотив капсулу, Хайдег снова пустился бегом, но бежать было трудно, почти невозможно — колено едва сгибалось. Гуммо был без конца; он завяз в болоте по грудь и только бестолково махал руками. Наконец Хайдег вышел на Гуммо, стал на краю болота. Квадраты мигали желтым — все медленнее и медленнее.

— Уходят, Гуммо, не плачь.

Он отцепил мост и бросил фиксатор Гуммо. Фиксатор прилепился Гуммо к плечу.

— Перецепи, идиот! На клапан! На воротник!

Гуммо копошился как беспомощный щенок; наконец, он зарычал, вцепился руками в спицу:

— Тяни!

— Цепляй клемму на клапан, — процедил Хайдег сквозь зубы. Нога превратилась в бревно — ни ощущения, ни движения.

— Тяни!

— Цепляй клемму на клапан!

Гуммо, рыча, закопошился с клапаном. Он возился, рычал, ругался; наконец, просунул клемму фиксатора в клапан и заорал снова:

— Тяни!

Хайдег щелкнул кольцом. Трос натянулся; упираясь ногами, буксуя в скользящей жиже, Хайдег с огромным трудом вытянул Гуммо на сушу, выволок на скальное основание, доволлок до стены, упал, бросил мост, сцепил зубы.

— Дьявол... Нога совсем мертвая... Слышишь, пловец? Три минуты — привал, затем поднимаемся и идем.

— Я не пойду, — сказал Гуммо. Он дополз до стены и лежал, прислонившись спиной к обломку. — Иди сам.

— Ты твердо решил?

— Да. Я с тобой не пойду. Иди сам.

— А ты, значит, — сам? Какой-то своей дорогой?

— Не твое дело. Иди сам и сам подыхай.

— Ну, хорошо, — Хайдег тоже откинулся на обломок. — Толку от тебя было реально — два раза. Ну, три. Собрал на себя всех пауков — тоже спасибо.

Через три минуты Хайдег поднялся — с трудом, одолевая каменевшую ногу. Оппоненты все еще находились вне зоны; участок надо было пересекать как можно быстрее. Хайдег подхватил карабин, обернулся:

— Значит, решил?

Гуммо не отвечал. Он лежал, уставив стереомат в полоску тусклого неба вдоль края скалы. Хайдег отвернулся и заковылял.

* * *

Новая капсула действовала как-то странно. Леро превратилась в шагающий автомат, который ничего не чувствовал, ничего не соображал. Она как будто переместилась в некую пустоту, где были одни только ноги, которые нужно было переставлять. Да и ноги давно уже двигались сами, а в голове давно уже была такая же пустота. Леро смотрела вперед, в спину Кламмату, и вниз, на дорогу; из ощущений осталось только самое элементарное, что позволяло, например, контролировать тело — чтобы идти как-то устойчиво и не падать.

Леро потеряла счет времени и чувство пространства; она не соображала сколько они прошли и в какую сторону направляются — она об этом даже не думала. Она не думала вообще ни о чем. Просто шла, переставляя ноги — кроме них во всей Вселенной как будто ничего больше не было... Нет, перед ней была спина Кламмата, с ранцем, на котором отупляюще блестели железки — клапаны, кольца, замки... Нужно было смотреть в эту спину, передвигать ноги и просто не отставать.

Когда она отводила взгляд от спины, то видела вокруг коричневый лес. Немного другой, не такой, по которому они шли там, по ту сторону кислотного кряжа. (Когда это было, и было вообще?) Не настолько густой, как в низине, куда рухнула капсула; не настолько прозрачный, как выше, где она пробовала карабин и подстрелила какое-то чудище. (Кламмат так и не рассказал, что это было — может быть, правда не знает.)

Эти невнятные мысли потухали так же невнятно, как появлялись. Леро шла, смотрела под ноги, смотрела по сторонам в сетку ветвей; ей было вообще никак. Когда Кламмат остановил ее — придурки снова возникли в зоне, — она аккуратно выполнила все его указания. Взяла карабин, побежала куда он сказал; бежала, пока карабин не выстрелил. Кламмат спрятался где-то в другой стороне; потом три минуты ругался — в том смысле, что никогда еще не выигрывал бой десятью метрами, и что за такую адскую тактику его нужно гнать из Отряда как ущербного вылупка.

Потом они повернули на юго-восток и шли до тех пор, пока почва не стала чавкать. Кламмат взял Леро на руки и долго нес через кислотную слякоть, иногда погружаясь почти по колено, — пока не перешли низину и снова не оказались на более-менее твердой земле. Потом дорогу им пересек завал огромных стволов, которые отчего-то попадали в одном направлении и образовали гигантскую связку бревен. Кламмат долго искал как ее перейти; наконец нашел подходящее место, рассек своим необычным ножом мертвую сеть лиан. Они перелезли через завал (Леро, кажется, снова изрезалась, с ног до головы, как дура, — лианы тоже, гады, такие колючие — как те, в том первом лесу, далеко за горами — когда это было?), прошли еще минут десять, и Кламмат устроил привал.

Он заставил ее съесть какую-то пайковую гадость (брикет, дрянь просто ужасная, какой-то просто кошмар, и еще как-то ведь переваривается, зато есть не хочется целый день). Но дал все-таки кусок шоколадки (а вот шоколад у них обалденный; Леро даже не предполагала, что шоколад может быть вот таким — в меру и сладким, и горьким, и жирным, и плотным, и с каким-то особенным привкусом — то ли корица, то ли гвоздика, то ли кардамон; в общем, не разберешь, но язык проглотить можно).

Перекусив, Леро заснула. Впервые за долгое время ей что-то приснилось. Эта была жуткая тягостная ерунда — лохматые пауки, которые падали с неба на голову; ползучие стебли, которые обвивали ноги и тянули в болото; какие-то жуткие люди в защитных

костюмах, которые стояли за каждым стволом, нацелившись арбалетами... Леро стояла на какой-то поляне, вокруг была темнота, только смутные тени в ветвях — тянут к ней лезвия-листья... Сверху на поляну падает фиолетовый свет — тягучий, тяжелый, душный... Свет липнет, давит, терзает... Леро чувствует, что задыхается...

— Леро! — Кламнат рывком поставил ее на ноги. — Леро, лучше не засыпать. Даже на десять минут, даже когда привал. Передохнула? Пошли.

— Что-то приснилось... Давно ничего не снилось. Вот, наконец, приснилось, и какая-то дрянь... Так обидно. Хоть немного поспать, и то не как у людей... Ну да, лучше не засыпать... Я кричала?

— И задыхалась. Может быть, капсула.

— Зато иду.

— Смотри.

Кламнат указал вперед. Впереди простиралась заболоченная низина. Болото было завалено веером бревен; деревья попадали так давно, что проросший сквозь них молодняк уже выстроил новый лес — пока еще ясный, прозрачный и аккуратный, но высокий, чтобы отгородить небо. Бревна, во многих местах полусгнившие, вели через лес лабиринтом узких мостов. Леро всмотрелась — вдали лес становился еще разреженнее, уступая простор буро-коричневой каше.

— Мы дошли до болот, — сказал Кламнат. — Осталось идти немного, но это — самая трудная часть.

Он разблокировал на ранце бухту ауксилларного троса и выпустил пару метров. Затем обмотал Леро, сделав петлю под мышками.

— Неудобно, — кивнул Кламнат, когда Леро вяло поморщилась.

— Собачка на поводке... И режет ужасно...

— Рассчитано на костюм.

— Зато если я упаду, ты меня выудишь...

— Да. Только ты лучше не падай. Иди осторожно, под ноги смотри постоянно. По сторонам не глазей! Чего тут может быть интересного?

— Я тебе уже говорила... Ты дурак и ничего не понимаешь.

— Да, говорила. Я в курсе.

— А толку...

— Пошли.

Теперь идти было намного медленнее. Стволы были скользкие, прогнили в неопределенных местах. Хотя Кламнат старался учитывать босоножки Леро, часто приходилось идти назад и выбирать в гнилом лабиринте другое бревно. Леро продолжала идти как машина, как автомат, подбирающий место, чтобы поставить ногу. Несколько раз нога соскальзывала с бревна, Леро падала, ударяясь бедрами и коленями, получала очередные порезы. Но капсула работала четко, боли не чувствовалось, а что будет с кожей, когда она заживет, и заживет ли вообще — об этом Леро не думала, уже давно.

Она даже не думала просто о том, что «надо спастись». Просто шагала за Кламнатом, потому что он куда-то шел. Иногда поднимала глаза, бросала стекленеющий взор в бесконечную перспективу бурого леса, смотрела наверх, в сеть переплетенных крон — за которыми где-то вверху должно было быть небо, чистое перед очередным дождем, — снова смотрела под ноги.

Вдруг Кламнат нарушил вязкий режим дороги по бесконечным бревнам. Он мягко

притормозил Леро, указывая стволом в болото. Леро сначала не поняла, на что Кламнат показывает. Бревно и бревно — таких тут сто миллионов; по такому же точно идем... Присмотревшись, однако, Леро оцепенела — бревно оказалось каким-то чудовищным крокодилем, длиной метров двенадцать, толщиной как самое толстое дерево, какое здесь она видела.

— Мамочка... — едва прошептала Леро. — Он ведь нас одной лапой...

— Пока мы вверху, бояться нечего, — кивнул Кламнат. — Он атакует все, что шевелится, но над поверхностью максимум — метр. Если не свалишься, все будет нормально.

— Мамочка... Он огромный — просто кошмар!

— Да, и реакция у него такая, что разорвет — не заметишь. И их тут немало. Крайняя осторожность, Леро! Они хорошо изучены, но не буду тебе рассказывать...

Они пошли дальше. Буквально через минуту Леро смогла представить, о чем не договорил Кламнат. Поскользнувшись в очередной раз, Леро упала так неудачно, что оказалась в отвратительной слизи почти по пояс. Чувствительность была снижена капсулой сильно — Леро не ощутила ни жжения кислоты, ни боли содранной на боку кожи, ни рези от троса, который вмиг натянулся, выдергивая обратно на ствол. Но — буквально через долю секунды! — туда, где только что была нога, обрушился такой удар, что ствол подбросило, и Кламнат с Леро едва на нем удержались. Леро даже не поняла, чем чудовищный аллигатор ударил.

— Бьет головой, — сказал Кламнат, — или хвостом. Сейчас головой — было ближе.

Леро стояла, не в силах сдвинуться с места.

— Осталось немного, — Кламнат взял ее за руку, сдвинул с места. — Идем медленней. Эта лужа кончается, — он указал вперед, где, уже не так далеко, стеной начинался лес. — Там будет еще одна, небольшая, а дальше до базы — наверх, и болота больше не будет. Там, правда, кое-что водится... Надеюсь, нам такое не попадется.

— Еще что такое... — Леро заплакала. — Мне уже все это кое-что так надоело... Я уже устала просто... Сейчас упаду, разревусь и никуда не пойду...

До «лужи» добрались без приключений. «Лужа» оказалась длинным узким болотом, какое можно было пересечь только натянув мост. Кламнат отстрелил фиксаторы; трубка моста замерла на струне троса.

— Я первый, — сказал Кламнат, взявшись за мост. — Слишком большой пролет для двоих, переходим по одиночке. Стой, жди, и даже ни шагу в сторону.

Он заскользил по тросу. Небо над полосой полотна простерлось матово-сиреневой гладью; глаза после сумрака леса никак не могли привыкнуть, на свет было больно смотреть, и это почему-то не прекращалось. Сощурившись, сквозь колючие слезы, Леро наблюдала за Кламнатом, потеряв тот момент, когда призрак костюма растворился в грязно-буром фоне болот. Леро не поняла, сколько она простояла, как далеко мог удалиться Кламнат. От него остался только натянутый трос моста и струна ауксилларного троса, который вытягивался из бухты, там, в полумраке, где-то... Она не ощущала ни времени, ни расстояния.

Как вдруг горло сдавил чей-то локоть.

— Вот, сука, ты и попалась!..

Леро только сумела понять, что рука была в защитном костюме, а мерзкий дрожащий голос она уже раньше слышала. Она дернулась, пытаясь выдраться из-под локтя. Вцепившись в этот локоть руками, ей удалось проволочь незнакомца несколько метров — затем она

рухнула в топь.

— Ах, ты сука!..

Она провалилась по пояс. Пытаясь по-прежнему отодрать руку от горла, она обернулась. В костюме, шлеме и стереомате — она все равно угадала этого косоглазого, который пытался ее захватить тогда ночью, на перевале. Она в отчаянии забилась, но цепкая жижа сковала, обволокла, обессилила.

— Ну куда же ты, моя славная, — прохрипел косоглазый и вцепился ей в шею второй рукой.

— Кламнат!.. — Леро сорвала голос, которого и так уже не было. — Кламнат, тут опять этот придурок!.. Кламнат, застрели меня, наконец!..

Услышал ли Кламнат, Леро не поняла — она даже не поняла, добрался он до конца или нет. Но вдруг ощутила, что «лужа» начинает потихоньку засасывать. Странное, непонятное ощущение — вроде как будто стоишь, в мерзкой каше по пояс, вроде ощущается дно... И вроде как будто висишь. И вроде уже не по пояс. Еще полминуты — и будет по грудь. Леро ощутила панику. Она отвернулась от косоглазого и стала выдираться как исступленная.

Косоглазый схватил Леро за грудь.

— Ах, ты хам! — взвизгнула Леро и треснула по стереомату ладонью.

И застыла. Метрах в трех за спиной косоглазого зависла огромная голова аллигатора. Голова застыла над жижей, устремив на Леро каменный взгляд.

— Мамочка... — прошептала Леро, отвернулась, дернулась прочь, из самых последних сил.

Через секунду за спиной раздался страшный удар. Что-то отвратительно чавкнуло, густой липкий воздух сотрясся. Хватка ладоней ослабла, Леро рванулась еще, сумела выдраться, отделиться на целый метр. Краем глаза она заметила что-то черное; затем поняла, что нечто дергает ее из болота, что в мерзкой жиже она по самую грудь, но трясина ослабляет хватку; Леро устремляется вверх, внизу раздается еще один ужасный глухой удар. Она повисает в воздухе, смотрит вниз, видит огромное бревно аллигатора, рядом обрубков тела — успевает увидеть, как тело погружается в топь, оставив на бурой поверхности черную кляксу крови.

— Леро, замри! — приказал Кламнат спокойно. — Большой пролет! Без резких движений... А то упадем оба, будет ему закуска. Веришь — не знаю, как оно еще держится.

Он тронул бухту ауксилларного троса, и Леро стала медленно подниматься. Она смотрела вниз, как застывший аллигатор медленно отдаляется — казалось, что он каменным взглядом смотрит ей вслед и вот-вот прыгнет. Бухта остановилась; аллигатор остался в четырех метрах. Кламнат тронул кольцо, они заскользили прочь. Они успели переместиться на двадцать метров, как дальний фиксатор просигнализировал и отвалился. Они полетели в болото; передний, однако, держался по-прежнему, и черный цилиндр, протаскивая их по топкой поверхности, выволок из трясины на корни.

— Нам повезло еще раз.

Кламнат щелкнул кольцом; дальний фиксатор приволок с собой огромный кусок древесины.

— Что оторвался не этот, — он освободил из ствола ближнюю спицу, подождал, пока трос соберется с обеих сторон, прицепил мост на место.

— Горит просто ужасно... — пробормотала Леро. — Пилуля твоя дурацкая опять не работает... — она сквозь слезы смотрела на ноги — на воспаленную, покрасневшую кожу. —

Больно пошевелиться... — она едва повернула голову, посмотрела на Кламмата. — Сколько еще идти?..

— Теперь осталось немного, — Кламнат достал баллончик со своим вонючим составом. — Капсулы больше не дам. Я все-таки удивляюсь, что ты еще на ногах и что-то бормочешь.

— Видишь, я такая, как ты... Хотя бы внутри... Ай, дурак, убери!.. Итак все горит!.. Ты еще этой мерзостью мучишь... Столько меня протащил, а здесь, наконец, замучишь...

— Отдыхаем десять минут, — Кламнат спрятал баллончик. — Только не засыпай. А то опять приснится кошмар.

— Клам, не смешно... Вообще не смешно...

* * *

К подножью нагорья, которое Кламнат показывал от реки, вышли, когда день закончился, а на востоке на горизонте уже различалась угрюмая полоса очередного кислотного фронта. Свернули направо, на юг, и начали подниматься по склонам этой группы невысоких холмов. На западе, под оранжево-сиреневой полосой заката, чернел неострыми зубьями кряж, где они ночевали в пещере, трое суток назад; на севере под ногами стелился буро-сажевый в сумерках ковер лесных крон; на востоке, там, где должен был быть горизонт, размытый сейчас облачным валом, сверкали паутинки далеких молний.

Леро было так плохо, как, кажется, не было еще никогда. В глазах полыхали разноцветные пятна, сквозь которые уже ничего не было видно. В ушах стоял нескончаемый звон, даже не звон, а рокот, какой-то гул — как будто в голове работал какой-то ужасный двигатель; особенно грохотало в левом, и с левой стороны Леро ничего не слышала. Кожа горела так, что, казалось, ее просто не было — любое прикосновение, даже дуновение ветра, терзало обнаженное мясо. Больше всего было от остатков платья и ремешков сандалий; платье Леро хотела содрать и выкинуть, но просто не было сил это сделать.

А идти нужно было все дальше наверх, где ветер, несущий кислоту с востока, гудел все сильнее, все сильнее испепеляя кожу и выжигая легкие. Для навигации, может, и пустыки, но Леро не навигация... Капсула переставала работать, а новую Кламнат не дал — сказал, чтобы Леро терпела, осталось совсем немного, а чего ожидать от двух таких капсул в течение суток — неясно, и лучше не рисковать — ведь Леро умеет терпеть. Они поднимались по сухой, наконец, почве, под сухими деревьями, с которых сыпались маленькие колючки, липшие к волосам и скребущие кожу.. Леро смотрела под ноги сквозь жгучие слезы, шагала, думала — если она сейчас упадет, то не встанет уже никогда.

Они поднялись метров на сто и оказались в ложбине между плоскими куполами холмов. Здесь начиналась сухая трава, которая снова терзала ноги; зато кончился ветер, измучивший Леро пока они поднимались (в джунглях хотя бы не было ветра — такого ветра). Кламнат, как показалось Леро, чего-то странно боялся — шел медленно, останавливался, долго смотрел в стереомат, поднимал панель на шлем, оглядывался невооруженным глазом, снова сцеплял панель на нос, снова поднимал на шлем — шел дальше, полагаясь будто только на чувство.

Они шли, углубляясь в нагорье; купола холмов вырастали, загромождая небо. Они шли дальше, и было уже так темно, что Леро, которая и так почти ничего не видела, наконец погрузилась в сверкающую пятнами темноту, перестала различать спину Кламмата... Она все-таки собралась с силами, догнала его, схватила за руку.

— Темно... — сказала она еле слышно.

— Нет, иди сзади, — Кламнат остановил Леро.

— Ну мы ведь пришли...

— Нет, мы еще не пришли.

— Дай мне веревку... Не вижу...

Кламнат отпустил конец троса, Леро взялась за фиксатор — толстая гладкая спица, какая-то такая удобная, какая-то такая во всем этом холодном кошмаре уютная, какая-то такая домашняя — пошла.

И через секунду ослепла, оглохла и растерялась еще больше, чем все это время была. Впереди за Кламнатом вспыхнул красно-синий огонь. Раскатился протяжный треск, завоняло — очень похоже на то, как воняла сфера защиты, разбивая разряд. Кламнат обрисовался черной фигурой, защитившей Леро от пламени; вокруг, выжигая стебли травы, растекся странной искрящейся смесью огонь.

— Ну что, опять, что ли!..

Леро подпрыгнула, догнала Кламната, вцепилась в локоть и выглянула из-за плеча.

Впереди во мраке рисовалось огненное чудовище. Шестиногое туловище болотного аллигатора — небольшого, метров трех-четырех, — только тоньше шея и хвост, которые сужались к концу; вдоль спины — высокий огненный веер. Силуэт очерчен цепочками искр — красных, синих и фиолетовых; самая мощная цепь — вдоль хребта; от нее расходится паутина огней на лапы и синие спицы костей, между спицами густо-алым мерцают перепонки гребня — словно подсвеченные у основания. Шею венчает сплюснутый череп с пустыми дисками глаз; в глубине приоткрытой пасти рдеет огонь.

Леро успела отметить, что самые яркие звезды собрались на кончиках спиц, хвоста, пальцев на лапах. Затем животное раскрыло горящую пасть и выпустило перед собой новый язык огня. Вместе с огнем ударили хлесткие молнии — вонзившись в землю, они рассыпались искрами и расстелились ковром, следуя за языком огня, который растекся пылающим озером по ложбине. Искристое море коснулось ног, Леро почувствовала удар и ощутила, что не может пошевелиться.

Кламнат рванулся вперед, сорвал с кольца арбалет, присел, прицелился и пустил стрелу. Ящер, раскрывший пасть снова, чтобы выпустить новый язык огня молний, получил стрелу, несколько раз содрогнулся и замер. Призрак продолжал мерцать недолго; Леро отметила, что самый яркий огонь, на острых концах, начал меркнуть. В фиолетовом свете Леро увидела, как Кламнат махнул рукой, чтобы она подошла.

— Иначе его не убьешь, — Кламнат нажал спуск механизма; арбалет ответил зеленым огнем, едва видимый трос натянулся, стрела вернулась из мерцающей пасти. — Только повредить мозг. Или в глаз, или в небную перегородку. Второе несложно, ты видела — пасть у него целый метр.

— Я даже не думала, что такое бывает!..

— Они больше опасны когда кислота заканчивается. Когда мигранты идут назад — они наедаются на целый сезон и потом гуляют, спят, размножаются, — Кламнат вернул арбалет на место. — Как понимаешь, конкурентов здесь у них нет. Но самое страшное одолеть, как правило, легче всего. Ну-ка...

Кламнат взял Леро на руки, обошел горящее туловище и нес еще долго. Леро оглянулась на ящера, на тлеющий сочным рубином веер, пронизанный синими спицами.

— А кого он собирается есть сейчас? Ведь сейчас никого нет.

— Леро, подумай.

— Значит, кого-то учуял?.. Какую-то белковую жизнь... Значит, эти... Этот, он ведь один...

— Да. Он пришел первый. И мы тоже пришли.

Кламмат осторожно опустил Леро в траву, тронул браслет. Впереди во тьме раскрылся тускло светящийся прямоугольник.

— Леро, останешься здесь.

— Почему?! — Леро так возмутилась, что были бы силы — подпрыгнула.

— Потому что сейчас будет бой.

— Но я...

— Леро, — Кламмат положил руку ей на плечо. — Ты мне будешь мешать. Пойми меня правильно.

— Я понимаю, — сказала Леро чуть слышно. — Не дура... А ты дурак, и без меня пропадешь! Ну что же такое... Обещай, что все будет нормально! Обещай, что ты его быстро убьешь и мы, наконец...

Кламмат молчал.

— Не обещаешь?! А кто говорил, что не бросит меня?!

— Леро, тебя заберут. Когда все это кончится, тебя заберут. А здесь, — он указал в свет проема, — ты проживешь сколько угодно. Что, где, как — разберешься.

— Вот ты дурак, — Леро заплакала. — Воспитывала я тебя, воспитывала... А ты свиг какой-то неблагодарный... — она упала на колени, закрыла лицо руками.

— Леро. Сиди здесь и жди меня здесь.

— А вдруг он только и караулит? Чтобы ты меня здесь оставил?

— Леро, играть в заложников ему нет никакого смысла...

— Причем тут я! Чтобы ты остался один, без меня! Ты ведь дурак, и без меня пропадешь!

— Леро...

— Эти ваши дурацкие счеты!.. — Леро отняла от лица ладони, подняла голову. — Почему мы просто не улетим? — она вскочила, скривилась от вернувшейся боли. — Ну что такое? Что, трудно пробраться, чтобы он не заметил?

— Леро, — Кламмат замолчал на минуту. — Я же тебе говорил... Ты знаешь, что такое контубернал. Он изнасиловал и убил девушку моего друга — контубернала. Я должен ему отомстить.

— Помню... Она ведь вроде как осталась жива... Ты обещал рассказать... Ты только обещаешь, и ничего не делаешь! Я сейчас тебя брошу и отсюда уйду.

Кламмат снова положил руку ей на плечо, мягко сжал пальцы.

— Стой здесь и жди меня здесь.

Он развернулся и направился к двери. Через минуту его силуэт мелькнул в светящемся прямоугольнике и исчез.

— Ненавижу...

Леро снова заплакала — так, как не плакала еще никогда в жизни. Она долго стояла, потом снова присела, долго сидела, разглядывая прямоугольник открытой двери. Ей на самом деле захотелось вскочить и куда-нибудь убежать. Только сил не было никаких. Ей казалось, что сил не хватит даже чтобы просто дойти до дверей, чтобы просто посмотреть, что там внутри... А что там внутри, интересно?..

— Какая я все-таки дура, — сказала она, размазав по горящим щекам горящие слезы. —

Ну почему я такая дура? Все люди как люди, а я... Никогда, ни разу... Вообще ничего никогда не получалось... По-человечески... Ни разу... Даже не сдохну никак...

Просто сидеть и ждать сил тоже не было никаких. Надо подняться и дойти до дверей. Просто потому, что там свет, там — уже не этот кошмар, не жестокие камни, не адские джунгли. И там сейчас Кламнат. Она просто подойдет к двери и будет ждать там. А Кламнат — пусть только попробует не вернуться... Попробует ее не забрать... Она ему тогда устроит...

Леро сидела, сидела, сидела, собираясь с силами, но вот, наконец, поднялась, пошла. Дошла до двери. Вцепилась в гладкую стену, присела, привалившись горящим плечом. Стена была какой-то чужой, несвойственной окружающему кошмару, к которому Леро уже даже привыкла... Ей даже показалось, что стена была теплая, грела в холоде наступающей ночи... Нет, это просто горит измученное плечо.

Леро сидела, сидела, сидела, и поняла, что ждать Кламмата здесь больше не будет. Ей стало по-странному страшно. За Кламмата. Она его бросила. Он там один. С этим придурком. Она ему будет мешать? Почему? Как? Она ему что, чужая? Дура... Девчонка... Конечно, чужая — кто она ему такая вообще? Он не бросил ее, проволоч за собой сквозь этот кошмар — ну и что? Этот придурок тоже волок за собой этих придурков — потому что одному здесь не выжить. Элементарно — ты вытаскиваешь меня, я вытаскиваю тебя... Элементарно.

Нет, не чужая. Если Кламнат, дурак, думает, что чужая, то он дурак. А она так не думает. В конце концов, она его поцеловала, и он не сопротивлялся! Когда они отсюда, наконец, уберутся, она поставит вопрос ребром. Тогда как будет — так будет. А сейчас — Кламмата бросать нельзя. Надо идти и спасать. Если его не спасти, тот придурок его убьет. Надо идти и его спасать! А она сидит здесь, как дура! Сколько времени уже потеряла! Ведь не успеет!

Холодея от мысли, что она уже опоздала, что Кламнат уже где-то лежит мертвый, не дождавшись, пока она прибежит и поможет — убить этого гада, — Леро поднялась, шатаясь пошла, побежала... Бежать было ясно куда — вперед, по коридору, он здесь один... Лента тусклого световода под потолком, серо-зеленые стены, закрытые двери по сторонам, какие-то указатели... Сколько она уже пробежала, Леро не понимала — то ли пятнадцать метров, то ли сто пятьдесят... То ли уже километр...

Она выбежала в какой-то зал, где в глубине, в полусумрачном освещении высились матовые стальные цилиндры. Леро подумалось, что это, наверно, просто чехлы, под которыми скрываются какие-нибудь аппараты... Коридор выходил на балкон, пролегающий под потолком мрачного зала; Леро повернула направо, побежала по правой части балкона. Слева впереди увидела лестницу; с балкона можно было спуститься вниз, к подножью цилиндров. Бежать надо было туда.

Леро скатилась по лестнице и, промчавшись между стеной и цилиндрами, пересекла мрачный зал. За цилиндрами зал не кончался — нет, кончался, но не стеной, а новым балконом, который навис над новым пространством. В другом, нижнем зале тоже стояли цилиндры, но ниже и толще. Пол в этом зале был как решетка — под ней, под каждым цилиндром, виднелись какие-то механизмы. Леро увидела новую лестницу, бросилась к ней, скатилась. Забежала в цилиндры, гулко топая по решетке, остановилась. И слышала чей-то топот — кто-то бежал, рядом, от нее или к ней — непонятно.

Топот стих. Леро рванулась на топот, пробежала почти все цилиндры. Впереди остался последний; за ним в стене виднелся новый проход и в нем новая лестница, которая

опускалась дальше. Сердце стучало так, как не было еще никогда; в ушах клокотало, в глазах сверкали яркие пятна... Леро почти ничего не видела... Но смогла разобрать две фигуры в защитных костюмах.

Первый спускается вниз и должен вот-вот исчезнуть... Пространство Леро уже не воспринимает... Он спускается целую вечность, но все никак не исчезнет... А исчезнуть нужно скорее, скорее, скорее! Второй стоит за крайним цилиндром, в десяти шагах перед Леро... Поднимает ствол карабина... Сердце грохочет так, что в ушах лопаются перепонки, а грохот слышно на километр вокруг... На карабине сияет желтый огонь... Сердце грохочет так, что второй слышит и оборачивается...

Леро кричит, чтобы Кламнат рванул вперед и скрылся, но голоса больше нет и ничего не слышно. Пытается крикнуть снова, но дыхания тоже нет, а сердце сейчас взорвется... И оно взорвалось — загорается синий огонь — ствол карабина вонзается в грудь.

* * *

Леро проснулась, долго лежала не открывая глаз, нежась в уютной постели. Открыла глаза, долго смотрела в большой круглый светильник, очень приятный глазу своим мягким жемчужно-опаловым светом. Потом огляделась. Какая-то небольшая комната; кроме кровати и блока с приборами — ничего.

Леро пошевелилась и обнаружила, что тело покрыто странной пленкой. Вытащила руку из-под покрывала, посмотрела на пальцы — пленка почти прозрачная, кожа под ней словно под янтарем — словно новая. Потрогала грудь — пленка толстая, мягкая, приятная, ласковая.

Леро лежала, ей было хорошо, спокойно, удобно... Интересно, что такое вокруг и как она здесь оказалась? Интересно, что это за странная пленка, что за приборы, что это вообще все такое? Ладно, потом... Сейчас так тепло, так уютно, ничего не болит... Ничего не жжет, не горит, не пылает, дышится так хорошо и мягко... Воздух такой приятный... Чистый, гладкий, какой-то шелковый... И не надо никуда бежать, не надо никуда падать, никуда забираться, просто куда-то спешить...

Она еще долго лежала, наслаждаясь тишиной, покоем и ласковой теплотой в теле. Наконец память стала просыпаться тоже. Все возвратилось сразу, как будто вспыхнуло — весь путь от той злосчастной поляны до станции. Леро лежала, проваливаясь в ушедший кошмар. Не выдержала, закричала, приподнявшись на локте.

— Кламнат!.. Ты где?.. Клам!..

В комнату вошел человек, подошел к Леро, взял за руку.

— Все нормально. Скоро придет.

— Ты кто?

— Доктор.

— Скоро придет? Значит, с ним все нормально... — Леро откинулась на спину, закрыла глаза, перевела дыхание.

— Конечно.

— А с этим?

— Хайдег? Убит. Отдыхай. Кламнат скоро придет и расскажет.

— Я успела... А он дурак... Я же знала, что его нельзя отпускать... А он гад... «Ты мне будешь мешать»... Ненавижу...

— Скоро придет, — доктор взял ее за руку. — Тогда разберетесь. Пока отдыхай. И не плачь — все нормально.

— Пусть только придет... Я ему тут устрою...

— Разумеется, — доктор оправил ей на груди покрывало.

— Шрамы останутся?..

— Немного и почти все небольшие.

— Где?..

— Этот останется точно, — доктор провел ладонью от живота до груди. — Увы, но будет самый заметный. Атрофический, просто светлая полоса. Потом, может быть, восстановится. Но пока даже не загорит.

— Потом — это когда?..

— Позагорать успеешь.

— Когда успею?.. Старухи тоже, вон, загорают... Пойди на пляж, смотреть страшно... А откуда он взялся? Я вроде бы так не падала... Хотя я уже не помню... Как падала...

— Карабин.

— И что?.. Нельзя было его как-то вылечить?.. Как-то замазать?..

— Удивительно, что ты вообще здесь лежишь. В твоём случае шансов было четыре процента.

— Что за глупость такая!.. Шансов всегда бывает пятьдесят процентов. Или да, или нет.

— Ну, это статистика. Отдыхай.

— Позови Кламмата. Я буду с ним разговаривать.

— Скоро придет.

...Доктор ушел. Леро погрузилась в дрему. Когда она снова очнулась, увидела Кламмата — он сидел на краю постели, в темно-серо-зеленой форме, с нашивками и фалерами — Леро сначала его не узнала.

— А, это ты, предатель... — пробормотала она чуть слышно. — Бросил меня, там, на улице... Ну нет, я так просто от тебя не отстану... Теперь все, от меня не избавишься... Будешь теперь терпеть, со шрамом... — она замолчала, заплакала. — Он бы тебя убил.

— Да, — кивнул Кламнат. — Я его прозевал. На базе антураж не работает, другая физика боя... Локальный биоконтроль, если комплект, неточен. А в жмурки я, честно сказать, в детстве всегда проигрывал. Мне нужен явный противник, Леро.

— Один на один, как в древности...

— Один на один.

— Видишь, не на один! Я же тебе говорила... Одному кое-что и не получается. Какой ты все-таки остолоп... Сколько еще тебя воспитывать...

— Теперь я должен тебя спасти еще как минимум раз.

— Вот ты дурак, — Леро приподнялась на локте. — Нет, вот дурак все-таки, — она рассердилась так, что вяло хлопнула ладонью по краю постели. — Тебе этого мало?

— Леро, теперь...

— Ты уже говорил, — она откинулась на подушку. — Про этих твоих контуберналов я в курсе. И дурак еще потому, что собираешься это считать. Кто кого сколько раз переспас... Ну, бери, считай... Все равно будет, что ты меня больше спасал... Так что заткнись.

Кламнат молчал.

— Видишь, мы с тобой отомстили... За девочку... А где он, твой этот...

— В другом секторе. Далеко.

— Ты давно его видел?

— Несколько лет.

— А что это у тебя за железки такие?.. — Леро стала засыпать снова. — Вот эта, круглая — что?..

— Огненная звезда.

— Правда?! — Леро снова очнулась, снова выпрямилась на локте. — Та самая? Настоящая?

— Я убежал со сбора, — Кламнат поморщился. — На борту наш полковник, еще кто-то из Центра. Форма одежды — парадная... Так я ее не ношу.

— Еще раз дурак, — Леро снова откинулась на подушку. — Заслужил — надо носить.

— Железка.

— Что мне с тобой делать — не знаю. Тебя надо воспитывать, страшно сказать как. Ну ничего, вот поправлюсь... Будешь у меня как шелковый... — Леро погружалась в сон. — Кламнат, полетели ко мне... У меня дома так здорово... Горы, озера, лес... Солнышко... Крокодилов нет, прыгающих...

— Есть еще пара дел. И потом — обязательно.

— Какие дела? Опять кого-нибудь убивать? Хватит... И все, заткнись, наконец... Летим, и не спорь... Летим...

* * *

Больше книг на сайте - Knigolub.net